

Тюменский государственный архитектурно-строительный университет
Тюменская областная Дума
Тюменский государственный университет
Тюменское отделение Российской муниципальной академии
НИИ Экологии и рационального использования природных ресурсов
Фонд содействия северным и арктическим территориям
«Север наш»

*Посвящается памяти
Александра Алексеевича Большакова*

Стратегические проекты освоения водных ресурсов Сибири и Арктики в XXI веке: концептуальное мышление и идентификация личности

Сборник докладов
Международной научно-практической конференции

Том 2

Тюмень, 2012

УДК 556

ББК Ч 48 + 109

С-83

С-83 Стратегические проекты освоения водных ресурсов Сибири и Арктики в XXI веке: концептуальное мышление и идентификация личности: Сборник докладов Международной научно-практической конференции. Т. 2. – Тюмень: РИО ТюмГАСУ, 2012. – 191 с.

В сборнике представлены доклады Международной научно-практической конференции «Стратегические проекты освоения водных ресурсов Сибири и Арктики в XXI веке: концептуальное мышление и идентификация личности» ведущих научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов России, Германии, Белоруссии и Казахстана. Доклады печатаются в авторской редакции.

Предназначен для студентов вузов, аспирантов и преподавателей. Может быть использован в работе служащих органов государственной власти и местного самоуправления.

Редакционная коллегия:

Г.А. Щербаков, к.с.н., доцент

О.В. Сидоренко, к.т.н.

В.В. Кропчев, академик Российской муниципальной академии

С.Н. Гашев, д.б.н., профессор

Г.С. Корепанов, д.с.н., заместитель председателя Тюменской областной думы

Т.Г. Линник, д.э.н., профессор

С.Ж. Макашева, д.ф.н., профессор

А.Б. Храмов, к.и.н., доцент (ответственный редактор)

ISBN

УДК 556

ББК Ч 48 + 109

© ГОУ ВПО «ТюмГАСУ», 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ ВТОРАЯ: «ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ И АРКТИКИ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА».....	5
<i>Алексеева Н.В., Храмцов А.Б.</i> Оценка реализации окружной целевой программы «Чистая вода» в ХМАО-Югре.....	5
<i>Андрейкин В.Г.</i> Человеческие измерения глобализации.....	12
<i>Апрелева В.А.</i> Вода как символ жизни в концепции природоцентризма.....	15
<i>Баймулдина Н.С.</i> Инновационные технологии в образовании в контексте современных процессов глобализации.....	19
<i>Баранова К.Л.</i> Пенсионное обеспечение в регионе: социологический подход..	22
<i>Барышева Е.С., Храмцов А.Б.</i> Общественные организации Западной Сибири в деле развития здорового образа жизни населения в конце XIX – начале XX веков.....	24
<i>Васильев С.А.</i> Жилищно-коммунальная сфера: проблемы отношений и источников развития.....	32
<i>Ганопольский М.Г.</i> Проектирование: экологический императив.....	41
<i>Голубчиков Ю.Н.</i> Проблемы и перспективы приполярного пространства России.....	46
<i>Горохов А.А.</i> Финансово-экономический механизм расширенного воспроизводства в товарном и промышленном рыбоводстве Тюменской области.....	52
<i>Евсеев В.Н.</i> Рыбный промысел в природопользовании старожилов Обь-Иртышского севера.....	55
<i>Зайцев Г.С., Евсеев В.Н.</i> Морская экспедиция П.П. Крузенштерна 1862 г. в истории освоения Арктики.....	60
<i>Ищенко О.В.</i> Государственная политика в области женского образования и ее реализация в Сибирском регионе во второй половине XIX – начале XX веков.....	63
<i>Камынин В.Д.</i> Исследователи о социально-политической ситуации в Северо-Западной Сибири накануне создания Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса.....	72
<i>Кирбетова Ж.С.</i> Анализ современного состояния сырьевой и перерабатывающей отрасли.....	75
<i>Кропчева Т.В., Кропчев В.В.</i> Языки малочисленных народов Сибири как отражение культуры и опыта их носителей.....	78
<i>Кузьмина Т.В., Петрова Ю.А.</i> Основные тенденции и проблематика государственного управления сферой культуры на современном этапе.....	82
<i>Ларионова К.А., Храмцов А.Б.</i> Формирование здорового образа жизни как приоритетная задача органов государственной власти Тюменской области.....	86
<i>Линник Т.Г., Скифская А.Л.</i> Транспарентность информации и информационное сопровождение.....	95
<i>Лужков Ю.М.</i> О проектах освоения водных ресурсов России.....	97

<i>Макашева Е.Д.</i> Регулирование государством рынка зерна в период глобализации экономических отношений.....	102
<i>Макашева С.Ж.</i> Река в жизни русских старожилов Обь-Иртышского Севера...	105
<i>Медведева Н.Г.</i> Налогообложение водопользования как фактор стимулирования эффективного и рационального использования водных ресурсов и их сохранения.....	111
<i>Минаков В.Б.</i> Актуальность сибирской проблематики.....	114
<i>Рафикова Н.Д., Рафикова Т.Н.</i> Основные итоги изучения материальной культуры бакальского населения.....	117
<i>Ревякина О.В.</i> Роль власти и бизнеса в обеспечении экологической безопасности северных территорий.....	121
<i>Родина В.Н.</i> Культура студентов в рамках организационной культуры современного вуза.....	123
<i>Светличный С.И.</i> О некоторых актуальных аспектах и перспективах освоения водных ресурсов в западносибирском регионе.....	127
<i>Смидт Ф.</i> Водные проблемы XXI века.....	131
<i>Солодкин Я.Г.</i> К ранней истории русской администрации Сибири (на примерах Пелыма, Верхотурья и Туринска времени московской смуты).....	134
<i>Солодкин Я.Г.</i> К истории администрации Тюмени, Тары и Томска в смутное время: сословная принадлежность и хронология функционирования.....	138
<i>Устинова О.В.</i> Деторождение как ценностная ориентация граждан.....	145
<i>Утешев Р.С.</i> Роль карьерного планирования в профессиональном развитии менеджера.....	146
<i>Хворостов А.Ю.</i> Правовой режим традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России.....	152
<i>Храмцов А.Б.</i> Проблемы становления местного самоуправления в малых городах Западной Сибири в 1892-1917 гг.....	155
<i>Черепанова В.Н.</i> Репутация вуза в рамках релевантных структур.....	161
<i>Щербаков Г.А.</i> Некоторые основания для стратегии развития Сибири и Арктики в XXI веке.....	168
<i>Яковлева К.С., Храмцов А.Б.</i> Общества трезвости Западной Сибири на рубеже XIX-XX веков.....	173
<i>Яковлева К.С.</i> Происшествия и преступления в городах Томской губернии в 1900-1919 годах.....	180
Резолюция Международной научно-практической конференции «Стратегические проекты освоения водных ресурсов Сибири и Арктики в XXI веке: концептуальное мышление и идентификация личности».....	188

СЕКЦИЯ ВТОРАЯ: «ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ И АРКТИКИ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА»

ОЦЕНКА РЕАЛИЗАЦИИ ОКРУЖНОЙ ЦЕЛЕВОЙ ПРОГРАММЫ «ЧИСТАЯ ВОДА» В ХМАО-ЮГРЕ

Алексеева Н.В., студент ТюмГАСУ

Храмцов А.Б., к.и.н., доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ

Ханты-Мансийский округ-Югра имеет мощный водноресурсный потенциал. Общее число рек в автономном округе – около 30 тыс., состояние которых признается неудовлетворительным. В частности, воздействие техногенных систем на водные объекты характеризуется в том числе объемами забора для использования воды из водных объектов и сбросами загрязненных сточных вод (см.: табл. 1). Согласно отчету 2-ТП, водхоз сброс сточных вод осуществляется 75 предприятиями через 116 выпусков (37 – нормативно очищенные и 79 – недостаточно очищенные), 8 предприятий осуществляют сброс без очистки.

Таблица 1

Показатели водопотребления и водоотведения в ХМАО-Югре. 2008-2010 гг.

Наименование показателя	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2010 г. / 2008 г., %
Использовано воды, всего млн. м ³	1 559,82	1 184,32	1140,30	73,1
Объем оборотной и повторно-последовательно используемой воды млн. м ³	9 217,52	9 244,93	6874,1	74,5
Водоотведение в поверхностные водоемы, всего: млн. м ³	920,12	719,57	604,08	65,6
в том числе:				
загрязненных сточных вод млн. м ³	42,0	46,25	44,64	106,2
без очистки млн. м ³	2,76	2,73	1,12	40,5
недостаточно-очищенных млн. м ³	39,24	43,79	43,51	110,9
нормативно чистых млн. м ³	801,45	607,77	482,73	60,2
нормативно-очищенных млн. м ³	76,57	65,55	76, 71	100,2

На 01.01.2011 в ХМАО-Югре зарегистрировано очистных сооружений – 117 шт., из них 9 – механическая очистка и 108 – биологическая очистка. Одни очистные сооружения (ООО «Белозерный газоперерабатывающий комплекс») выведены в простой и не эксплуатировались. Состояние поверхностных вод водотоков на территории автономного округа представлено в *таблице 2*.

Вещества, вносящие основной вклад в загрязнение водотоков – железо, медь, марганец. Большинство водных объектов являются загрязненными. По данным ГУ «Ханты-Мансийский ЦГМС» в первом полугодии 2011 года поверхностные воды автономного округа относились преимущественно к 3 классу качества разряд «А» – «весьма загрязненные», воды реки Аган, Казым и Обь в районе г. Нижневартовск – ко 2 классу «слабо загрязненные». По сравнению с 2009 г. наблюдается тенденция улучшения качества воды, по

сравнению с 2010 г. – стабилизация и улучшение качества воды рек Аган, Конда и Обь в районе городов Нефтеюганска и Нижневартовска. Средние концентрации нефтепродуктов и хлоридов не превышают ПДКрх.

Таблица 2

*Динамика качества воды поверхностных водных объектов ХМАО-Югры.
2008-2010 гг.*

Район	Водный объект, пункт, створ	Качество воды		
		2008 г.	2009 г.	2010 г.
Белоярский	р. Обь - с. Полноват	Грязная	Очень загрязненная	Очень загрязненная
Белоярский	р. Казым - д. Юильск	Очень загрязненная	Очень загрязненная	Загрязненная
Белоярский	р. Казым - г. Белоярский выше	Грязная	Очень загрязненная	Загрязненная
Белоярский	р. Казым - г. Белоярский ниже	Грязная	Очень загрязненная	Очень загрязненная
Белоярский	р. Амня - с. Казым	Грязная	Очень загрязненная	Очень загрязненная
Берёзовский	р. Сев. Сосьва - п. Сосьва	Грязная	Очень загрязненная	Грязная
Берёзовский	р. Сев. Сосьва - пгт. Берёзово	Грязная	Очень загрязненная	Очень загрязненная
Берёзовский	р. Ляпин - с. Ламбовож	Грязная	Грязная	Грязная
Кондинский	р. Конда - г. Урай	Грязная	Грязная	Грязная
Кондинский	р. Конда - с. Болчары	Грязная	Очень загрязненная	Загрязненная
Октябрьский	р. Обь - пгт. Октябрьское	Грязная	Грязная	Очень загрязненная
Сургутский	р. Обь - г. Сургут	Грязная	Очень загрязненная	Очень загрязненная
Сургутский	р. Обь - с. Сытомино	Грязная	Грязная	Грязная
Сургутский	р. Тром-Юган - д. Рускинская	Грязная	Грязная	Очень загрязненная
Сургутский	р. Большой Юган - с. Угут	Грязная	Грязная	Очень загрязненная
Сургутский	р. Пим - г. Лянтор		Очень загрязненная	Очень загрязненная
Нефтеюганский	Р. Обь - г. Нефтеюганск	Грязная	Очень загрязненная	Очень загрязненная
Нижневартовский	р. Обь - г. Нижневартовск	Грязная	Грязная	Очень загрязненная
Нижневартовский	р. Вах - с. Ларьяк	Грязная	Очень загрязненная	Очень загрязненная
Нижневартовский	р. Вах - п. Ваховск	Грязная	Очень загрязненная	Загрязненная
Нижневартовский	р. Вах - с. Большетархово	Очень загрязненная	Очень загрязненная	Загрязненная

Нижневартовский	р. Аган - пгт. Новоаганск	Грязная	Очень загрязненная	Загрязненная
Ханты-Мансийский	р. Обь - д. Белогорье	Грязная	Грязная	Загрязненная
Ханты-Мансийский	р. Иртыш п. Горноправдинск	Грязная	Очень загрязненная	Очень загрязненная
Ханты-Мансийский	р. Иртыш - г. Ханты-Мансийск выше	Грязная	Грязная	Очень загрязненная
Ханты-Мансийский	р. Иртыш - г. Ханты-Мансийск ниже	Грязная	Грязная	Очень загрязненная
Ханты-Мансийский	р. Конда - п. Выкатной	Очень загрязненная	Очень загрязненная	Загрязненная
Ханты-Мансийский	р. Назым - с. Кышик	Грязная	Очень загрязненная	Загрязненная

Почти на всех обследуемых водотоках отмечается стабильно высокое содержание марганца – до 10 ПДК, железа – до 23 ПДК, меди – до 15 ПДК, а так же разовые превышения до 3ПДК по химическому потреблению кислорода и по нитритам. Повышенные значения показателя БПК отмечены в р. Конда ниже по течению от п. Болчары на выходе с Зимнего лицензионного участка ООО «Газпромнефть-Хантос» и в р. Вать-Еган – 500 ниже выпуска КОС-7000 ЗАО «УТВиК», где рост значений БПК связан с бытовыми стоками.

Состояние поверхностных вод в границах лицензионных участков недр в период зимней межени 2010-2011 гг. характеризуются следующими значениями загрязняющих веществ:

- величина среднего содержания аммонийного азота, нитратов, фосфатов и сульфатов значительно не изменилась и находилась в пределах фона;

- по сравнению с аналогичным периодом прошлого года увеличилось количество случаев превышения предельно-допустимой концентрации (далее – ПДК) в пробах азота аммонийного на 87%, фосфатов на 46%, цинка на 12%. Среднее содержание ртути в водоёмах распределенного фонда недр повысилось в 1,5 раза по сравнению с уровнем 2009-2010 гг., количество случаев превышения ПДКвр. остается на высоком уровне и составляет 22,7%.

- по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 26,8%, увеличилось число проб, относящихся к категории «чистые»;

- отмечается тенденция уменьшения количества измерений АПАВ (менее 1%) и фенолов (1,69 %) превышающих ПДК. Количество случаев превышения ПДКвр. по свинцу уменьшилось в 3 раза.

В 2011 году солевое загрязнение было выражено несколько слабее, чем в 2010 году. Превышение ПДК хлоридов отмечено в 0,7% проб, экстремально-высоких концентраций не отмечено. Большинство случаев солевого загрязнения наблюдается на участках, разрабатываемых ООО «РН-Юганскнефтегаз». Наиболее загрязненными остаются безымянное озеро на Угутском лицензионном участке и река Ай-Яун (Средне-Балыкский и Южно-Балыкский л.у.).

По сравнению с 2008-2010 гг. диапазон варьирования нефтепродуктов значительно сократился, что свидетельствует об отсутствии значительных аварий, связанных с прямым поступлением нефти в водотоки. Число проб с концентрациями ниже уровня ПДК составляет 92%. В 2011 году наиболее значительное превышение ПДК вр. в 15,3 раза отмечено в р. Ай-Яун на территории Средне-Балыкского лицензионного участка ООО «РН-Юганскнефтегаз».

В 2011 году все пробы содержали железо и 99,5% проб содержали марганец в концентрациях превышающих ПДК. Причины повышенного содержания этих элементов связаны с поступлением грунтовых вод, стекающих с болотных комплексов.

Обращает на себя внимание значительное увеличение токсичности вод, определенное методом биотестирования. Индекс токсичности увеличился по сравнению с 2009 годом в 2 раза, возросло количество проб с высокой степенью токсичности.

Таким образом, анализ результатов наблюдений за состоянием поверхностных вод в границах лицензионных участков недр в первом квартале 2011 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года показал, что стабильными загрязнителями остаются железо общее, марганец, медь. Отмечается рост содержания тяжелых металлов в поверхностных водах за исключением свинца и хрома. Связано это с поступлением болотных вод, содержащих значительное количество соединений металлоорганических комплексов и влиянием аварийных разливов на водоводах. В результате реализации программных мероприятий, продолжилась тенденция к снижению нефтезагрязнения, случаи солевого загрязнения были единичны. Состав вод в целом был типичен для водных объектов таежной зоны Западной Сибири, случаи техногенного воздействия проявляются спорадически.

В 2008 году Правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры принято решение о разработке новой программы по обеспечению качественной питьевой водой населения автономного округа. Долгосрочная целевая программа «Чистая вода» (далее – ОЦП) на 2010-2020 годы утверждена постановлением Правительства округа от 1 декабря 2009 г. №318-п.

ОЦП предполагает проведение комплекса технических, организационно-управленческих и научно-исследовательских мероприятий, направленных на решение существующих проблем водоснабжения и охраны источников воды. Оценка эффективности программы проводится по 10 направлениям:

1. Реконструкция, расширение, модернизация, строительство объектов водоснабжения.
2. Реконструкция, расширение, модернизация, строительство объектов водоотведения.
3. Оптимизация систем водоснабжения и водоотведения поселений автономного округа путем разработки и внедрения моделей гидравлического расчета. Разработка плана модернизации и развития сетей.
4. Стимулирование производства бутилированной воды в малых населенных пунктах.

5. Поставка, монтаж и обслуживание установок доочистки питьевой воды в образовательных и медицинских учреждениях автономного округа.

6. Частичное субсидирование процентных ставок по привлекаемым кредитным средствам.

7. Обеззараживание и утилизация осадков сточных вод.

8. Контроль качества воды и информационное сопровождение программы.

9. Участие в уставном капитале организаций коммунального комплекса автономного округа.

10. Организация плавления снега.

Финансирование ОЦП осуществляется из разных источников. Всего за 2011-2013 гг. планируется направить 21 930 млн. руб., в том числе: федеральный бюджет – 5 377 млн. руб.; бюджет автономного округа – 3 764 млн. руб.; бюджеты муниципальных образований автономного округа (по согласованию) – 1 613 млн. руб.; внебюджетные средства – 11 176 млн. руб.

Департамент экологии выступает координатором целевой программы автономного округа «Чистая вода» на 2011-2013 годы. Согласно ОЦП, лимит финансирования по программе на 2011 год утвержден на уровне 2 337 млн. руб. На 1.12.2011 г. реализовано 15 % средств (см.: табл. 3).

Таблица 3

Финансовое исполнение ОЦП на 01.12.2011.. (тыс. руб.)

Источники финансирования	Утверждено целевой программой	Исполнение (нарастающим итогом)	
		на 01.12.2011	% от годового лимита
Бюджет автономного округа	56 000	-	-
Бюджет автономного округа	485 647,5	334 291,6	70,7 %
Бюджет муниципальных образований	50 405,3	5 861,8	11,6 %
Внебюджетные источники	1 745 623,8	-	-
Всего	2 337 676,6	349 153,4	14,9 %

Причем ОЦП реализуется во всех муниципальных образованиях ХМАО-Югры, соответственно, нагрузка ложится и на их бюджеты. В частности, реализация ОЦП на территории г. Нефтеюганска началась в 2008 году, где на заседании местной Думы была подготовлена и заслушана информация о реконструкции и модернизации системы жилищно-коммунального хозяйства города. Степень выполнения программных мероприятий была признана достаточно низкой. Специалисты сервисных компаний знают, что именно нужно модернизировать в водо- и теплоснабжении, водоотведении и канализации. Для этого у них есть свои субпроекты и программы. К примеру, было выделено несколько миллионов бюджетных рублей на реконструкцию ООО «Юганскводоканал» (по ОЦП «Чистая вода»). Однако данные средства просто растворились. Соответственно, бюджетные затраты на улучшение качества воды можно считать не эффективными.

В рамках программных мероприятий проводятся реконструкция, расширение, модернизация, строительство объектов водоснабжения и

водоотведения на территории автономного округа. В частности, в 2011 году – это 49 объектов на общую сумму 453 647 тыс. руб.

Кроме того, проводились первоочередные меры по использованию и охране водных объектов или их частей бассейна реки Обь на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2008-2010 годы. В этом направлении решались следующие задачи: 1) создание условий для рационального использования и охраны водных объектов или их частей бассейна реки Обь, расположенных на территории автономного округа; 2) восстановление и сохранение качества водных объектов, предотвращение их загрязнения; 3) обеспечение безопасных условий жизнедеятельности населения; 4) обеспечение экономического и социального развития автономного округа. Итоги реализации этих мер представлены в *табл. 4*.

Таблица 4

Выполнение берегоукрепительных работ в ХМАО-Югре. 2008-2010 гг.

№	Наименование мероприятий	Итоги реализации
1.	Укрепление берега р. Обь от пассажирского вокзала до речного порта в г. Сургуте (1 очередь)	завершено строительство берегоукрепительного сооружения протяженностью 464 п.м.
2.	Укрепление берега р. Конда в г. Урае	завершено строительство берегоукрепительного сооружения протяженностью 1885 п.м.
3.	Укрепление берега р. Иртыш в г. Ханты-Мансийске (1 пусковой комплекс)	продолжено строительство берегоукрепительного сооружения протяженностью 396 п.м.
4.	Укрепление берега р. Иртыш в г. Ханты-Мансийске (2 очередь)	продолжены работы по отсыпке территории песком гидронамывным способом
5.	Укрепление берега р. Конда у пгт. Междуреченский Кондинского района	завершено строительство берегоукрепительного сооружения протяженностью 998 п.м.
6.	Укрепление берега р. Вах в с. Большетархово Нижневартовского района	продолжено строительство берегоукрепительного сооружения протяженностью 1 050 п.м.
7.	Укрепление берега р. Обь у с. Сытомино Сургутского района	завершено строительство берегоукрепительного сооружения протяженностью 1 917 п.м.
8.	Укрепление берега р. Обь у с. Локосово Сургутского района	завершено строительство берегоукрепительного сооружения протяженностью 620 п.м.
9.	Строительство дамбы обвалования в п. Луговской Ханты-Мансийского района	продолжено строительство защитной дамбы обвалования протяженностью 6 815,5 п.м.
10.	Укрепление берега р. Иртыш в г. Ханты-Мансийске (2 очередь) (проектно-изыскательские работы)	выполнены проектно-изыскательские работы по берегоукрепительному сооружению протяженностью 1 300 п.м.

Как видно из таблицы 4, за 2008-2010 годы на 5 объектах из 10 завершены работы, т.е. эффективность реализации мероприятий – 50%.

Реализация ОЦП осуществляется через сеть подведомственных Департаменту экологии и Департаменту строительства и жилищно-коммунального комплекса учреждений и сервисных компаний. Департаменты поручают подведомственным учреждениям: исполнение функций государственного заказчика по приобретению материальных запасов и оборудования для предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на водных объектах; хранение материальных запасов и оборудования для предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций на объектах жилищно-коммунального назначения.

К примеру, бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа Природный парк «Нумто» было создано в 1997 г. для сохранения природно-исторического комплекса Верхнего Казыма и озера Нумто. В целях сохранения уникальных природных, исторических, энтографических комплексов, защиты мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера на природный парк «Нумто» окружного значения возлагаются следующие задачи: охрана эталонных и уникальных природных комплексов и объектов, слабоустойчивых биоценозов, возникающих на стыке ландшафтных зон тундры, лесотундры, тайги и позволяющих на сравнительно большой территории показать все многообразие целого региона севера Западной Сибири, водных ресурсов на ключевом водораздельном участке, сезонных станций животных, обитающих здесь, в том числе редких и исчезающих видов, природных ресурсов и целостных, не тронутых интенсивным освоением ландшафтных экосистемах, сохранение и культивирование традиционных, национальных видов природопользования (оленоводства, рыболовства, сбор дикорастущих плодов и ягод), ведение экологического мониторинга.

Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа Природный парк «Кондинские озера» учреждено в 1998 г. На природный парк окружного значения возлагаются следующие задачи: охрана эталонных и уникальных природных комплексов и объектов, водной системы Кондинских озер, являющейся основообразующей системой парка, ландшафтных экосистем, не тронутых интенсивным освоением, животных, ведущих кочевой образ жизни, (дикий северный олень-таежный подвид), памятников истории и археологии, организация научно-исследовательской и просветительской деятельности, ведение экологического мониторинга, создание условий для регулируемого туризма и зон отдыха.

Учреждение автономного округа «Управление капитального строительства Ханты-Мансийского автономного округа», созданное в 2003 г., участвует в разработке проектов и реализации программ по строительству и реконструкции объектов примышленного и жилищно-гражданского назначения, осуществляет капитальное строительство и ввод в эксплуатацию систем водоснабжения, водоотведения и очистки сточных вод, проектирование инженерных сетей систем водоснабжения. Следовательно, подведомственные учреждения в рамках ОЦП являются исполнителями программных мероприятий, реализуют государственные услуги и получают средства на их реализацию.

Реализация ОЦП «Чистая вода» продолжилась в 2012 г. Правительством округа утвержден Перечень населенных пунктов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, подверженных негативному воздействию вод и подлежащих обследованию в 2012 г. В нем 98 населенных пунктов (городских и сельских) и водных объектов. Кроме того, разработан предварительный перечень мероприятий по строительству водозащитных сооружений в населенных пунктах автономного округа на 2012-2015 гг.

Таким образом, по итогам комплексной оценки эффективность реализации ОЦП следует признать достаточно низкой (показатели в среднем до 50% от запланированных). В целом, на 2011 г. обеспеченность населения автономного округа централизованным водоснабжением составляет 90,6% (аналогичный показатель в 2009 г. – 90,4%); соответствие качества воды нормативным требованиям – 52% (51,3%); обеспеченность населения централизованным водоотведением – 87,1% (86,9%); соответствие очищенных стоков нормативным требованиям – 68,3% (68%); потери воды в сетях водоснабжения – 18,2% и обеспечено качественной питьевой водой 68,7% населения ХМАО-Югры.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Андрейкин В.Г. к.ф.н., доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ

Многие великие умы человечества говорили о необходимости объединения человечества для решения глобальных проблем и ответов на те вызовы, которые перед ним встали. Достаточно упомянуть единую линию развития человечества, ведущую к созданию общечеловеческой культуры (концепции Вольтера, Монтескье, Г. Лессинга, И. Канта, И.Г. Гердера, В. Соловьева, К. Ясперса и др.). Идеи глобального общества высказывались древнегреческим мыслителем Диогеном, он использовал понятие космополит, то есть гражданин мира или гражданин космополиии (общества мира). В мировоззрении жителей Китая, Средней Азии, Монгольской империи Чингисхана, важное место занимала идея Поднебесной – всей Земли (под Небом) и человеческого общества, существующего на ее просторах. Понимание «единого человечества» присутствовало у самого человечества всегда.

Последней и может быть самой яркой концепцией единого человечества можно, по-видимому, считать концепцию Ноосферы Леруа – Тейяра де Шардена – Вернадского. Серьезное научное исследование систем, составляющих в совокупности Ноосферу, фактически только начинается в XXI-м веке, хотя предпосылки для этой работы уже созданы в трудах многих выдающихся учёных и мыслителей. Ноосферное мировоззрение исходит из представлений об особой роли человека во Вселенной, как единственного на Земле носителя разума, и стремится выработать формы диалога между людьми разных культурных традиций.

Практические предпосылки формирования единого Человечества сегодня можно наблюдать во многих сферах человеческой деятельности, начиная с

ООН и кончая Интернетом. И скорее всего этот процесс остановить нельзя и очевидно делать этого не нужно, т.к. это единственный способ выживания человека как вида.

Такое высказывание может показаться спорным, но давайте представим себе как, не объединив усилий, люди могут исправить экологию Земли, остановить гонку вооружений и распространение ядерного оружия, предотвратить падение на Землю крупного метеорита и т.д. То есть сегодня достаточно очевидно, что появились и множатся глобальные, а, значит, общечеловеческие проблемы. Значит объединение усилий неизбежно и необходимо. Другой вопрос, каким путем и какой ценой?

Если решение проблемы предлагается на пути унификации культурной ли, экономической ли, или какой-либо другой, народов, образующих Человечество, то его (Человечество) ждет судьба СССР. Нельзя привести к «единому знаменателю» племя гуайякилов и, например, коряков, как не удалось из туркмен и эстонцев сделать «советский народ».

Если решение предлагается на пути отказа сложившихся социальных общностей, как бы они не назывались: народы, нации или еще как-то, от суверенитета, от права на самоопределения, самоидентификацию, мы получим постоянно бурлящий котел. У Человека нельзя отнимать права на отнесение себя к социуму, в котором он живет или к которому он себя относит, т.к. вне этих отношений он перестает существовать как этот человек. Вне этих отношений – Человека нет. Человечество оказалось жизнеспособным не только благодаря генетическому разнообразию, но главным образом благодаря разнообразию социальному.

Народы Мира сегодня находятся на разных ступенях развития, но принцип, по которому они организованы один – это принцип единства многообразия. Это универсальный принцип, лежащий в основе всех органических систем, одной из которых является человеческое общество.

Только то многообразие, которое соединено в единое может существовать и развиваться и развивается оно именно благодаря многообразию составляющих единство частей или элементов. Так развивались родовые общины, объединившиеся впоследствии в племена и племенные союзы и эволюционировавшие в дальнейшем в народы. Поскольку происходило все это в разных условиях – то и народы возникают разные, но принцип их развития один. Это наглядно подтверждается тем, что чем меньше разнообразие составляющих общину, племя или народ многообразие, тем выше шансы такой социальной общности к вырождению (как это видно из истории).

Каждый Человек уникален, неповторим, го существует он как Этот Человек, как Личность только в своей социальной общности. Именно поэтому составляющие Человечество социальные общности нельзя унифицировать, что пытается делать капитализм и против чего собственно выступают антиглобалисты или альтерглобалисты.

Глобализация это естественный и неизбежный процесс, его предсказал ещё Маркс 150 лет назад. Международный валютный фонд (МВФ), когда он озаботился теоретическим обоснованием «глобализации», сослался на

«Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Но каким путем? Сегодня уже очевидно, что та «глобализация», которую навязали и продолжают навязывать миру ТНК, МВФ, ВТО и другие подобные им организации, где условия диктуются крупным финансовым капиталом, приводят к страшным последствиям.

Глобализация по МВФ привела к чудовищному росту нищеты в мире и к фактическому истреблению населения планеты голодом. Во второй половине 80-х в мире умирало от голода 30 млн. человек в год, в начале 90-х - уже 40 млн., к 2000 году такие данные стали уже засекречиваться, но на I Международном форуме в Порту-Алегри (Бразилия) представители международных детских организаций сообщили, что одних только детей в возрасте до 16 лет в 2000 г. умерло 80 млн. Такие тенденции не могли не породить противодействия. И возникает, вначале стихийное, затем оформившееся в июне 1999 г. (в Кёльне состоялась первая манифестация антиглобалистов) движение. Движение становится международным и уже в январе 2001 г. оно перерастает во Всемирный социальный форум, который собрал в Порту-Алегри (Бразилия) более 11 тысяч делегатов из 122 стран мира. Всемирный социальный форум был создан не правительствами, а разными общественными движениями в противовес Международному экономическому форуму в Давосе.

Основной тезис антиглобалистов – нынешняя модель глобализации сформирована под покровительством мирового капитала и ведёт за собой:

- Растущий разрыв в доходах, уровне потребления, здоровья, образования в странах «золотого миллиарда» и «третьего мира».

- Недопустимые условия для работников низкой квалификации транснациональных корпораций.

- Доминирование массовой поп-культуры, подавление свободного творчества, «стандартизация умов»

- Потребительское и хищническое отношение к природе, попытка «обхода» экологических проблем, вывоз грязных производств в страны «третьего мира»

- Господство идеологии неолиберализма в целях все большей экспансии капитала по всему миру, формирования из стран – не участников «золотого миллиарда» сырьевых придатков т. н. «развитых стран» и т. д.

Этой модели глобализации противопоставляется иная – глобальное социальное творчество, совместное решение глобальных проблем, интернационализация, «сетевые структуры» по всему миру и т. д.

Итак, глобализация или интернационализация? В чем же принципиальная разница? Обычно термин «глобализация» относится к растущему международному характеру деятельности банков и других институтов. С другой стороны глобализация является механизмом внедрения наднациональных финансовых структур во внутренние экономики суверенных государств. Таким образом, само слово является прикрытием преступной

деятельности по банальному разворовыванию национальных богатств стран, не входящих в число золотого миллиарда.

Интернационализм – идеология, проповедующая дружбу и сотрудничество между нациями, пытающаяся предложить альтернативный вариант глобализации: международную солидарность людей различных наций и рас как основу их совместного выживания на планете, взаимопонимание, взаимное доверие, взаимопроникновение культур, ценностей, знаний и технологий.

Современная глобализация рынка, не является интернационалистическим явлением, поскольку связана лишь с экономической интеграцией, а политические и общественные аспекты остаются в тени. Кроме того, экономическая система, устанавливаемая в результате глобализации, отличается от идеала интернационалистов. Современный левый антиглобализм, выразителем которого является в частности Всемирное федералистское движение, будучи интернационалистическим по своим установкам, проповедует «глобализацию социальной солидарности».

Думается, что на этом втором пути Человечество будет объединяться. Но и на этом пути есть свои трудности. Так, по оценкам аналитиков, около 50 государств мира пока не способны встать на путь поступательного развития. У них нет для этого соответствующих политических и правовых условий, не хватает национальных квалифицированных кадров, восприимчивых к научно-техническим и социальным инновациям. Но им нужно помогать в развитии, а не уничтожать голодом и болезнями.

ВОДА КАК СИМВОЛ ЖИЗНИ В КОНЦЕПЦИИ ПРИРОДОЦЕНТРИЗМА

Апрелева В.А., д.филос.н., профессор кафедры ГиСН ТюмГАСУ

В работе освещается роль воды в истории культуры как символа жизни, источника всех космических проявлений, способа создания сакрального пространства. В качестве примеров предлагаются мифологические представления балто-славянских и угро-финских народов, философские воззрения античности и христианства.

С древнейших времен предстает природа перед человеком как нечто таинственное, безграничное и вечное. И как бы ни осваивал ее человек, как бы глубоко не проникал он в макро- и микромир, всегда остается возможность и необходимость дальнейшего познания и освоения ее бесконечного бытия.

А что мы вообще понимаем под природой? Хотя со словом «природа» соединяются весьма разнообразные значения, но когда говорится о природе вообще, без всякого ближайшего определения, то по словам Вл. Соловьева, всегда подразумевается некоторое существенное и в себе единое начало, производящее из себя все вещи. С этим согласовывается и этимологическое значение слова «природа», указывающее на наличие в ней начала произведения или порождения вещей: она есть их единая общая основа.

Интересно, что в слове «природа» выражен генетический аспект происхождения человека – общий корень со словами «род», «родить». Недаром

в народном сознании эта взаимосвязь озвучена словосочетанием «мать – природа». Именно у нее искал защиту в трудную минуту человек, она была и есть его советчик и покровитель. Она выводит нас на свет Божий, она и берет нас в себя в конце нашей жизни. Почему природа неизменна и безгранична, а человеческая жизнь преходяща и ограничена? – вот вопрос, который всегда, пусть и инстинктивно, задавал себе человек. В поисках ответа он стремился отождествлять себя с природой, перенести на нее свои признаки, очеловечить ее, увидеть в вечной природе свою вечность, несмотря на преходящее свое существование.

Современная экологическая ситуация требует от человека максимально бережливого отношения к природе, без которого невозможно ни решение встающих перед ним практических задач, ни тем более совершенствование самого человека как «части», порожденной самой же природой. Человеку, по мере его развития, всегда было свойственно не только рациональное, сугубо практическое, но и глубокое эмоциональное, нравственно-эстетическое отношение к природе. Высокое развитие культуры разных народов во многом определялось как раз степенью развитости ценностно-эстетического отношения к природе. Так, чаньская культура (в Древнем Китае) была весьма далека от сугубо утилитарного подхода к природе. Она рассматривала природу как равноправного партнера в процессе творческого освоения действительности, призывая к уважительному и заботливому отношению к ней. Природные ресурсы, даже если они имелись в изобилии, должны были расходоваться бережно и экономно. В современную эпоху прогресс человечества тем более немислим без такого заботливого, любовно-эстетического отношения к природе.

Особое значение в проблеме сохранения жизни на земле, природы как непреходящего богатства человека занимает отношение к ВОДЕ, философия и экология воды.

Воплощая в себе все возможности, Вода в истории культуры становится символом Жизни («Живая вода»). Вода обнаруживает пронизательность космической вертикали: вода, льющаяся с небес или поднимающаяся влажными испарениями в небо; река, питающая землю; подводные родники, реки и колодцы, обнаруживающие подземные источники, – все это создает впечатление доступности всего сущего водам и всеислия вод.

Для балто-славянских и угро-финских народов с водной стихией связано представление об оборотной, таинственной стороне мира. Река на Руси имеет два значения. Этимологически понятие «река» означает «способная изречь, предсказывать, волховать». С гаданиями на реке связано множество языческих праздничных обрядов. К этому качеству воды – способности волховать, обнаруживать скрытые стороны мира – восходят многочисленные названия рек и воды, содержащие сочетания звуков влг, влх: Волхов, Волга, Елгава, Ловать.

В античной Греции Лета – Река Времени (символизирующая первостихию Вод), открывающая путь в Царство мертвых, – одноименна богу – создателю Кроносу (Времени). У славян с восприятием речного потока также связано представление о необратимом течении времени. Названия Дон, Днепр, Дунай,

Днестр содержат сочетание звуков *дн*, которое служит обозначением основной временной единицы «дня». Представление об энтропийном течении мирского времени (река «День» аналогична греческой Лете, ведущей в царство Смерти), неизменно влекущем жизнь к смерти, так же как и речного потока, восходит к страху воды, потенциальному опасению навлечь беду незаконным вторжением, обнаружить оборотную, исподнюю сторону мира. Недопустимость подобного поведения отражена в многочисленных мифологических мотивах подсматривания, безжалостно караемого богами [1].

Символика воды чрезвычайно важна и в построении сакрального пространства. Вспомним, что символом Неба («сварги») являлся крест с загнутыми концами – свастика; или круг с крестом внутри – «вращающиеся небеса», – то на восприятие Вод распространяется тот же образ кругового вращения. Не случайно древнее балто-славянское название воды имело тот же корень, что и индоевропейское *сварга* – «небо» – *вар*, сохранившийся в русском языке в глагольной форме – «варить». Таким образом, Небо и Воды, верхний и нижний уровни мироздания образуют два колеса, спаренные единой осью.

Символика Вод предполагает в равной степени, как смерть, так и возрождение. Контакт с водой всегда заключает в себе некое возрождение: во-первых, потому, что за разложением следует новое рождение, а во-вторых, потому, что погружение удобряет и множит жизненный потенциал.

Приведем мифологические свидетельства, согласно которым на антропологическом уровне водной космогонии утверждается, что жизнь земли и человечество зародилось в Водах.

Образ растущей земли характерен почти для всех мифов, где она извлекается из вод океана – первозданного или «послепотопного», так как эти сюжеты необычайно близки в мифах о творении и о потопе [2]. Резонно задаться вопросом: не здесь ли кроются корни мифологемы о всемирном потопе – не аналог ли это вырывающихся материнских вод мифической праматери, несущих в себе новую жизнь? Параллель водный поток — роды явственно просматривается, например, в ритуальных текстах, произносимых над роженицей: «Водица моя, царица, бежишь через горы, повороты, ничто тебя не держит... Так бы рожаницы проходы были, кости расходились» (русские заговоры) [3], «В водах потока/ Возникли кости.../ В водах пучины глубокой,/ Жестокой,/ В водовороте бездны далекой» (аккадское заклинание I тыс. до н. э.; по комментарию к нему В.В. Евсюкова, «из дальнейшего содержания становится ясно, что рождение младенца мыслится полностью идентичным возникновению мира из первозданного океана») [4]. Теснейшее пересечение эмбриологии и космологии наблюдается в ходе всей родильной обрядности, в частности и в красноречивых словах русского заговора: «...чтобы растворить роды, как растворились небо и земля» [5]. Столь глобальная тема, как мифы о потопе, существующие даже у народов, далеких от мореплавания, требует с точки зрения предлагаемой версии, несомненно, специального исследования, однако рискнем все же высказать некоторые соображения общего характера, так как проблема об их истоках, пока что, «несмотря на все старания ученых решить ее, ...остается без ответа» [6]. Попытаемся подойти к

этому вопросу на основании сопоставления мифологических мотивов, тем более что идея о чисто мифологических корнях подобных легенд уже высказывалась [7], а мнения специалистов о возможности такой вселенской катастрофы остаются на уровне гипотез; к тому же наиболее вероятные сроки ее – IV-III тыс. до н. э. [8], т.е. эпоха древних цивилизаций, – явно слишком «молода», и отразившие ее мифы, несомненно, являются плодом значительно более глубокой древности.

С Водами (поток, погружение континентов) связывается вторая смерть человека или причащающая смерть через крещение. Но как в космологическом, так и в антропологическом планах погружения в Воды означает временное возвращение в область бесформенного, за которым следует сотворение новой жизни или нового человека. Во всех мифологических и религиозных системах Воды предстают как очищающие и регенерирующие силы. М. Элиаде пишет: «Их судьба – предшествовать Сотворению и поглощать сотворенное, будучи не в силах преодолеть собственный образ существования, т.е. облечься в какие-либо формы. Воды не могут, не способны превзойти виртуальное, зародышное, латентное состояние. Все, что облечено в форму, проявляется над Водами и отрывается от Вод».

Здесь важно подчеркнуть одну деталь: священность Вод, а также структура космогонии и водных апокалипсисов в полной мере смогли проявиться лишь через водную символику, которая представляет собой единственную систему, способную связать между собой все частные проявления неисчислимых иерофаний. Этот закон в конечном итоге является законом всякой символики: именно символическое единство придает значимость различным проявлениям иерофаний [9].

Уже античная философия, начавшаяся с Фалеса, содержала в простом воззрении, что все из воды, три великих идеи. Во-первых, это идея единства всего – идея всеединства. «Именно в том, что вода – основа всего, – пишет А.Ф. Лосев, – и заключается все своеобразие греческого метода мышления, которое необходимо потому и квалифицировать во всем его своеобразии» [10].

Своеобразие взгляда Фалеса в том, что отвлеченное единство мира интуитивно возникает из мистической формулы первовещества, данного как вода. Во-вторых, в формуле «все – из воды, и все разрешается в воду» (Фалес) есть идея неуничтожимости всего. Следовательно, дальнейшие свойства мира определяются исключительно из всматривания в глубину Первовещества – Воды и формируются на почве полного поручения себя созерцаемому Бытию. Такой метод мышления Лосев называет по содержанию символическим, т.е. указующим на сокровенную Тайну, проникающей во все явное, а по форме диалектическим, т.е. основанным на пристальном всматривании в жизнь понятия, являющего некое онтологическое устройство Первобытия.

Но универсальная водная символика не была ни разрешена, ни раздроблена на части вследствие исторических (иудео-христианских) толкований символа крещения. Иначе говоря, истории не удалось коренным образом изменить структуру древней символики. История последовательно прибавляет к ней новые значения, не нарушающие общей структуры символа.

Позднее, Отцы Церкви проявили немалый интерес к соответствиям между символами христианства и символами, имеющими всеобщий характер. Откровения, привнесенные христианством, не разрушали дохристианского значения символов: они лишь добавляли к ним новые смыслы. Наиболее важным здесь оказывается Воскресение Христа, а не знаки, которые можно было прочесть в космической жизни. В религиозных оценках Вод подчеркивается, что Воды существовали до Земли: «...и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Быт. гл. I. 2). С таинственными качествами воды связано представление о ее способности служить пристанищем сверхъестественных сил, а в христианстве – Святого Духа. Всекие воды непременно участвуют в таинствах освящения.

В целом же, со стихией воды связано было у наших предков понимание сакральной глубины, таинственной основы, на которой держится мир. Глубина отождествлялась как с представлением об изначальных космических водах в сердце человека, так и с божественным началом и мудростью.

Примечание

1. См.: Евзлин М. Мифологические и космогонические источники мотива подсматривания в связи с мотивом запрета // Евзлин М. Космогония и ритуал. – М., 1993.
2. Напольских В.В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). – М., 1991. – С. 137-159; Элиаде М. Священные тексты... – М., 1998. – С. 90-92, 144.
3. Грысык Н.Е. Лечебные и профилактические обряды русского населения бассейна Ваги и Средней Двины; пространственные и временные координаты // Русский Север: ареалы и культурные традиции. – СПб., 1992. – С. 69.
4. Евсюков В.В. Мифы о вселенной. – Новосибирск, 1988. – С. 57.
5. Баранов Д.А. Образ лягушки в вышивке и мифопоэтических представлениях восточных славян // Сб. МАЭ. Вып. LXII. Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы. – СПб., 1999. – С. 22.
6. Евсюков В.В. Мифы о вселенной. – Новосибирск, 1988. – С. 34.
7. Фрэзер Дж. Фольклор в Ветхом завете. – М., 1985. – С. 82.
8. Кондратов А.М. Великий потоп. Мифы и реальность. – Л., 1982. – С. 132, 133.
9. Элиаде М. Священное и мирское. – С. 314-315.
10. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М., 1994. – С. 105-106.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Баймулдина Н.С., к.п.н., старший преподаватель, Казахский национальный педагогический университет им. Абая (г. Алматы)

Организационной основой реализации государственной политики Республики Казахстан в сфере образования должна стать Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011-2020 гг. (далее – Программа), обеспечивающая продолжение модернизации казахстанского образования. Программа как организационная основа государственной политики в сфере образования представляет собой

комплекс взаимоувязанных по ресурсам и срокам мероприятий, охватывающих изменения в структуре, содержании и технологиях образования и воспитания, системе управления, организационно-правовых формах субъектов образовательной деятельности и финансово-экономических механизмах.

Казахстан в настоящее время является участником основных международных документов в области образования, защиты прав человека и ребенка. Это Всеобщая Декларация прав человека, Конвенция о правах ребенка, Международная Декларация экономических, социальных и культурных прав человека, Лиссабонская Конвенция о признании квалификации, относящихся к высшему образованию в Европейском регионе, Болонская декларация и др. Развитие человеческих ресурсов определено в качестве одного из приоритетов Стратегического плана развития страны до 2020 года.

В Казахстане в последние годы развернуты работы по внедрению технологий электронного, виртуального образования. Осуществляется оно в нескольких относительно самостоятельных направлениях. Это внедрение технологий дистанционного обучения, система тестирования, создание внутренних локальных сетей, сайтов, обеспечение доступа в интернет. Многие открытые университеты Европы, США, России ведут на территории республики набор и осуществляют подготовку специалистов через свои виртуальные университеты. Сотни казахстанцев получили и получают образование дистанционно в этих университетах, в том числе по программам обучения в двух вузах одновременно.

Инновационные технологии (ИТ) внедряются по принципу ведомственного предназначения, что ставит чрезвычайно важную задачу выявления способов представления знаний, а также форм знаний, которые должны повышать, с одной стороны, эффективность функционирования современных информационных систем (ИС), а с другой – эффективность «общения» человека с этими системами. В данных условиях информационно-профессиональная подготовка специалистов становится одним из важнейших направлений.

Для достижения поставленных целей и эффективного использования единой образовательной информационной среды необходимо комплексное решение следующих наиболее значимых задач:

- создание, распространение и внедрение в учебный процесс современных электронных учебных материалов, разработанных на государственном языке, их интеграция с традиционными учебными пособиями, а также разработка средств поддержки и сопровождения. Обеспечение качества, стандартизация и сертификация средств информационных технологий учебного назначения;
- подготовка педагогических, административных и инженерно-технических кадров государственных учреждений образования, способных использовать в учебном процессе новейшие информационные технологии;
- обеспечение государственных учреждений образования средствами вычислительной техники, современными электронными учебными материалами и средствами доступа к глобальным информационным сетям;

– создание информационной инфраструктуры системы образования Республики Казахстан, объединяющей информационные системы и ресурсы всех уровней образования и повышения квалификации, а также научно-исследовательские, учебно-методические и технологические центры сферы образования;

– научное обеспечение процесса информатизации, разработка методологии современного образования на основе информационных технологий;

– реализация комплекса мер, направленных на предотвращение и устранение угроз информационной безопасности Казахстана при взаимодействии с мировыми информационными ресурсами.

Информационное общество заинтересовано в том, чтобы его граждане были способны формировать и использовать информационные ресурсы, справляться с постоянно возрастающим потоком информации из внутренних и внешних источников так, чтобы принимать эффективные решения и успешно выполнять определенные профессиональные функции, т.е. в совершенствовании подготовки студентов к информационно-профессиональной деятельности (ИПД).

Информационно-профессиональная деятельность в любой сфере так или иначе основана на переработке данных и производстве выходной информации, что предполагает в условиях интеграции ИТ, преобразования баз данных в определенной предметной области в формализованные данные для получения результативной информации, позволяющей принимать решения.

Сетевые учебно-методические комплексы представляют собой новое средство обучения, обладающее специфическими характеристиками (открытой архитектурой; структурированностью и целостностью; нелинейностью информационных структур, многоуровневым представлением учебного материала и т.д.). Проведенный анализ существующих сетевых учебно-методических комплексов показывает, что состояние и уровень учебно-методических комплексов характеризуется неполнотой учебно-методического обеспечения; разрозненностью создания и использования составных компонентов; нецелостностью и т.д. С помощью сетевых средств информационно-коммуникационных технологий становится возможным широкий доступ к учебно-методической и научной информации, организация оперативной консультационной помощи, моделирование научно-исследовательской деятельности, проведение виртуальных учебных занятий (семинаров, лекций) в реальном режиме времени.

В условиях глобальной информатизации важнейшим фактором общественного развития и средством повышения результативности всех сфер деятельности выступают современные информационные и коммуникационные технологии, направленные на создание, сохранение, переработку и обеспечение эффективных способов представления информации потребителю, актуализирующих проблему подготовки кадров, удовлетворяющих требованиям современного общества.

Решение задач информационного обеспечения в профессиональной деятельности мы определяем как информационно-профессиональную деятельность. Информационное обеспечение профессиональной деятельности – это формирование определенной базы знаний (совокупная информация, приведенная в сопоставимые формы и введенная в компьютер) в данной области деятельности. Проблема повышения уровня информационной подготовки студентов решается использованием технологий хранения и поиска информации как средства формирования у будущих специалистов профессионально значимых информационных умений и навыков. С целью раскрытия смысла и формулировки определения был проведен анализ и обобщение разнообразных мнений по данному вопросу, представленных в психолого-педагогической науке и научно-методической литературе.

Информационно-образовательный портал вуза позволяет структурировать и систематизировать учебную информацию, обеспечивает обучающихся и преподавателей разноуровневым доступом к учебным материалам и образовательным сервисам. Электронные образовательные ресурсы обладают высокими дидактическими и эргономическими показателями, различаясь конкретным предметным содержанием, поддаются алгоритмизации методических и технологических подходов к их разработке, диагностике и эксплуатации, что придает им инновационный характер.

Примечание

1. Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011-2020 гг.

2. Baimuldina N.S., Kalmukhanbetova S.O., Belgozhaeva Sh.D., Tokhtametova A. Innovative technologies in the training of students in the Republic of Kazakhstan // XIV World Congress of Comparative Education Societies Istanbul 2010, 14-18 June. – P. 298-303. Bordering, Re-Bordering and New Possibilities in Education and Society.

3. Зенкина С.В. Инновационная деятельность студентов по созданию электронных программных продуктов учебного назначения // Инноватика-2006: матер. всерос. конф. – Ульяновск, 2006. – С. 88.

4. http://www.rusnauka.com/23_NTP_2010/Pedagogica/70233.doc.htm

5. Baimuldina N.S. Psychology-pedagogical aspects of using information technologies in the distance education / Kalmukhanbetova S.O., Duisebaeva A.B., Makasheva E.D. // 9-th International Conference Comparative Education and Teacher Training. Volume 9. Bureau for Educational Services, Sofia, Bulgaria, 2011. – P. 379-384.

ПЕНСИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РЕГИОНЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Баранова К.Л., студент ТюмГНГУ

Эффективно функционирующая система пенсионного обеспечения как часть общегосударственной системы социальной защиты должна опираться на развитое пенсионное законодательство, действенный административный

механизм управления этой отраслью социальной сферы, а также на макроэкономические пропорции, определяющие ее развитие [1].

Известно, что уровень пенсионного обеспечения оказывает влияние на продолжительность жизни (см.: табл. 1) и образ жизни пожилых людей, их участие в различных сферах жизнедеятельности общества. Одновременно повышается и социальная ответственность государства за принимаемые в пенсионной системе решения и требует, по нашему мнению, анализа всех сторон жизни лиц пожилого возраста.

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни населения УрФО [2]

Субъект УрФО	Год					
	2000	2005	2006	2007	2008	2009
Тюменская область	65,9	66,8	68,0	68,6	68,9	69,5
ХМАО-Югра	65,9	67,9	68,8	69,4	69,9	70,5
ЯНАО	66,7	68,2	68,9	70,2	70,3	71,3
ТО (без округов)	67,1	67,2	67,9
Курганская область	64,5	64,2	65,5	66,7	66,7	67,4
Свердловская область	63,7	64,6	66,5	67,5	67,8	68,4
Челябинская область	64,7	64,8	66,2	67,1	67,2	68,3

В своей статье «Пенсии и социальная помощь», В.В.Путин отметил, что пенсионное обеспечение является самым большим достижением – и самой большой проблемой для нашей страны. Он отмечает, что Россия тратит на пенсии больше 10% валового внутреннего продукта – это четверть всего бюджета «расширенного правительства». На восстановление размера пенсий ушло больше 10 лет. Если заработная плата и общий уровень доходов восстановились к середине 2000-х гг., то полного восстановления размера пенсий по отношению к докризисному уровню 1990-х гг. российской пенсионной системе удалось добиться лишь в 2010 г. благодаря валоризации пенсионных прав и введения доплат к минимальным пенсиям до уровня прожиточного минимума пенсионера [3].

В последнее время в средствах массовой информации возникает дискуссия о возможном изменении пенсионного возраста россиян. Как и прежде, В.В.Путин в указанной статье напомнил, что он против повышения пенсионного возраста. В то же время указал на необходимость учета интересов тех, кто намерен продолжить работу по достижении пенсионного возраста и, имея хорошего заработка, хотел бы отсрочить оформление пенсии, значительно увеличив ее будущий размер. Он предложил в ближайшее время предусмотреть такую возможность [3]. В целях изучения общественного мнения о развитии системы пенсионного обеспечения граждан и о возможного изменения пенсионного возраста россиян авторы провели анкетный опрос жителей четырех регионов Уральского Федерального округа.

В таблице 2 приведена реальная численность населения в столицах исследуемых областей, их процентное соотношение в общей суммарной

численности населения этих городов, а также произведен пересчет на выборочную совокупность.

Таблица 2

Расчет выборочной совокупности для социологического исследования

Город	Численность населения (тыс. чел.)	% от генеральной совокупности	В пересчете на выборочную совокупность (чел.)
Курган	326,4	9,8	159
Екатеринбург	1315	39,6	236
Тюмень	590,8	17,8	107
Челябинск	1092,5	32,8	195
Итого	3324,7	100	697

На следующем этапе исследования будет предпринята попытка социологического анализа полученных в ходе опроса данных и проведут их интерпретацию по основным социально-демографическим характеристикам. Это позволит выявить мнение жителей четырех регионов УрФО по поставленным в социологическом исследовании задачам.

Примечание

1. Соловьев А.К. Пенсионное страхование: учеб. пособие /А.К.Соловьев. – М.: Норма, 2011. – 400 с.
2. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Ст. сб. /Росстат. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2011. – 87 с.
3. Путин В.В. Пенсии и социальная помощь //http://taxpravo.ru/analitika/statuya-174952-statuya_vladimira_putina_komsomolskoj_pravde_stroitelstvo_spravedlivosti_sotsialnaya_politika_dlya_rossii

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

*Барышева Е.С., студент ТюмГАСУ
Храмцов А.Б., к.и.н., доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ*

На волне либеральных реформ 1860-1880-х гг. правительство и общественность России осознают необходимость приобщения подрастающего поколения к физкультуре и спорту, начинаются первые и конструктивные процессы внедрения физической культуры в образовательные учреждения, популяризации олимпийского движения среди взрослой части населения. В частности, в 1904 г. был издан циркуляр Министерства народного просвещения «О создании врачебно-санитарного отдела», отвечающего за физическое воспитание и здоровье школьников. Физическое воспитание в учебных заведениях основывалось на развитии гимнастики, фехтования, конного спорта, ориентируясь на передовой опыт европейских стран. Кроме того, в это время получают развитие добровольные общества, попечительства и комитеты,

занимающиеся созданием новых форм общественного досуга, пропагандой здорового образа жизни в широких массах населения. Неоценимую помощь в этом оказали общества содействия физическому развитию.

К 1914 г. в стране насчитывалось около 360 физкультурных организаций. Создавались они, как правило, по инициативе прогрессивной интеллигенции, но лишь некоторые из них имели официальный статус. Основу деятельности подобных объединений составляли мероприятия по развитию здорового образа жизни, занятия гимнастикой, спортом и туризмом, подготовка актива энтузиастов, преподавателей физического воспитания детей. В целом, такая форма физкультурно-спортивной работы на рубеже XIX–XX в. не отличалась массовостью: ей было охвачено всего около 40 тыс. человек, главным образом, представители привилегированных слоев. В общероссийском масштабе число энтузиастов-спортсменов едва ли превышало 3% [1].

Сибирские активисты в данном контексте старались не отставать от европейской России. В Томске работа по физическому воспитанию проходила под флагом частной организации – «Общество содействия физическому развитию» (далее – ОСФР), созданной врачом, просветителем, профессором и общественным деятелем Владиславом Станиславовичем Пирусским (1857–1933) [2]. Общество отличалось широким спектром деятельности в отношении детской аудитории и в целом положительно содействовало распространению физической культуры в Томской губернии. Устав, разработанный учредителем общества, был утвержден 34 членами 25 марта 1895 г.

Устав состоял из четырех разделов (64 параграфа). «Томский листок» опубликовал 18§: «Согласно 18 § устава извещает гг. членов, что 29 марта в 1 час дня, в «Общественном собрании» имеет состояться Общее собрание членов Общества. Предметы занятий: избрание вновь предложенных членов, дополнительные выборы должностных лиц и обсуждение в члены Общества, предложений Совета, касающихся ближайшей деятельности Общества» [3].

Именно благодаря организаторской деятельности В.С. Пирусского и широкомасштабной работе по пропаганде здорового образа жизни и физического воспитания г. Томск стал третьим в России (после Одессы и Петербурга) и первым в Сибири городом, где появились зачатки физической культуры (существует мнение, что в г. Томске ОСФР было создано раньше, чем в Одессе) [4]. В основу деятельности Общества был положен тезис В.С. Пирусского: «Здоровье есть показатель культуры, которым обладает семья, общество и государство». Членами Общества были видные врачи, педагоги, прогрессивные общественные деятели губернии: П.Ф. Ломовицкий, М.Ф. Благовестов, П.И. Макушин и др. Известный железнодорожный инженер-строитель Г.М. Будагов по просьбе Пирусского спроектировал и построил на пожертвования от населения Дом физического развития. Вся деятельность ОСФР осуществлялась за счет частной благотворительности. Томская городская дума отказала обществу в помощи и финансировании [5].

С целью укрепления здоровья граждан ОСФР, развернуло активную пропаганду физической культуры среди широких слоев населения не только в Томской губернии, но и по всей Сибири. Акцент в работе данная организация

ставила на выполнении обширной программы оздоровления детей из малообеспеченных семей [5]. «Томский листок» писал: «От Совета Общества содействия физическому развитию. Сегодня, 6-ого сего декабря, в 2 часа дня, имеет состояться открытие Воскресенской площадки Общества, на которой устроен каток и горы. Пользование катком для всех учащих детей вообще бесплатное. Совет Общества просит имеющих лишние коньки предоставить таковые в распоряжение попечителя площадки Василия Николаевича Турчанинова для выдачи неимущим детям» [6].

Спектр деятельности данного общества был широким. Помимо врачебной практики, В.С. Пирусский осуществлял педагогическую деятельность, являясь инициатором вовлечения детей в различные оздоровительные мероприятия. В 1896 г. ОСФР были организованы бесплатные детские площадки для игр. В рамках деятельности общества с детьми из малообеспеченных семей в летний период осуществлялись прогулки за город, зимой на построенных для них катках – обучение конькобежному и лыжному спорту. ОСФР принадлежит и создание в 1896 г. в Сибири летней, а затем и круглогодичной детской колонии («колония» – прообраз пионерского или спортивно-оздоровительного лагеря), школы-интерната в лесу (между деревнями Межениновка и Петухово) и школы-манежа в городе [5].

За годы деятельности общества в детских оздоровительных колониях побывала не одна тысяча детей. В 1898 г. общество стало инициатором обеспечения бесплатными завтраками детей беднейших слоев населения. Несмотря на то, что финансирование общества осуществлялось за счет членских взносов и пожертвований, за относительно небольшой промежуток времени оно стало обладателем солидного имущества: 24 оздоровительных учреждения, летние площадки, купальни, катки, зимние площадки, оздоровительные колонии. Создавая новую систему воспитания, В.С. Пирусский резко критиковал постановку воспитательной работы в светских школах. Он одним из первых обратил внимание на воспитательный процесс, на необходимость не только обучения детей грамоте, но и их гармоничного воспитания. В те годы он выступал на различных собраниях врачей, педагогов, служащих, доказывая важность правильного физического воспитания подрастающего поколения [7]. Кроме уставных занятий, обществом был учрежден собственный печатный орган. В.С. Пирусский как редактор и издатель ОСФР выпускал свою медико-физкультурную газету и одноименный журнал «Здоровье для всех» [8].

Томское ОСФР отличалось массовостью. В 1901 г. его состав превышал 240 человек, затем численность постепенно пошла на убыль, но к началу войны вновь возросла до 250 человек [9]. Таким образом, за 1895-1917 гг. ОСФР сыграло заметную роль в развитии физической культуры, в формировании и поддержании здорового образа жизни населения. За неоценимый вклад В.С. Пирусского называли «сибирским Лесгафтом» [8]. Общество было закрыто в феврале 1920 г. Томским ревкомом с установлением в Сибири советской власти. По настоянию его учредителя имущество общества вместе с детской колонией было передано Томскому губздраву [7].

Между тем, «оздоровительная» деятельность в Западной Сибири не ограничивалась работой ОСФР. В конце XIX в., по инициативе местного духовенства, практически во всех приходах были открыты общества трезвости, например: Гилевское и Мальковское общества в Тюменском уезде Тобольской губернии (1890 г.); Иглаковское в Томском уезде Томской губернии (1894 г.) [10]. Обществами проводились мероприятия по отрезвлению населения, религиозно-нравственному просвещению и подъему его культурного уровня. В целом, общества трезвости сыграли положительную роль в улучшении и укреплении здоровья нации, продлении жизни людей. Их работа также содействовала уменьшению бедности и повышению благосостояния сибиряков.

В начале 1900-х гг. в сибирских городах насчитывалось несколько кружков физической культуры, в основном, студенческих. В 1913 г. в Омске открывается «Общество самообразования и физического развития», которое среди главных целей провозглашало «предоставление разумного отдыха, общедоступных и полезных развлечений, способствующих умственному, нравственному и физическому развитию» [11]. В Кургане и Таре действовали общества внешкольного воспитания детей.

Для большей части сибиряков физическая культура представляла интерес лишь как яркое состязательное зрелище. Вследствие отсутствия профильных организаций подготовка и проведение спортивных состязаний находились всецело в руках добровольных пожарных обществ и различных попечительств, устраивавших соревнования на велосипедах и коньках с целью получения материального дохода [12].

После революции 1905-1907 гг. ситуация стала меняться. В учебных заведениях появляются инструкторы-гимнастики, так называемые «чешские соколы». Движение «соколов» завоевало популярность в Томске, Барнауле и Новониколаевске. К 1911 г. томские любители гимнастики объединились в спортивное общество «Сокол», которое привлекало внимание населения к силовым и гимнастическим упражнениям. В Омске при учебных заведениях действовало несколько обществ любителей спортивно-атлетических развлечений, а также городской спортклуб. Барнаульское общество проводило гимнастические занятия 3 раза в неделю в помещении Алтайского горного собрания. Благодаря их работе молодежь постепенно стала увлекаться спортом.

В 1906 г. в г. Томске был открыт кружок конькобежцев-любителей, пропагандировавший конькобежный и отчасти велосипедный спорт. Новая организация стала инициатором проведения в 1906-1908 гг. ряда конькобежных состязаний, способствующих популяризации этого вида спорта. Однако отсутствие официального статуса и собственной материальной базы не позволило расширить деятельность кружка и увеличить его численный состав [12]. В 1914 году тюменский кружок любителей спорта обратился в городскую управу с ходатайством «об отдаче ему места на реке Туре вблизи реального училища для устройства там катка, не взимая за это платы». Кружок предполагал сделать бесплатным вход для учащихся начальных школ Тюмени, за исключением праздничных дней. 28 октября местные власти, имея в виду, что кружок ставит своей целью развитие спорта, предоставление здорового

развлечения местной молодежи, выделили просимое место, с тем, чтобы учащиеся допускались на каток бесплатно как в будние дни, так и до 3-х часов дня в воскресные и праздничные дни [13].

Местные газеты и журналы свидетельствуют, что в городах Сибири культивировались такие виды спорта как гимнастика, лыжный, конькобежный и велоспорт, легкая атлетика, футбол, плавание, теннис, шахматы и др. Появление новых спортивных кружков и обществ дало толчок к активизации соревновательной деятельности. В частности, в Тюмени 13-15 августа 1906 г. состоялись первые велогонки. В начале века велосипеды были еще новинкой. По России с показательными выступлениями путешествовали спортсмены, хорошо освоившие новый транспорт. Двое таких заезжих спортсменов Б.П. Краев и Н.Я. Петров на тюменском ипподроме устроили соревнования с местными велосипедистами-любителями. В первый день соревнований в гонках на одну и десять верст победили гости. Но 15 августа тюменский велосипедист Бобиков выиграл заезд. Победителю предложили 5 руб. вместо обещанного золотого жетона, но он отказался.

Пропаганде здорового образа жизни способствовали новые для региона виды спорта, такие как, футбол. В Тюмень «спорт № 1» пришел в 1912 г. Известен его зачинатель – 16-летний житель Петр Пятчин. Он из газет узнал о футболе, выписал мяч через питерский магазин и набрал первую команду сверстников. Его начин поддержал городской кружок любителей спорта, который обратился в управу об устройстве площадки для игры в футбол. 30 апреля 1914 г. Тюменская городская дума постановила предоставить просимое место [14]. Была выделена площадка 117х85 метров вблизи ипподрома. Это было первое официальное футбольное поле в городе.

В других городах футбол также получил развитие еще до начала первой мировой войны. «Курганский вестник» 15 декабря 1913 г. сообщал, что для читателей будут организованы конкурсы и «победителей ждут футбольные мячи». 11 мая 1914 на заседании местного гимнастического спортивного общества под председательством известного общественного деятеля С.А. Балакшина был вынесен вопрос об организации игр по футболу. Новая игра прижилась в Кургане. 6 мая 1917 г. «Народная газета» извещала о футбольном состязании, которое 4 мая устроило указанное общество.

В начале XX в. благодаря деятельности общественных организаций возросло число жителей, участвующих в спортивных мероприятиях. В основном участниками являлись социальные слои, у которых оставалось свободное время после работы (поденные работники; лица, имевшие частную практику, занятые в торговой и административной сферах; учителя, врачи), а также неработающие купеческие жены и дети. После сокращения рабочего дня, в 1905-1907 гг., в эти ряды постепенно вливаются рабочие промышленных предприятий. В небольших городах (Бийск, Ишим, Колывань, Курган и Туринск) спортсмены из рабочих преобладали над всеми остальными и составляли не менее 22-23 % [15]. Небольшая доля пролетариата среди любителей спорта объясняется тем, что этим людям свободное время было необходимо для восстановления сил после тяжелой физической работы.

В 1913 г. открылся «Дом физического развития» в Томске (так в обиходе называли школу-манеж; часть здания школы-манежа была отстроена в 1904 г.; во время русско-японской войны в нем был размещен лазарет, а в 1906 г. начало работу Общество содействия физическому развитию), построенного на пожертвования населения. Одной из первых организаций, разместившихся на его базе, стал образованный в том же году Томский спортивный клуб. Инициаторами его создания были любители лыжного спорта Г.А. Паршин, В.И. Мазан, В.И. Богомолов, объединившиеся в группу для проведения тренировок и состязаний. Целью нового спортивного клуба являлось развитие всех видов спорта, прежде всего, лыжного. Деятельность клуба была весьма интенсивной. Уже осенью 1913 г. им было организовано первое открытое состязание, в программу которого вошли гонки на велосипедах, мотоциклах и упражнения лыжного спорта. Зимой того же года спортклуб успешно культивировал лыжный, горнолыжный и горносаночный спорт. В 1914 г. клубом была произведена первая массовая закупка финских лыж и сделаны попытки введения спортивной техники лыжного бега. Однако численность лыжников-спортклубовцев была невелика – 50–60 человек, в основном, учащаяся молодежь [16]. К весне 1914 г. программа деятельности спортивного клуба была расширена за счет включения легкой атлетики, а систематическая тренировочная деятельность была дополнена круглогодичной соревновательной. В 1913 г. на Ярлыковской площади Томска были проведены первые соревнования по легкой атлетике.

Посредством работы добровольных обществ в городах Сибири соревновательные программы в начале XX в. приняли систематический характер, о чем свидетельствовало регулярное проведение состязаний по лыжам, конькам, футболу и другим видам спорта.

Большое значение для развития физкультурно-оздоровительной жизни имело появление в Сибири иностранных военнопленных, среди которых были спортсмены – участники VI Олимпиады 1912 г. Например, в Тюмени в футбольных матчах участвовали воспитанники реального училища против военнопленных чехов. Даже в годы гражданской войны футболисты Шадринска встречались на футбольном поле с командой пленных австрийцев. В этом матче австрийцы победили со счетом 1:0. В мае 1918 г. 1-я команда Томского спортклуба провела футбольный матч с командой венгерских и австрийских военнопленных. В числе организаторов был известный венгерский революционер Бела Кун.

Наличие иностранных спортсменов в Томской губернии явилось предпосылкой для организации местным Спортклубом 22 мая 1918 г. на городском ипподроме состязаний, получивших название «Олимпийские игры». Венгерские, австрийские и германские легкоатлеты соревновались с представителями обществ «Сокол» и «Спортклуб». Было установлено три новых рекорда, один из них принадлежал томским спортсменам в Олимпийской эстафете (1609 м) – 4 мин 17 с. Лучшими атлетами этих соревнований были: Замятин – в беге на 100 м; Воробьев – в беге на 400 м; Верниковский – в метании копья и молота. Яркое спортивное зрелище вызвало

неподдельный интерес горожан к физической культуре и способствовало расширению рядов физкультурников [12]. Этот спортивный праздник устраивался по примеру прошлых лет и представлял значительный интерес. Благодаря участию иностранных атлетов, состязания собрали большую зрительскую аудиторию, способствовали развитию патриотизма в широких массах населения.

В 1915 г. в Томске учреждается атлетическое общество «Гладиатор». Согласно его уставу, главной своей целью общество заявляло содействие распространению физических упражнений, «необходимых для телесного развития и укрепления здоровья, чтобы таким образом дать отчизне крепких и сильных сынов». По «Положению о мобилизации спорта» от 8 января 1916 г. на время войны спортивные и гимнастические общества «как по собственному почину, так и по предложению Главнаблюдающего за физическим развитием народонаселения» образовали по одному военно-спортивному комитету и проводили допризывную подготовку. Следовательно, в условиях войны наблюдалась милитаризация деятельности общественных организаций и физкультурно-оздоровительного движения в целом.

Новая государственная идеология привела к широкому распространению в годы первой мировой войны таких видов спорта как легкая и тяжелая атлетика, гимнастика, плавание. Спортивные клубы и организации открылись во многих сибирских городах: Иркутске, Красноярске, Барнауле, Омске, Новониколаевске и др.

Сибирские спортсмены участвовали не только в региональных, но и в центральных соревнованиях. В частности, томичи в ряде видов спорта демонстрировали результаты российского уровня. Так, ученик реального училища Бронислав Верниковский в 1916 г. улучшил рекорд России в метании копья, который ранее принадлежал эстонцу Охаке [17].

Между тем, отдельные успехи местных спортсменов и стремление общественных объединений к развитию различных видов спорта не вытеснили из жизни сибиряков любимых забав. Для основной массы населения наиболее популярными народными формами физических упражнений и состязаний, проводившимися стихийно и самодеятельно (на любительском уровне), были катание с гор на лыжах, «сочатах», санях, коньках; борьба французская, русско-швейцарская, татарская, цыганская; чехарда в разных вариантах, лапта, городки, свайга и др. Широкое распространение получили разнообразные игры, развлечения, скачки на лошадях и кулачные бои [17]. Причем кулачные бои культивировались разными спортивными обществами, хотя среди интеллигенции повсеместно звучали призывы прекратить эти «непристойные развлечения» и «поставить культ тела наравне с культом духа». Однако в Тюмени, Томске, Красноярске и многих других сибирских поселениях, любимым развлечением оставались кулачные бои, когда на улицах собирались бойцы и зрители с двух разных частей города. Местные клубы приказчиков переносили эту забаву на свои сцены, чем вызывали справедливое негодование общественности. Один из корреспондентов, освещая тюменский бой, осуждал их, был возмущен, что «били и лежачего» [18].

Революционная ситуация 1917-1918 гг. на некоторое время приостановила многие зачатки развития здорового образа жизни в сибирских городах. Хотя Томский спортивный клуб, несмотря на трудности, в 1918 г. проводил лыжные состязания (они назывались «лыже-бежные»), в том числе первенство г. Томска по лыжам – «Чемпионолыжебежца на 1918 г.». Соревнование имело статус крупнейшего, несмотря на ограниченный состав участников (7 лыжников). Свидетельством популярности мероприятия являлась большая по тем временам зрительская аудитория, встретившая победителя бурными аплодисментами. Первенствовал П. Замятин, который установил новый рекорд на дистанции 20 верст – 1 ч. 52 мин. 32 с.

Привлечению молодежи к занятиям физическими упражнениями в определенной степени содействовали и профессиональные спортсмены. В досоветский период в Томске функционировал цирк Стрепетова, затем – цирк Изако. В 1919 г. в Томске проживал и выступал с гастролями в Громовском театре известный всему миру, один из первых в России авиаторов и мотогонщиков, волжский богатырь Иван Заикин. В театре «Интимный» проводился большой чемпионат по борьбе, в котором участвовали знаменитые борцы: А. Гойер, А. Мартынов, К. Пожелло, К. Лацгальф, А. Дмитриев и др.

Таким образом, сохранившиеся источники дают основание предположить, что деятельность по пропаганде здорового образа жизни в отдельных городах региона на рубеже XIX-XX в. развивалась вполне успешно. Но многие сибирские общества испытывали постоянные финансовые трудности и держались лишь на энтузиазме преданных членов. Инициатива создания физкультурных объединений и организация соревнований принадлежали прогрессивным деятелям того времени, среди которых: А. Жемчужников, Б. Верниковский, Б. Волойчиев, Ю. Замятин, Н. Ворожцов, Ф. Сергиев, Б. Фрейберг и многие другие [12].

Основным итогом развития физической культуры и спорта в Западной Сибири в дореволюционный период явилось формирование энтузиастов, кадров организаторов и инструкторов по различным видам спорта, а также определенной материальной базы, что способствовало привлечению внимания населения к этой сфере и стало предпосылкой к развитию физкультурного движения в советское время. Следовательно, общественные организации на рубеже XIX-XX в. выполняли ряд социально-значимых функций: консолидировали общество, способствовали укреплению здоровья и увеличению продолжительности жизни населения. Развитие физической культуры и спорта в это время можно рассматривать как первый этап становления физкультурно-оздоровительного движения Сибири.

Примечание

1. Голощапов Б.Р. История физической культуры и спорта. – М., 2004. – 312 с.
2. <http://enc-dic.com/pedagogics/Piruskij-Vladislav-Stanislovovich-1300.html>
3. Томский листок. – 1896. – 28 марта. – № 67.
4. Иконников С.К. Доктор Пирусский. – Томск, 2005. – 372 с.

5. Увековечить память В.С. Пирусского (Работники ТМИ) // Красное знамя. – 1961. – 15 февраля.
6. Томский листок. – 1897. – 23 апреля. – № 86.
7. Кашин В. Педагог, ученый, общественник. Памяти основоположника физического воспитания и лечебной физической культуры в Сибири // Красное знамя. – 1981. – 24 июня.
8. Войтик П. Улица имени ученого // Молодой ленинец. – 1977. – 12 июля.
9. <http://zaimka.ru/2011/degaltseva-sport/>
10. Ушакова О. Народный недуг // Родина. – 2001. – № 3.
11. Устав Омского общества самообразования и физического развития. – Омск, 1913. – С. 2.
12. Мурфи Т. Спорт в Томске // Знамя революции. – 1920. – 13 июня.
13. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 60. Л. 78.
14. ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547. Л. 79.
15. Тяпкина О. А. Структура занятий населения малых городов Западной Сибири по переписи 1897 г. // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). – Новосибирск, 2002. – С. 249.
16. Как развивается в Томске лыжный спорт // Знамя революции. – 1926. – 23 декабря.
17. Знамя революции. – 1920. – 13 июня.
18. Сибирский листок. – 1906. – 1 января.

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНАЯ СФЕРА: ПРОБЛЕМЫ ОТНОШЕНИЙ И ИСТОЧНИКОВ РАЗВИТИЯ

Васильев С.А., старший преподаватель ТюмГАСУ

Сегодня проблемы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) рассматриваются, во-первых, в аспекте взаимодействия населения как собственников жилья и пользователей жилья с управляющими и ресурсосберегающими организациями по поводу полноты количества и качества предоставляемых жилищных и коммунальных услуг; во-вторых, в аспекте роста цен и тарифов и так называемой «непрозрачности» ценообразования; в-третьих, в аспекте нарастающей проблемы поиска и законодательного закрепления источников финансирования капитальных ремонтов жилого фонда. При этом уточняется, что затраты на капитальные ремонты не должны быть финансово обременительными для граждан.

По сути, решение проблем ЖКХ заключается в установлении такой системы финансовых и организационных взаимодействий по поводу эксплуатации жилья, которая не будет источником социальных конфликтов. В целом муниципальная и государственная власть эту проблематику понимают и пытаются ее разрешать путем совершенствования действующего законодательства. Так, первый заместитель генерального директора Фонда содействия реформированию ЖКХ В. Талалыкин, на пресс-конференции «Реформа ЖКХ: эффективные методы стимулирования», проведенной 28 сентября 2011 года, признал: «...Ситуация, которая сегодня складывается в отношениях между собственниками жилья, управляющими компаниями, ресурсоснабжающими организациями, ТСЖ, органами местного самоуправления, довольно проблематична, она конфликтная. Есть объективные противоречия, которые возникают из-за несовершенства законодательства» [1].

Но также можно полагать, что при сложившейся системе отношений, скрепляемой, в том числе, «несовершенством законодательства», проблемы будут нарастать, и их нарастание, в конечном счете, будет проявляться в повышении конфликтности во взаимоотношениях населения, организаций жилищно-коммунального комплекса и органов власти. В частности, ближайшая по времени проблема – это рост объема жилого фонда, требующего капитального ремонта, и этот объем возрастает в большей степени, чем объем отремонтированного жилья. При этом собственных доходов населения для покрытия затрат на ремонты, можно уверенно полагать, будет недостаточно. Рост цен и тарифов также будет продолжаться, хотя их повышение в первом полугодии 2012 года, как заявил Председатель Правительства РФ, предусмотрено приостановить.

В то же время, как признается и это очевидно, решение проблем ЖКХ органы власти пытаются удерживать и разрешать в рамках имеющегося законодательства и его совершенствования. И как считает автор статьи, в рамках действующей модели правовых и финансовых отношений и фактически сложившихся компетенций субъектов отношений в жилищно-коммунальной сфере проблему не разрешить.

Что же мы наблюдаем в жилищно-коммунальных отношениях в практическом плане при формулировании проблем?

Во-первых, это то, что собственники жилья должны применять знания норм и правил, относящихся к эксплуатации жилого фонда, как сложных своей специфичностью, так и трудоемких в применении. Чтобы общаться с коммунальными и управляющими организациями, органами контроля и надзора собственники должны владеть определенными юридическими и экономическими знаниями. Они должны знать хотя бы «на уровне пользователя» и, как минимум, в основных положениях: Жилищный Кодекс РФ, Правила и нормы технической эксплуатации жилищного фонда, Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме, Правила предоставления коммунальных услуг гражданам, Федеральный закон «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса» и т.д.

Очевидно, что собственники жилья должны владеть и определенным минимумом технических знаний или опытом, чтобы судить о правильности эксплуатации общего имущества. При этом не все нормативные документы, касающиеся эксплуатации жилого фонда и ценообразования, предназначены для непосредственного применения собственниками жилья, но все они в той или иной мере затрагивают имущественные и финансовые интересы всех граждан, проживающих в любом жилом фонде. А компетенции собственников жилья ограничены в большей степени обязанностями, чем правами.

Так, например, в преамбуле Правил и норм технической эксплуатации жилищного фонда указано, что правила и нормы «являются обязательными для исполнения органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами государственного контроля и надзора, органами местного самоуправления». Но затем в пункте 1.1. Правил также указывается, что «Правила и нормы... определяют требования и порядок обслуживания и

ремонта жилищного фонда с целью: ... обеспечения выполнения установленных нормативов по содержанию и ремонту собственниками жилищного фонда...». Там же, в пунктах 2.1.1. – 2.1.4. оговорен порядок проведения плановых осмотров жилых зданий. Но участие собственников в этих плановых технических осмотрах не предусмотрено, также как и не предусмотрено осведомление собственников о результатах плановых осмотров и согласование результатов. И при этом указывается, что «обнаруженные во время осмотров дефекты, деформации конструкций или оборудования зданий... должны быть устранены собственником...» [2]. И вот таким односторонним подходом, можно сказать, пестрят все нормативные документы, касающиеся эксплуатации жилья.

Знать предусмотренный объем требований и для этого всем собственникам жилья освоить соответствующий объем знаний, а затем еще самим исполнять или требовать исполнения от организаций ЖКХ – практически невозможно. По текстовому объему только Правила и нормы технической эксплуатации жилищного фонда в стандартном книжном формате и шрифте – это 140 страниц специального текста, включающего и дополнительные отсылочные указания на другие нормативные документы. Все законодательные акты, регулирующие деятельность жилищно-коммунальную сферы в части эксплуатации жилья гражданами, перегружены для обычного восприятия и обычной (не специальной) образованности граждан объемом и специальными техническими, юридическими и экономическими регламентами, требующими специальных знаний. То есть, проблему эксплуатации жилья населением можно обозначить как *проблему перегруженности* законодательства необходимостью пользования специальными знаниями. Указания на необходимость или предложения собственникам жилья пользоваться услугами специалистов не решает этой проблемы, так как и для работы со специалистами в любом случае требуется вникать в темы и проблемы, а для этого необходима хотя бы минимальная и всеобщая образовательная подготовка собственников жилья.

Во-вторых, следует отметить и установленные правила и порядок взаимодействий между собственниками жилья, организациями жилищно-коммунального комплекса, государственными органами надзора и контроля, и органами власти по вопросам эксплуатации жилого фонда, которые в практическом процессе реализации можно охарактеризовать как *процедурно усложненные*: от граждан требуются большие затраты личного времени, специальные знания и практический опыт. Усложненность проявляется и в *процедурной трудоемкости* при реализации и особенно защите гражданами своих прав при спорных ситуациях по поводу эксплуатации жилья с ресурсоснабжающими и управляющими организациями, органами надзора или органами власти. И, как известно, в быту процесс реализации своих прав население часто называет «нервотрепкой».

Следует признать, что процедурная усложненность и трудоемкость взаимодействий, объемность нормативных требований к техническому состоянию жилого фонда, в том числе, инженерных коммуникаций, приборов

учета и другого оборудования, и многие другие требования не позволяют собственникам и не собственникам жилья в полном объеме исполнять все предусмотренные законодательством обязанности. Ведь, например, мало кто из собственников жилья может правильно оценить проведенную ревизию или необходимый объем и качество планового ремонта внутридомовых коммуникаций. А исполнение всех требований по эксплуатации жилого фонда, своевременность и полнота оплаты услуг означает в логике законодательства добросовестность собственника. Но в реальности получается так, что практически всех собственников жилья в многоквартирных домах можно причислить к недобросовестным собственникам, т. к. зарегламентированность порядка исполнения прав и обязанностей по вопросам эксплуатации жилья, выявляет, можно сказать, свою неисполнимость.

Вместе с тем, процедурная усложненность исполнения собственниками не только обязанностей, но и прав, часто расхолаживает ответственность ресурсоснабжающих и управляющих организаций при эксплуатации жилого фонда, что приводит к недобросовестному исполнению своих функций и договорных отношений с собственниками жилья.

В-третьих, это неясные *компетенции или полномочия и формы участия* населения в регулировании как самого порядка взаимодействий между населением-пользователем жилья и организациями жилищно-коммунального комплекса, так и в регулировании тарифов, объема и характера коммунальных и жилищных услуг.

Как известно, порядок взаимодействий предприятий жилищно-коммунального комплекса и их взаимодействие с населением, регулирование стоимости, объема и характера коммунальных и жилищных услуг, предоставляемых населению, являются компетенциями органов местной и государственной власти. Вместе с тем важно отметить, что статьей 1.2 Федерального закона №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» установлено: «Органы государственной власти субъекта Российской Федерации обеспечивают реализацию прав граждан на участие в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей...» [3].

Но на практике *непосредственное* участие граждан, в частности, в управлении делами жилищно-коммунальной сферы не очевидно. Практика свидетельствует об обратном. Регулирование или согласование стоимости коммунальных ресурсов и жилищных услуг, нормативов потребляемых ресурсов и услуг, энергосбережения, порядка расчетов и контроля, инвестиционных программ, программ благоустройств и реконструкций и т.п. осуществляется в интересах населения, но без непосредственного участия населения в регулировании и контроле.

Разумеется, управление и регулирование развития ЖКХ осуществляется и для реализации опосредованной интересам населения цели – повышения эффективности работы ЖКХ. Повышение эффективности, в конечном счете, и должно осуществляться в интересах населения. Вместе с тем само население

обычно не спрашивают, что развивать и как развивать, и какие источники финансирования развития при этом определять. В обозначенных вопросах регулирования и развития ЖКХ есть две стороны: техническая и финансово-экономическая; последняя, прежде всего, и затрагивает интересы граждан. Эти интересы – сохранение и повышение личных доходов, и при этом чтобы спрашивали их желание: готовы и могут ли они потратить из личных доходов на общественные коммунальные нужды, и что конкретно представляют собой эти общественные нужды. Но мы не наблюдаем, чтобы рост регулируемых цен и тарифов, а также использование полученных дополнительных доходов, в какой-либо форме согласовывались с населением. Обращает внимание граждан и то, что постоянное развитие ЖКХ, в большей мере, обеспечивается ресурсом, полученным от повышения цен. В данном контексте, вполне очевидно, что одной из основных причин неразрешаемости проблем ЖКХ является то, что финансовым источником преодоления проблем развития жилищно-коммунального комплекса, проблем энергосбережения и текущей эксплуатации видится в основном один источник – доходы населения. Поэтому решение проблем сбалансированности источников финансирования с потребностями развития за счет роста цен без обсуждений и согласований с гражданами-потребителями ресурсов и услуг вызывает возмущение граждан и порождает конфликты в отношениях с организациями жилищно-коммунального комплекса и органами власти.

При утверждении об участии населения в согласовании вопросов жилищно-коммунальной сферы, относящихся к обслуживанию жилого фонда, тарифов, программ развития и т.п., чаще ссылаются на такие формы проявления участия, как мнения, пожелания или настроения населения, в том числе и жалобы, оформляемые гражданами в адрес органов власти в установленном законом порядке. В том числе, выразителями участия населения в управлении выступают и выборные представители населения в представительных органах муниципальной и государственной власти. Очевидно, что в таком взаимодействии население участвует в управлении опосредованно, но не непосредственно. То есть компетенции (полномочия) населения по участию в согласовании названных вопросов ограничены, можно сказать, системой опосредованного участия.

Правда, можно сослаться, например, на статью 162 (пункты 3.3, 3.4) ЖК РФ, где порядок определения цены договора, размера платы за содержание и ремонт жилого помещения и за коммунальные услуги, порядок внесения платы, а также порядок осуществления контроля за выполнением управляющей организацией ее обязательств, должны быть указаны в договоре управления домом. Но на практике, как уже говорилось, это сложно реализуемые права собственников жилья. Более того, законодательные и нормативные акты, устанавливающие и регулирующие предоставление жилищно-коммунальных услуг населению и их потребление, закрепляют за гражданами больше обязанностей, чем прав. И, опять-таки, речь о правах граждан как потребителей жилищно-коммунальных услуг, но не о компетенциях – полномочиях граждан в

управлении и регулировании жизненно важной для населения сферы деятельности.

Сказанное вполне может свидетельствовать об отсутствии у населения компетенций по непосредственному участию в управлении и регулировании жилищно-коммунальной сферы. Но при этом мы видим, что и практика не выработала каких-либо общепризнанных и реально воздействующих на выработку решений властью форм непосредственного участия граждан в управлении, кроме как попыток внедрить такую форму участия населения, как общественную экспертизу тех или иных проектов решений органов местного самоуправления. Население со своей стороны также не всегда стремится к выработке форм непосредственного участия в управлении, так как, с одной стороны, это трудоемко и требует профессиональных знаний, с другой стороны, общественной практикой уже выработаны формы опосредованного участия, в том числе, посредством представительного участия. Именно представительные органы местной и государственной власти и должны проводить интересы населения в управлении и регулировании жилищно-коммунальной сферы. Однако интересы населения не всегда выявляются либо верно интерпретируются, а зачастую и игнорируются.

Таким образом, обобщая, мы видим блок проблем в отношениях между населением, организациями ЖКХ и органами власти по поводу эксплуатации жилья; это проблемы: перегруженности специальными знаниями, процедурная усложненность и трудоемкость реализации прав и обязанностей, неясные компетенции и формы участия населения в регулировании деятельности ЖКХ. Эти проблемы проявляются в неудовлетворенности и недовольстве населения как потребителей услуг и как собственников жилья. Очевидно, несовершенство законодательства и, часто, невозможность населением его исполнения и применения, в котором можно увидеть в целом закрепленную в законодательстве его же неисполнимость, выступает одной из существенных причин, которую можно обозначить как общую проблему развития или реформы ЖКХ.

Второй блок проблем, которые уже отмечены, это цены и тарифы, их рост, в том числе неясность и несогласованность направлений использования получаемого при этом дополнительного дохода. Кроме этого, население не во всем понимает природу роста цен, особенно когда ссылаются на их рост, согласующийся с прогнозом инфляции. Хотя, многие даже интуитивно понимают, что регулируемый рост цен и провоцирует инфляцию.

Во многом, а часто и в основном, причины недовольства населения в отношении к деятельности ЖКХ видят в так называемой «непрозрачности» для населения тарифов на жилищно-коммунальные услуги и объема услуг. По-видимому, дополнительно предусмотренная с января 2012 года расшифровка видов услуг в счетах на оплату направлена на повышение «прозрачности» для населения объема предоставляемых услуг и, наверное, цен на эти услуги. Но проблема во многом надуманная. Так как «прозрачность» услуг, цен и тарифов, то есть предоставление гражданам развернутых расчетов и обоснований цен, сами по себе ничего не дают. Это только информация и не более. Можно быть

уверенным, что утверждаемые цены всегда имеют соответствующую нормативную базу. Любые изменения цен на коммунальные ресурсы и услуги, и чаще в сторону повышения, как правило, обоснованы, а также согласованы или утверждены органами власти, в чьей компетенции находится регулирование цен и тарифов. Вполне возможно, что население будет внимательнее относиться к перечню предоставляемых услуг и на этом что-то сэкономит, но принципиально «прозрачность» проблему не решает.

В плане роста цен следует обратиться к инвестиционным программам развития жилищно-коммунального комплекса. Известно, что к ценам и тарифам на коммунальные ресурсы и услуги ежегодно применяется ценовая надбавка в целях финансирования производственных и инвестиционных программ организаций коммунального комплекса. Это означает, что все граждане-потребители коммунальных ресурсов и услуг оплачивают эти ресурсы и услуги по ценам и тарифам с инвестиционной надбавкой, размер которой и влияет на рост стоимости коммунальных ресурсов. При этом инвестиционная надбавка должна обеспечивать полное возмещение затрат, связанных с реализацией инвестиционных программ, утверждение которых, в свою очередь, находится в компетенции органов государственной или муниципальной власти. Объем полученных таким образом инвестиционных ресурсов находится в распоряжении организаций коммунального комплекса, контроль за использованием или освоением которых опять-таки находится в компетенции государственной или муниципальной власти. Что здесь – в регулировании властью производственно-инвестиционной деятельности и источников финансирования – следует выявить как проблемы, затрагивающие интересы населения?

Во-первых, это нечеткое представление населению инвестиционных программ развития, необходимости строительства, реконструкции или модернизации объектов и оборудования, включенных в программу, и критерии этой необходимости. Во-вторых, это неясность в соотношении долей источников финансирования инвестиционных программ: прибыли предприятий коммунального комплекса, бюджетного финансирования и инвестиционной надбавки к цене коммунальных ресурсов, оплачиваемых населением. И неясно, каковы критерии при определении долей финансирования. В-третьих, неясна форма собственности вновь созданных или реконструируемых объектов в рамках инвестиционной программы, финансируемой за счет инвестиционной надбавки к ценам и тарифам на коммунальные ресурсы и услуги. В-четвертых, не определены компетенции самого населения и формы их выражения в рассмотрении названных вопросов, также в согласовании изменения цен и тарифов. Закрепленная возможность населения участвовать в депутатских слушаниях по вопросу утверждения муниципальных коммунальных инвестиционных программ в принципе не решает проблему компетенций населения в управлении, так как это формальная форма непосредственного участия населения – без существенного реагирования на важные для населения проблемы, например, рост цен, получаемый при утверждении программ.

Из изложенного представления и краткого анализа проблем должно быть очевидным, что проблема ЖКХ куда существенней, чем она публично представляется в несовершенстве законодательства; и она также выходит за рамки вышеназванных причин. Источник проблемы находится куда глубже и касается не только жилищно-коммунальной сферы.

Система финансово-экономических и правовых отношений между субъектами хозяйствования по поводу обеспечения населения коммунальными ресурсами и жилищными услугами, иначе, между участниками процесса обеспечения и населением выстроена так, что само население не является полноправным участником в системе отношений. Разумеется, что система жилищно-коммунального обеспечения выстраивается для потребителей ресурсов и услуг, в том числе, и населения: собственников и не собственников жилья. Но фактически само население как естественный субъект отношений выпало из системы отношений, предназначенных для его обеспечения ресурсами и услугами, как полноправный субъект отношений, влияющий на функционирование этих отношений и их результаты. В этом положении автор усматривает глубинный источник проблем в жилищно-коммунальной сфере, проявляемый в конфликтности отношений, стороной которых выступает население.

На практике, и это очевидно, финансово-экономические и правовые отношения в жилищно-коммунальной сфере выстраиваются и развиваются *без реального участия населения* как субъекта отношений. Несомненно, сказанное относится и к бюджетной политике в части, направленной на развитие объектов жилищно-коммунального комплекса. Из этого практического факта следует, что *население фактически выступает объектом отношений* – просто потребителем ресурсов и услуг. И здесь в рассуждениях автор статьи отходит от формального определения сторон отношений в рамках исключительно юридических отношений, а анализирует сложившиеся в жилищно-коммунальной сфере отношения экономической зависимости населения, при которых население уже выступает *пассивным* субъектом экономических отношений, к которому другие субъекты отношений в жилищно-коммунальной сфере фактически относятся как к объекту отношений.

Разница же между активным субъектом и объектом (пассивным субъектом) отношений заключается в том, что субъект отношений как участник и сторона отношений может *влиять* (воздействовать) на систему финансово-экономических и юридических отношений и тем самым выступать реальным и полноценным участником отношений в жилищно-коммунальной сфере. От субъекта отношений тогда зависят те или иные решения в финансовых, экономических и правовых вопросах, например, по изменению цен на коммунальные ресурсы и жилищные услуги, по принятию инвестиционных программ, по согласованию различных видов реконструкций и капитальных ремонтов (жилья, благоустройства придомовых территорий) и источников их финансирования и т.п. Именно в таком влиянии (воздействии) – через реальное участие в регулировании жилищно-коммунального комплекса – население проявляет себя субъектом отношений.

Таким образом, *влияние* населения на деятельность жилищно-коммунальной сферы, можно определить *критерием*, относительно которого население различается как полноправный субъект отношений в жилищно-коммунальной сфере или как объект отношений. Но такой системы отношений, когда население через непосредственное участие в регулировании может воздействовать на деятельность жилищно-коммунальной сферы, и она при этом вместе с органами регулирования всех уровней положительно реагирует на такое воздействие, не создано. Компетенции населения законодательно ограничены рамками потребителя коммунальных ресурсов и жилищных услуг, то есть как объекта отношений. Все компетенции в регулировании цен и тарифов, в регулировании финансово-экономических, инвестиционных и правовых отношений в жилищно-коммунальной сфере, а также установлении и регулировании отношений по поводу потребления ресурсов и услуг населением находятся *вне компетенций* (полномочий) населения.

Тем самым, в качестве главной проблемы ЖКХ автор обосновывает *проблему полномочий* населения по *непосредственному участию* в управлении и регулировании деятельности жилищно-коммунальной сферы, то есть полномочий, при которых население проявляет себя субъектом отношений. Субъектная правомочность народа по *непосредственному* осуществлению своей власти закреплена статьями 3, 32 Конституции РФ. Но вот развитие конкретных *форм непосредственного участия* (помимо референдума) народа, выступающего в каждом муниципальном образовании как население, не очевидно; в частности, как рассмотрено, это относится к жилищно-коммунальной сфере. Проблемы в этой сфере известны, но они, как видится, созревают и накапливаются потому, что регулирование осуществляется без участия населения и как результат этого неучастия, которое и проявляется в конфликтности в отношениях между собственниками жилья, управляющими компаниями, ресурсоснабжающими организациями.

Можно полагать, что и «разброс» компетенций в вопросах регулирования жилищно-коммунальной сферы по уровням власти, а также концентрация компетенций в этой сфере исполнительной и представительной властями всех уровней, не позволяет выработать формы непосредственного участия граждан в регулировании жилищно-коммунальной сферы с ее спецификой в каждом муниципальном образовании. Противоречие очевидно и разрешать его следует не исключительно в рамках *совершенствования* законодательства, а кардинальным образом – по пути *реконструкции законодательства*. В этой реконструкции законодательства пользователи и собственники жилья должны быть определены *главными субъектами отношений* в жилищно-коммунальной сфере с закреплением за ними соответствующих компетенций по непосредственному участию в управлении и регулировании, включая и регулирование цен на коммунальные ресурсы и жилищные услуги, в том числе и на природный газ для населения.

Разумеется, поставленными и рассмотренными в статье проблемами и предложениями по их разрешению, тема жилищно-коммунальной сферы себя не исчерпывает. Тема многоаспектна. Но в обоснование направления

обсуждениям следует, по мнению автора статьи, привести слова известного в конце 19-го-начале 20 вв. российского доктора государственного права Н.М. Коркунова: «Установление непосредственного участия в государственном общении всего населения, без всяких ограничений и исключений, усиливает и упрочивает государственную власть» [4, с. 38].

Примечание

1. Пресс-конференция. Реформа ЖКХ: эффективные методы стимулирования. <http://top.rbc.ru/pressconf/28/09/2011/617119.shtml>

2. Правила и нормы технической эксплуатации жилищного фонда: утв. постановлением Госстроя России от 27 сентября 2003 г. № 170.

3. Федеральный закон от 16.10.1999 №184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации».

4. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Издание шестое. Т. I. – СПб., 1909. – 623 с.

5. Жилищный Кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ.

6. Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме: утв. постановлением Правительства РФ от 13 августа 2006 г. № 491.

7. Правила предоставления коммунальных услуг гражданам: утв. постановлением Правительства РФ от 23 мая 2006 г. № 307.

8. Федеральный закон от 30.12.2004 № 210-ФЗ «Об основах регулирования тарифов организаций коммунального комплекса».

9. Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. – Новосибирск, 2011. – 32 с.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ

Ганопольский М. Г., д.филол.н., профессор, Институт проблем освоения Севера СО РАН

Тревожные предвестники экологических катастроф, став достоянием общественной психики, по-разному действуют на людей: у одних вызывают панические настроения, других приводят в состояние агрессивного исступления и провоцируют на бунт, третьих объединяют в легитимно оформленные движения протеста...

Справедливо замечено, что сплотить людей перед лицом опасности может некоторая позитивная идея, обещающая благо за свершение тех усилий, к которым призывает. И все же, какой бы привлекательной и перспективной ни представлялась та или иная идея, в разрешении экологических проблем, в поиске путей выхода из кризисных ситуаций нельзя полностью уповать только на массовое осознание. Та цивилизация, в которую так или иначе втягиваются все народы планеты, может быть названа проектной. Люди живут в мире, спроектированном вчера, и по-прежнему участвуют в проектировании мира, в котором будут жить завтра. При этом речь идет не столько о проектировании в метафорическом смысле, сколько о воздействии на жизненную среду результатов деятельности специализированных проектных организаций. Такого

рода проектирование является особой формой специализированного сознания, где явно или неявно, прямо или косвенно продуцируются и апробируются основные сценарии будущего развития. И поскольку именно такое проектирование все более прочно утвердилось в качестве плацдарма большинства социальных инноваций, основной экологический акцент целесообразно сделать на нем. То есть не отказываться кардинальным образом от утвердившихся социокультурных практик и их теоретических программ, а заняться поиском адекватных способов их экологизации и гуманизации.

Тем не менее, в проблемном поле философии техники вопросы проектирования, в том числе и в этическом измерении, оказались на периферии исследовательского интереса, а в архивах проектных организаций хранится значительный неосвоенный пласт археологии современности, востребуемый обычно лишь в трагических случаях. Ясно, что по мере распространения проектирования на большинство жизненно важных для человека систем, интерес к этой археологии должен возрасти, опережая спорадические обращения, вызванные негативными последствиями проектных решений.

Нельзя сказать, что такое понимание проектного опыта полностью игнорируется экологической общественностью. Но в большинстве случаев природоохранные рекомендации носят «надзорный», запретительный характер. Актуальной же становится задача – посмотреть на экологические последствия проектных решений изнутри, глазами проектировщика, развить и поддержать его позитивную экологическую ориентацию. Современное экологическое сознание в какой-то степени повторяет тот путь, которым шло сознание нравственное: от молчаливого табуирования – к запретительным заповедям, а от них – к позитивной мотивации. Таким образом, речь может идти о долженствовании, вплетенном в «ткань» профессиональной деятельности, а экологическое сознание может рассматриваться как одна из форм современного нравственного сознания.

Конечно, для этого необходимо стремление профессиональной группы или организации к самовыдвижению нравственных норм, к профессионально-нравственному нормотворчеству. Принцип «Не навреди!», сформировавшийся в русле медицинской деонтологической традиции, аккумулирует нравственный смысл любой специализированной деятельности и может здесь служить надежным камертоном. В этом собственно и состоит основная идея проектной деонтологии.

Если при этом трактовать проектную деонтологию только в качестве профессиональной этики в сфере проектного труда, то она вряд ли нуждается в специальном обосновании. Культивирование специфических норм нравственной регуляции в любой области деятельности – процесс вполне естественный. Но для становления особой экологически ориентированной деонтологии этого недостаточно. Необходимо осознать, каким образом проектирование вписано в культуру, какие кардинальные сдвиги произошли и происходят в его социокультурном статусе.

Еще недавно, три-четыре десятилетия тому назад, проектирование рассматривалось преимущественно как атрибут крупного промышленного

производства, его опознавательный знак. Именно с прогрессом промышленности принято связывать и те изменения, которые происходили в сфере проектного труда. Если на заре индустрии проект означал предварительный документальный или материальный прототип промышленного изделия или объекта строительства, то постепенно проектирование охватило и деятельность по их изготовлению или сооружению. В итоге оно вышло за рамки связующего звена между исследованием и материальным производством, превратившись в самостоятельную интеллектуальную деятельность по овеществлению знания, а затем и в самостоятельную отрасль общественного производства. Возникли крупные проектные коллективы, оформившиеся в организации индустриального образца.

Повышение авторитета проектирования проявилось и в том, что проектный способ мышления проник в фундаментальные («чистые») науки. Появились исследовательские проекты, никак не связанные с непосредственным практическим выходом. С другой стороны, проектом стали называть собственно практическую деятельность от замысла до воплощения, а не только ее интеллектуальный план. И уж совсем недавно вошли в моду издательские, вещательные и иные проекты.

В какой-то момент трансформации в предметной сфере и в статусе проектирования стали осознаваться как признаки серьезного культурного сдвига, формирования особого проектного способа общественного воспроизводства – явного программирования культурой собственного будущего. Более того, ретроспективный взгляд на истоки проектирования и его роль в культуре позволил некоторым исследователям выделить особый тип культуры – проектный, в отличие от культур канонических, где освященная веками традиция практически в неизменном виде воспроизводит образ жизни последующих поколений [1]. В дальнейшем элементом научной полемики стал вопрос о перерождении канонической культуры в проектную [2], который и в настоящее время не потерял актуальности [3].

Рост масштабов проектирования, изменение его статуса сформировали в обществе потребность проектного подхода к большинству существенных для него систем – не только производственных, но и социальных, гуманитарных. Понятно, что любой крупный проект, к какой бы сфере он ни относился, всегда втягивает в свою орбиту огромное число человеческих связей, превращаясь тем самым в проект социальный. Очевидна и значима актуальность такого проектирования при интенсивном индустриальном освоении безлюдных земель. Однако реальное проектирование так называемой социальной сферы районов нового промышленного освоения вначале ограничивалось лишь объектами социально-культурного и бытового назначения. Только в дальнейшем, когда на макросоциальном уровне все громче стали заявлять о себе различные виды внепроизводственного проектирования (социальное, социокультурное, гуманитарное), к подобным попыткам обратилась и региональная практика. Впрочем, зачастую это были лишь метафоры желаемых изменений, а вовсе не их конструктивные программы. Конечно, если

рассматривать такого рода проектирование достаточно широко, то оно всегда присутствует в социальной практике либо как естественная проекция производственного проектирования и его результатов, либо как аспект социального управления. Совсем другое дело – социальное проектирование как специализированная деятельность, нацеленная непосредственно на свой предмет и обособленная от управленческой практики.

Между тем, вопрос о реальности такого проектирования был и остается болезненным. И если раньше казалось, что причина в конфликте идеолога – охранителя догматов, и социального инженера – инициатора и проводника нововведений, то теперь проясняется глубинная природа такой болезненности. Она – в специфике социального как предмета познания и преобразования. И здесь в качестве организующей методологической основы все чаще выступает идея социальной технологии.

Выдвинутая в свое время К. Поппером в рамках концепции социальной инженерии [4], эта идея первоначально представляла собой оппозицию ортодоксальной марксистской доктрине революционного переустройства общества. Однако оторвавшись от своих концептуальных истоков, она периодически всплывает в социальном познании как исходный принцип реформирования социальных явлений и аналог социального проектирования. В какой-то мере концепция социальной инженерии Поппера стала шагом на пути к снятию конфликта двух основных линий в конструктивной социологии, связываемых обычно с именами А. Сен-Симона и О. Конта (хотя истоки этих линий прослеживаются еще в античности). Линия Сен-Симона – это линия искусственности и рациональности, целенаправленный подход к созданию и функционированию социальных организаций различного уровня и масштаба. Конт, хотя и считался с необходимостью создавать организации для решения специальных задач (чаще всего экстремальных), был сторонником естественности, или, как он сам отмечал, стихийности. Противопоставление этих подходов легко просматривается в сформулированном через сто лет Поппером различии *холистской* и *частичной* социальных технологий.

Впрочем, идейный комплекс, составляющий ядро Попперовской концепции, имеет не только легко обнаруживаемые истоки в классическом социально-философском наследии Запада, но и соответствующие параллели в истории общественной мысли России. Достаточно вспомнить «теорию малых дел», вызревавшую в среде народнической интеллигенции в ответ на радикализм экстремистов, идейное содержание программных сборников «Вехи», «Из глубины» и полемики вокруг них. Эти интеллектуальные и нравственные искания не могли пройти бесследно. Анализ социологической литературы первого советского десятилетия показывает, что определенные аналоги идеи социальных технологий получили развитие уже в 20-е годы – прежде всего в работах А.А. Богданова, Н.И. Кареева, П.А. Сорокина. Их общее отрицательное отношение к революционным преобразованием сочеталось с позитивными попытками обосновать умеренное социальное реформирование. Много общего обнаруживается в их методологических установках. И принципы органичного (и ограниченного) вмешательства в общественный процесс

Кареева [5], и сформулированные Питиримом Сорокиным четыре канона «улучшения и реконструкции социальной организации» [6], и тектологическая триада Богданова [7] представимы как различные аспекты единого подхода, который можно определить как эволюционно-институциональный, а с позиций сегодняшнего дня и как социально-экологический. Такое впечатление усиливается за счет присутствия в работах всех трех мыслителей медицинской терминологии при обсуждении диагноза и лечения социальных недугов (кстати, более всего у Кареева, хотя он в отличие от Сорокина и Богданова не получал медицинского образования). Все это пронизано вполне определенными нравственными принципами, созвучными императивам медицинской деонтологии. На этом последнем моменте хотелось бы остановиться подробнее.

Деонтология (учение о долге) считается частью этики. Но сформировалась она благодаря попыткам выстроить все нравственное учение на основе долженствования. Часто термин деонтология применяют в специальном смысле, когда речь идет о профессиональном долге. И здесь медицинская деонтология – наиболее известный и представительный пример. Нравственные начала деятельности врача, сформулированные почти два с половиной тысячелетия тому назад Гиппократом в его знаменитой Клятве [8], по-прежнему остаются актуальными. Показательно, что многочисленные попытки трансформировать «Клятву Гиппократова» завершались обычно лишь тем или иным ее незначительным дополнением [9]. В этом смысле медицинская деонтология развивается как особая традиция, дополняясь новыми интерпретациями применительно к конкретной эпохе, национально-культурной среде или социальной ситуации. Отечественная врачебная практика зафиксировала эти интерпретации в различных формах: в факультетском обещании русских врачей дореволюционной России, в большом количестве «Заметок», «Записок», «Воспоминаний», посвященных особенностям профессионального врачебного долга (возможно, этому способствовало и то, что врачами по профессии были многие русские писатели), в высказываниях видных деятелей отечественного здравоохранения.

Параллель между социологией и медициной, социологией и биологией характерна для начального периода формирования социологического метода. Но в отечественной традиции это отмечено и определенным экологическим звучанием. Совпадение гносеологического, этического и экологического начал в отечественной проективной социологии первой трети XX века позволяет с определенной долей оптимизма взглянуть на перспективы экологизации проектной деятельности.

Примечание

1. Кантор К.М. Опыт социально – философского объяснения проектных возможностей дизайна // Вопросы философии. – 1981. – № 11.
2. Сидоренко В.Ф. Генезис проектной культуры // Вопросы философии. – 1984. – № 10.
3. Сидоренко В.Ф. Идея проектной культуры. – М., 1995; Кантор К.М. Правда о дизайне. – М., 1996.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. – М., 1992.

5. Кареев Н.И. Общие основы социологии. – Пг., 1919. – С. 97-98.
6. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 271-272.
7. Богданов А.А. Тектология. В 2-х кн. – М., 1989. – Кн. 2. – С. 258-267.
8. Гиппократ. Клятва. Закон о враче. Наставления. – Мн., 1998.
9. Деонтология в медицине. В 2-х т. – М., 1989.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИПОЛЯРНОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

*Голубчиков Ю.Н., к.г.н., ведущий научный сотрудник, МГУ им. М.В.
Ломоносова (г. Москва)*

Самая обширная погранзона. Любая политико-административная граница нацелена вовнутрь, чтобы объединить социальную группу, и вовне, чтобы отделить ее от соседей. Такие особенности политических границ, как протяженность, возраст, происхождение, история, стабильность, проницаемость, спорность давно уже стали факторами социально-экономической устойчивости территорий, выполняющими барьерную или проницаемую функцию. Но каким фактором в сложившихся реалиях служит обширная широтно вытянутая погранзона РФ? Ни в одной другой стране мира и вообще ни на одном материке не достигает она такого простирания, как у России в ее северных владениях.

Для жителей Российской Арктики туризм мог бы оказаться экономическим даром, если бы не трудности достижения нашего Севера, усугубленные превращением значительной его части в труднодоступную для посещения погранзону. Эта кэгебистская традиция была возобновлена после 2006 года. В свое время она никак не послужила делу сохранения великой страны.

Сегодня нелепые для эпохи Google запреты привели к тому, что гораздо легче стало пересечь любую госграницу, чем вступить в обширную погранзону России. Обычным гражданам России для получения в нее пропуска потребуется месяц, отправлять придется шесть бумаг, в заявке должны быть точно обозначены маршруты поездки. Самодеятельным туристическим группам пропуска вообще не выдаются, только турфирмам. Тундра, как и в советское время, оказалась вовсе несвободной для перемещений. Ловить нарушителей следует с помощью высоких технологий и тайных агентов, а не всевозрастающих запретов на всевозможные посещения.

Арктический округ России вообще-то нужна не широтная погранзона, а широтные формы управления страной, отвечающие ее естественноисторическим и географическим особенностям. Ни в одной другой стране мира и вообще ни на одном материке не достигает такого выражения широтная природная зональность, как в пределах России. Неслучайно здесь зародилось учение о природных зонах В.В. Докучаева. Связность и непрерывность наших природных зон должна прежде всего проявляться в особенностях ведения сельского и лесного хозяйства.

В сложившихся геополитических реалиях будущая устойчивость Российского государства во многом предопределена созданием Арктического федерального округа. Надежным обручальным кольцом свяжет он отдаленные ресурсные регионы с Москвой. Безусловно, в таком вопросе нужна особая осторожность и щепетильность, поскольку он затрагивает и усредняет многие местные и региональные проблемы, различия, детали и потребности.

Объективно громоздкости административно-территориального деления России способствует его архаичность. До 1764 г. опеку над всей Сибирью сохранял Тобольск. В дальнейшей е регионализации губернаторства создавались по бассейнам больших рек – Оби, Енисея и Ангары, Лены (Тобольское, Иркутское и Якутское наместничества) [9].

С тех пор ресурсодобывающие территории Севера Сибири по-прежнему подчинены сильно удаленным от них к югу региональным столицам. Между тем, Сибирь, как и вся Азия, более отчетливо делится не на Западную и Восточную, а на Южную и Северную. Главной транспортной осью последней давно уже стал Северный Морской путь, тогда как у Южной Сибири таковой стала Транссибирская магистраль.

Архаичное административно-территориальное деление Сибири унаследовалось впоследствии в долготном экономическом районировании страны. Между тем, северные территории нуждаются в особом государственном протекционизме, особом управлении. Такое отношение к ним закреплено в законодательствах всех приарктических государств, потому что ошибки в управлении здесь проявляются резче и обширнее. Для России, где на долю северных территорий приходится главная часть валютных поступлений такие ошибки имеют гораздо большие последствия, чем для остальной части страны. Возникают они, во-многом, из-за отсутствия единого подхода к единому по самому своему существу Крайнему Северу.

Россия сегодня оказалась рекордсменом по запутанности и абсурдности своих внутренних границ. Российское государство – это федерация, состоящая из 8 Федеральных округов. Они включают 21 республику, 6 краев, 46 областей, 2 города федерального значения, автономную область и 10 автономных округов – всего 86 «разнокалиберных» и не во всем равноправных субъектов. Для сравнения: США состоит из 50 штатов, Австралия – 6 штатов и территорий, Канада – 10 провинций и территорий, Индия – 25 штатов и территорий, ФРГ – 16 земель и городов [7, 10].

Кроме того, на всех территориальных уровнях РФ существуют две параллельные территориальные структуры – административная и муниципальная. Причем сетки разных видов муниципальных образований по разному соотносятся с сетками соответствующих административно-территориальных единиц [4].

Центральная область земного шара. Пространства России оборачиваются сплошь и рядом обузой из-за огромных энергозатрат, диктуемых расстояниями и холодными условиями. Но каждая великая эпоха создавалась на каком-то великом изобретении, соответствующем потребностям и географическим особенностям лидирующих стран. Непреодолимым лежал перед Англией

Атлантический океан. Но в стране был изобретен паровой двигатель. И океан стал самым удобным для пересечения из огромных пространств. Тем самым, открылась возможность заселять Америку, Австралию, Южную Африку. Непреодолимые пространства США и Канады позволил преодолеть автомобиль и развитая дорожная сеть, спаявшая воедино внутриконтинентальные просторы. Стимулом развития бедной на природные ресурсы и щедрой на катастрофы Японии послужила электроника.

В СССР и США, так уж сложилось, преимущественный приоритет получила военная техника больших расстояний: ракетно-космическая, авиационная, ядерно-морская. Россия – единственная страна в мире, располагающая гражданскими атомными кораблями, у которых вообще нет конкурентов среди поставщиков транспортных услуг.

Сегодня именно эта техника превращает Арктику в центральную область земного шара, возводя ее на перекресток кратчайших путей между всеми мощнейшим и наиболее населенным государствами. Одного взгляда на глобус достаточно, чтобы наметить чуть ли не над всеми точками Российской Арктики воздушные коридоры и морские подледные трассы меридиональной направленности. Кратчайшими расстояниями они могут изменить всю глобальную транспортную систему, связывая крупнейшие центры атлантических и тихоокеанских стран, Америку со странами Индийского океана [1]. Собственно говоря, Арктика призвана преодолеть барьеры между ними.

В этой связи интересны предложения практического сотрудничества приарктических государств. Все они, как на подбор, являются лидирующими странами человечества, любящими белый снег и белую зиму. Объединение с ними России скажется благотворно не только на ее экономике, но и с позиции безопасности в условиях реальных геополитических угроз со стороны южных соседей – считает вице-президент комитета международного интеллектуального сотрудничества Джордж Магаршак [8].

Основную цель такого альянса Магаршак усматривает в сооружении атомных электростанций в Заполярье, Сибири, Канаде, на Аляске и в Гренландии. Природа распорядилась направить туда с северными реками и айсбергами огромные количества пресной воды. Она и послужит основой для создания сети АЭС. Не нужно будет поворачивать реки или транспортировать айсберги. Электроэнергию транспортировать несравненно легче. Кроме того, именно на холодном Севере оказались сконцентрированы главные запасы осваиваемых углеводородных ресурсов и неосвоенных ветроэнергетических возможностей. Север таким образом может оказаться энергетической житницей планеты. В совокупности с тепличными комплексами энергетические ресурсы могли бы вдохнуть новую жизнь в заселение Российского Севера.

Арктика невелика, но влияет на другие области земного шара, сильнее, чем наоборот. Конечно, все связано со всем, но теснота этой связи различна. Арктика в силу своего высокоширотного положения теснейшим образом переплетена со всей планетой. Экономика здесь как нигде взаимоувязана с экологией. Вполне очевидно, что там, где труднее и сложнее, сотрудничество

на многосторонней основе существенно повышает эффективность полученных результатов.

Продовольственный потенциал Приполярной России. Географического и климатического пределов «осеверения» сельского хозяйства – считал Н.И. Вавилов [2] – не существует и рассматривал продвижение сельского хозяйства на Север как важнейшую часть создания продовольственной независимости страны. Одно из преимуществ северного земледелия в том и состоит, разъяснял Н.И. Вавилов, что применительно к суровым, зато устойчивым климатическим условиям, можно выработать надежную агрорецептуру. Известно, что четырьмя лимитирующими факторами развития растений являются свет, тепло, влага и плодородие. На Севере каждое лето холодное, зато известно, что от каждого вегетационного сезона ждать. Там переизбыток почвенной влаги, но бороться с нею легче, чем с недостатком воды и засухой. Питательных веществ в органике почв тоже вполне достаточно. В свою очередь, удобрения и тепломелиоративный эффект навоза домашних животных, для которых, собственно говоря, и предлагается выращивать на Севере травы, могут существенно нейтрализовать пагубное воздействие холода.

«Ученый должен быть всегда над глобусом» – любил повторять Н.И. Вавилов [3]. Именно им было установлено совпадение распределения сортов культурных растений по высотным зонам гор, снизу вверх, с их распределением по широтным зонам равнин, с юга на север. Главное значение ученый уделял введению в высокие широты культурных растений высокогорий, где у границ вечных снегов произрастают необычайно скороспелые сорта.

Там на высотах нет палящих засух, благодаря повышенной ультрафиолетовой радиации усиливается фотосинтез, в растениях активнее образуются органические вещества. Горы, как и полярные страны, слабо защищены от вторгающихся в атмосферу космических излучений. В горном воздухе мало водяного пара и атмосферных примесей (пыли, пыльцы, бактерий, загрязнений). Солнечный свет особенно богат ультрафиолетовой радиацией, активизирующей образование белков и витаминов. Растения, таким образом, максимально напитываются солнечной и космической энергией. О ее количестве можно судить по богатому содержанию в растительных тканях сахара – самого экономичного энергоносителя. Ночные заморозки замедляют превращение сахара в крахмал и значительная его часть остается в клетках тканей растений, усиливая их морозоустойчивость. Сами же эти клетки насыщены высококачественной водой, производной, во-многом, биологически активной талой воды высокогорных ледников. Так целебные свойства гор усиливает еще производимая там необычайно питательная и энергетически насыщенная пища, дарующая организму различные виды мышечной, нервной и психической энергии.

Если влажные тропики и субтропики характеризуются невиданным многообразием древесных видов, то у их верхних пределов создаются оптимальные условия для самого активного на планете видообразования однолетних трав, к которым относится большинство важнейших культурных

растений. Поднимаясь в горы, можно наблюдать любопытные смены от поздних низинных сортов культурных растений к скороспелым высокогорным расам. Среди них в исходном состоянии скрыты многие первичные формы, давшие начало всем нашим культурным растениям.

На руководимых Н.И. Вавиловым полярных станциях в Хибинах и на Печоре успешно вызревали высокогорные сорта средиземноморских овсов и эфиопских ячменей. Он предсказывал гигантское значение диких горных форм зерновых культур для северных пределов земледелия. Зная прошлое, собирая культурные растения в древних очагах земледелия, ученый как бы управлял историческим процессом.

Особое внимание уделял Н.И.Вавилов внедрению холодостойких диких и культурных видов картофеля из Анд. Ведь всем известный картофель был заимствован у индейцев о-ва Чилоэ у берегов Южного Чили и в дальнейшем вся европейская селекция основывалась на этих 2-3 случайных образцах одного вида. Отсюда ученый вывез 18 новых сортов картофеля и большинство их именно на Крайнем Севере давало нормальные клубни и выявляло исключительное плодоношение. Некоторые из диких видов с мелкими клубнями оказывались до того морозоустойчивыми, что выносили понижение температуры до -8 градусов (вид акауле).

Высокогорные растения не только отлично приживались в северной культуре, но даже ускоряли там темпы своего развития, причем тем стремительнее, чем с большей высоты брался для посева исходный материал. Характерно, что в средних широтах такой успешной продуктивности высокогорные сорта уже не обнаруживали. Оно и понятно: сорта, собранные высоко в горах, почти у границы вечных снегов, должны внедряться в сходных перигляциальных условиях Севера.

Н.И. Вавилов готовил подлинную зеленую революцию, важное место в которой занимал Север, а не выведение отзывчивых на повышенные дозы химикатов растения. Напротив, двигаясь с растениеводством на юг, доказывал Н.И. Вавилов, мы вступаем в зону «рискованного» земледелия. Здесь ничего нельзя предусмотреть. Предстоящий год может быть и дождливым и засушливым. Тем не менее, оппоненты Вавилова доказывали обратное. Они, в конце концов, и победили.

Каждая точка земного шара получает примерно равное количество часов солнечного освещения. Но, как указывал еще пионер освоения Севера Андрей Журавский [5, 6], только на Севере подавляющее количество часов солнечного освещения приходится на начало вегетационного периода, когда в нем больше всего нужна. Если продолжительность солнечного освещения измерять не сутками, а теми часами, когда идет фотосинтез, то по сумме световых часов высокие широты намного превзойдут умеренные. Уникальное сочетание континентальности и полярности Журавский рассматривал как национальное достояние России, открывающее возможности для ускоренного выращивания трав для животноводства. Полярность создает продолжительное и непрерывное богатое ультрафиолетом летнее освещение. Континентальность же обеспечивает высокие температуры вегетационного периода.

Финляндия на своих гранитах стала крупнейшим маслодельным цехом планеты, Швеция всему миру известна как лидер мясо-молочного производства, Исландия содержит огромные табуны овец. А ведь у них нет таких роскошных пойменных лугов как у нас. Любой вездеходный след, прошивающий нашу тундру, покрывается буйным маркером трав. Со временем их вновь поглощает мертвое царство мха. На северных травах мы могли бы стать не просто поставщиком мяса, но и мяса экологически чистого и особенно полезного, благодаря насыщенности северного света ультрафиолетовыми лучами, а влаги – талой водой.

Примерно тот же процент населения России проживал на Севере и 100 и 300 лет назад, но в продовольственном отношении до 1930-х годов он находился на самообеспечении. В Мурманске в 1922 г. на каждые 100 жителей приходилось 37 коров, 60 овец и 45 оленей. Сейчас столько коров не приходится и на сто дворов в самых животноводческих районах страны.

По сведениям, приводимым генералом Жилинским (известным мелиоратором), в селении Нижняя Пеша, что и сейчас сохранилось на берегу Чешской губы, каждый двор в начале века держал по 10-12 коров, 4-6 лошадей, 25-50 овец, многие еще имели по 50-200 оленей. Население к тому же промышляло навагу, белугу, нерпу, тюленя.

Вильям Стефансон писал, что испанцы искали в Америке золото, а не картошку. Но ценность доставленных ими клубней намного превзошла все добытое в мире золото [11]. Не меньше резервов хранят для человечества арктические территории. Их огромные пространства не столько беда, сколько одно из преимуществ России. В отличие от безводных пустынь, труднодоступных высокогорий или душных джунглей, Российский Север куда доступнее для обживания. Там холодно, но с холодом можно бороться. Охладить пространство намного сложнее, чем нагреть.

Многим нашим современникам видятся справедливыми суждения полковника погранвойск А.П. Паршева, что климат нашей страны слишком плохой и холодный для обеспеченной и безбедной жизни, а хороший климат – это где-то в Средиземноморье, субтропиках или Юго-Восточной Азии. «Хорошим климатом» считается у нас тот, что пригоден для бездельного отдыха. Но не отдыхающая личность или нуждающаяся в курортном лечении является идеалом человечества. Ею во все времена была личность деятельная и дельная.

России нельзя допустить обезлюдения ее огромных пространств. Нужен быстрее поиск механизмов повышения их демографической емкости и заселения своим населением. И взор тут обращается к Северу – последнему территориальному резерву человечества, еще незаселенному пространству Земли из вполне пригодных для заселения, к самой захватывающей и интригующей части планеты, влекущей своею таинственностью и неоглядностью.

В возможностях превращения Севера в «мясной цех страны» на основе травосеяния и лежит естественно-историческая миссия холодных пространств России. Быть может, благодаря своему континентально-полярному положению

Россия и сможет обрести только ей принадлежащее место в мире, а мир – выйти на порог нового витка решения проблем ресурсов и экологии.

Примечание

1. Бандман М. К. Новое геополитическое положение Сибири и связанные с ним экономические проблемы развития // Долговременные принципы развития экономики Сибири. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996.

2. Вавилов Н. И. Избранные труды в 5 т. Т. 5. Проблемы происхождения, географии, генетики, селекции растений, растениеводства и агрономии. – М., Л., 1965. – 786 с.

3. Вавилов Н. И. Речь к пятидесятилетию памяти Н. Н. Миклухо-Маклая // Советская педагогика. – 1988. – № 8.

4. Глезер О.Б., Бородина Т.Л., Артоболевский С.С. Реформа местного самоуправления и административно-территориальное устройство субъектов РФ // Известия РАН. Сер. геогр. – 2008. – № 5. – С. 51-64.

5. Журавский А.В. Приполярная Россия в связи с разрешением общегосударственного аграрного кризиса. – Архангельск, 1908.

6. Журавский А.В. Экономико-исторические и географические полярные границы внеземледельческой России. – Архангельск, 1909.

7. Каганский В.Л. Административно-территориальное деление: логика системы // Известия РАН. Серия геогр. – 1993. – № 4. – С. 85-94.

8. Магаршак Дж. Альянс стран, где зима основное время года // Независимая газета. – 2006. – 25 октября.

9. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Кн. 1. – СПб., 1886. – 326 с.

10. Смирнягин Л.В. Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. – М., 1998. – 72 с.

11. Стефансон В. Новая страна на Севере. – М., 1933.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РАСШИРЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА В ТОВАРНОМ И ПРОМЫШЛЕННОМ РЫБОВОДСТВЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Горохов А.А., к.э.н., доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ

Одним из важных направлений хозяйственного использования водных ресурсов является рыбоводство или аквакультура. Рыбоводство представляет собой подотрасль агропромышленного комплекса, занимающаяся разведением рыбы, улучшением и увеличением рыбных запасов в водоемах.

Рыбоводство играет важную роль в жизни человечества, поскольку оно обеспечивает эффективное производство ценного биоресурса без ущерба для биосферы. Рыбные продукты являются необходимым элементом сбалансированного рациона питания. В рыбе содержится немало ценных питательных веществ, а также все необходимые аминокислоты.

Территория Тюменской области исключительно благоприятна для развития рыбоводства, поскольку на ней находится большое число естественных водоемов – рек и озер. Так, на юге Тюменской области насчитывается свыше 100 тыс. га водоемов. Породы выращиваемой рыбы – осетр, стерлядь, карп, пелядь, сом, карась. Для осуществления товарного

рыбоводства и промышленного рыболовства на юге области, определено 270 участков.

Всего на юге области действует 28 рыбоводных хозяйств. Самыми крупными из них являются ЗАО «Казанская рыба», ОАО «Тобольский рыбзавод», ООО «Сладковское товарное рыбоводческое хозяйство», ФЛ «Абалакский рыборазводный завод», ООО «Сибирская нива», ООО «Ярковское РЖКХ» и ряд других. Самое крупное рыборазводное предприятие – Абалакский рыборазводный завод, его производственные мощности составляют 500 млн. личинок сиговых рыб (чир, муксун, пелядь, пыжьян, тугун) и 2,6 млн. молоди осетровых видов (осетр, стерлядь) в год. Основные производственные показатели по отрасли приведены в *таблице 1*.

Таблица 1

Основные производственные показатели рыбоводства Тюменской области [1]

Год	Общий вылов, тонн	В том числе ценной рыбы, тонн
2008	2 603	801
2009	3 143	742
2010	2 472	940

По заключениям ученых-ихтиологов, потенциал по выращиванию рыбы в регионе составляет 17-18 тыс. тонн в год, следовательно, можно сделать вывод, что в настоящее время водные ресурсы юга Тюменской области в разрезе аквакультуры используются менее чем на 20%. Следует отметить, что в 70-80-е г.г. прошлого века, в Тюменской области общее производство товарной рыбы составляло 7-8 тыс. тонн в год [2].

Таким образом, рыбоводство в регионе имеет серьезный потенциал для развития. Развитие отрасли опирается на процессы расширенного воспроизводства – создание новых и модернизация новых производственных фондов, обеспечивающих увеличение объемов производства.

Финансово-экономический механизм расширенного воспроизводства это совокупность институтов, субъектов экономических отношений, рычагов воздействия, а также условий осуществления деятельности, взаимодействующих с целью обеспечения непрерывного процесса формирования и использования денежных фондов, необходимого для эффективного функционирования отрасли.

Эффективно функционирующий механизм воспроизводства обеспечивает инвестирование средств в развитие отрасли – создание новых и модернизацию действующих производственных мощностей, приобретение передового оборудования, подготовку квалифицированных кадров.

Инвестиции в рыбоводстве имеют те же отличительные черты, что и в аграрной отрасли в целом: привязка к длительному технологическому циклу, необходимость значительных затрат, низкая рентабельность. Очевидно, что для частных инвесторов данное направление инвестиций не представляет большого интереса из-за длительного срока окупаемости. Расширенное воспроизводство в отрасли возможно только при последовательном участии государства.

Нельзя забывать о том, что рыбопроизводные предприятия (такие, как Абалакский завод), ориентированы не столько на получение прибыли, сколько на воспроизводство биоресурсов, следовательно, могут существовать только при государственной поддержке. Так как личинки и молодь рыбы выпускается в бассейны рек, протекающих по территориям трех субъектов федерации (Тюменская области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа), необходима интеграция усилий властей данных субъектов. Деятельность данных предприятий должна финансироваться за счет средств консолидированного бюджета области и автономных округов.

Необходима системная государственная политика по развитию аквакультуры, обеспечивающая поддержку предприятиям рыбоводства. Кроме того, необходимы специализированные органы государственного управления, проводящие данную политику. В структуре Правительства Тюменской области вопросы рыбоводства, как и прочие направления развития аграрной сферы, находятся в ведении Департамента агропромышленного комплекса. В Департаменте предусмотрен отдел рыбоводства, чьей задачей является разработка и реализация политики государственной поддержки отрасли.

Основные направления государственной поддержки рыбоводства в Тюменской области, следующие:

- 1) субсидирование приобретения рыбопосадочного материала;
- 2) субсидирование развития материально-технической базы рыбоводных предприятий;
- 3) предоставление рыбоводческим хозяйствам рыбопромысловых участков в аренду.

Субсидирование приобретения рыбопосадочного материала осуществляется из расчета 50 рублей за 1 000 штук личинок сиговых видов рыб, 2 000 рублей за 1 000 штук годовиков сиговых, карповых и хищных видов рыб. Получателями данной субсидии являются организации и индивидуальные предприниматели, приобретающие рыбопосадочный материал для выращивания в водоемах юга Тюменской области, предоставленных на основании договоров о предоставлении рыбопромысловых участков для осуществления товарного рыбоводства [3].

Субсидии на развитие материально-технической базы для рыбоводных предприятий юга Тюменской области предоставляются в размере 30% стоимости приобретения нового технологического оборудования для осуществления товарного рыбоводства, промышленного рыболовства и переработки рыбы, холодильного оборудования, с учетом их доставки и монтажа, орудий лова. Получателями данной субсидии являются рыбоводные предприятия с годовым объемом производства товарной рыбы не менее 50 тонн и(или) производящие и реализующие рыбопосадочный материал, в количестве не менее 3 млн. штук личинок и (или) 200 тыс. штук годовиков рыб [3].

В настоящее время в аренду для целей рыбоводства и промышленного рыболовства предоставлено более 170 водоемов юга Тюменской области [4].

Срок долгосрочного договора аренды – 20 лет, по его истечению хозяйство имеет преимущественное право пролонгации. Наличие данного договора

позволяет хозяйства активно осваивать водоем – благоустраивать, зарыблять, развивать материально-техническую базу, вкладывая как собственные, так и привлеченные средства.

На поддержку и развитие рыбоводства из бюджета Тюменской области ежегодно выделяется не менее 70 млн.рублей. Однако, данная сумма составляет только 1,5% от общей суммы, выделяемой на поддержку АПК [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее существенными направлениями развития финансово-экономического механизма расширенного воспроизводства рыбоводства в Тюменской области, являются следующие:

1. Совершенствование законодательной базы, регулирующей деятельность в сфере рыбного хозяйства.

2. Более полное раскрытие направлений поддержки рыбного хозяйства в рамках программы развития АПК Тюменской области. Возможна разработка специализированной областной программы «Развитие товарного рыбоводства Тюменской области».

3. Внедрение новых механизмов субсидирования рыбного хозяйства, в частности, субсидирование выловленной товарной рыбы и субсидирование части производственных затрат рыбоводства.

4. Увеличение размера субсидий на развитие материально-технической базы рыбоводства.

5. Усовершенствовать меры контроля за эффективностью использования водоемов, переданных в аренду.

6. Финансировать часть затрат по научно-техническому обеспечению рыбоводства на территории Тюменской области.

Реализация указанных мер позволит сформировать действенный механизм государственной поддержки, обеспечивающий расширенное воспроизводство основных средств значимого сегмента АПК.

Примечание

1. Глазков В. Развитие промышленного рыбоводства в Тюменской области // Нивы Зауралья. – № 9 (87). – 2011.

2. Боталов Н. Что мешает рыбоводу? // Тюменские известия. – 15.10.2010. – № 180.

3. Постановление Правительства Тюменской области от 04.03.2008 № 72-п «Об утверждении Положения о порядке предоставления средств областного и федерального бюджета на государственную поддержку сельскохозяйственного производства».

4. Боталов Н. Водоем в аренду // Тюменские известия. – 13.01.2011. – № 2.

РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ В ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИИ СТАРОЖИЛОВ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО СЕВЕРА

Евсеев В.Н., д.филол.н., профессор ТюмГУ

В XVII в. русские насельники Обь-Иртышского Севера рассматривали рыбный лов как способ заготовки продовольствия. В конце XVII в., в первых десятилетиях XVIII в. рыболовство старожилов Березовского уезда оставалось потребительским, в Сургутском уезде рыбная ловля имела товарный выход на

юг [9, с. 51]. Рыбные промыслы Обь-Иртышья развивались во 2-й половине XVIII в., а в последней четверти XIX в. достигли пика добычи: среднегодовой улов рыбы в Тобольской губернии приближался к 1,5 млн. пудов (24450 т). – по данным из служебной записки (1894 г.) тобольского губернатора Н.М. Богдановича (опубл.: «Отечественные архивы», 2005 г., № 3). В конце XIX в. жители Сургутского округа затрачивали на рыболовство по 30–40 дней, что позволяло создать семейные запасы рыбы на год; взрослые мужчины могли около 6 месяцев участвовать в артельных промыслах [14, с. 53-54]. Рыболовство во 2-й половине XIX в. – занятие, обеспечивающее потребности русского населения [11, с. 12].

Рыболовные угодья «кортомились», т.е. арендовались у коренного населения: «По теперешним законам все пески принадлежат казне, а инородцам остается право пользоваться ими или сдавать в аренду, но не продавать» [5, с. 177]. В Сургутском уезде в XVIII в. некоторые рыболовные угодья принадлежали казне и отдавались в оброчное пользование русским старожилам, т.е. за владение угодьями уплачивался госналог в денежной форме [9, с. 52]. По сведениям Н.М. Ядринцева, арендаторы в 1810 г. платили коренному населению Березовского округа за песок по 10 руб. за летний сезон, в 1848 г. уплачено за аренду 150 песков 6050 руб., т.е. по 40 руб. за рыбопромысловое место [Цит. по кн.: 7, с. 83]. В конце XIX в. арендная плата за рыболовный песок колебалась в пределах 20-300 руб. в год. На 1894 г. в Обь-Иртышском бассейне на 78 сданных в аренду песков приходилось 130 инородцев-собственников, 410 пайщиков, около 10 тыс. рабочих-рыболовов [см.: 6]; в другом источнике указывается на начало XX в. свыше 6 тыс. рабочих, подряжавшимся на обские рыбопромыслы [5, с. 180]. К началу XX в. все крупные угодья («пески», «протоки», «соры») были учтены; в «Справочной книге Тобольской губернии» (1904 г.) приводятся данные 160 рыболовных угодий по Оби, Иртышу [см.: 4, с. 134-136].

Большая часть русского и автохтонного населения Обь-Иртышья нанималась в артели, так как требовался капитал для организации и доставки улова на южные рынки, на приобретение дорогостоящих снастей для крупного лова (стрежевой невод был длиной от 800 метров и более) [см.: 2, с. 172]; Заработки старожилов-рыболовов зависели от объемов артельного улова за сезон, от договорных условий и артельной специализации [12, с. 4]. Так, в 1808 г. самаровский житель Иван Кокшаров «подрядился неводить в течение лета у тобольского мещанина Якова Бронникова за 20 рублей» (средний северный дом в это время стоил около 70-80 руб. – В.Е.) [цит. по кн.: 8, С. 42]. На рыбных промыслах Обского Севера (1880-е гг. – 1-е десятилетие XX в.) рядовые рабочие получали около 20-30 руб. за сезон [5, с. 182], кормщик – 40-50, руководители артели и самого лова – 80 руб. и свыше [14, с. 36]. Более высокое жалованье назначалось мастерам обработки рыбы – «засольщикам» ответственным за качество засолки [5, с. 184].

Жилье и место лова называлось «станком» или «заведением» [3, с. 424, 429; 13, с. 11]. Станок – небольшие постройки-казармы с амбаром-хранилищем («сараем»), навесами, приспособлениями для разделки, сушки, засолки рыбы [5,

с. 182]. Станы располагались в естественных речных гаванях, на удобных песках (без «задевов» для хода невода, по лексике сибиряков [5, с. 176]). В 1910-х гг. станки купцов П.П. Алексеева (из с. Саранпауль) и Бешкильцевых (из с. Сартынья) теснились на берегах Северной Сосьвы у устья впадающей в нее реки Ляпин [3, с. 424, 429, 452].

В артели рыболов мог иметь свою долю – «пай», улов равноценно делился в зависимости от причитающихся рыболовам долей. Когда местные рыбаки-старожилы составляли артель на паях, они вносили свою долю – часть невода, из отдельных долей сшивался невод; двухмесячный заработок артельщика здесь приближался к 30-50 руб. «на пай», примерно такой же доход приходился на одного артельщика от лова «мордами» и «чердаками» [11, с. 16, 56-57]. Если «подъем» артели обеспечивался рыбопромышленником, наниматель получал половину, треть или иную часть улова – в зависимости от условий найма и договорных отношений. Остальной улов рабочие делили между собой, решая, какую часть причитающего пая оставить для потребления, а какую сдать промышленнику по заранее условленной или только что установленной цене [см.: 6]. Купцы устанавливали выгодные для них условия сдачи улова. Летняя рыба принималась поштучно: рыбу мерили от середины глаза до основания хвоста. Зимой принимали на вес. Чем дальше на север, тем дешевле была рыба. В среднем течении Оби и Иртыша до Березова в 1870-х гг. за 1 руб. сдавалось 8,5 муксунов, между Березовым и Обдорском – 10, а у Обдорска (ныне Салехард) – 12 [см.: 6]. Сургутские старожилы подразделяли рыбу на морскую белую (проходная рыба – осетр, муксун, сырок, нельма) и черную (местная рыба – язь, щука, окунь, налим, карась, чебак) [13, с. 11]. Предметом торга была красная, крупная рыба (осетр, стерлядь, муксун, нельма), товарными были сельдь и сырок. В «Статистическом обозрении Сибири» Гагемейстера (1854) отмечается: муксуна вылавливали только по Оби, красной рыбой был «гораздо богаче» Иртыш. Ловля черной рыбы была круглогодичной, обеспечивающей семейный рыбный стол.

Артельный и свободный улов доставлялся купцами-рыбопромышленниками по рекам или зимними трактами на рынки. Летом улов доставлялся дощаниками – грузоподъемными плоскодонными лодками. В верховья их тянули бечевой или шли «на гребях». Во 2-й половине XIX в. перевозили баржами, буксируемыми пароходами и катерами [см.: 5, с. 187]. Судна прибывали из Тобольска, Томска, других городов, они принадлежали также березовским, сургутским, самаровским купцам и торгующим крестьянам. В Березовский край (середина XIX в.) в промысловое лето приходило до 18 судов, в варовую пору здесь находилось до 300 каюков (крытых больших лодок) и малых лодок [1, с. 409]. Рыба поставлялась в Тобольск, в южные уезды Тобольской губернии, в Пермскую губернию и Екатеринбург, на Ирбитскую ярмарку, зимою в замороженном виде в Москву и Петербург.

Рыбный промысел производился круглый год, выделялись два главных сезона – «варовый» (летний, после спада воды) и «юровой» (зимний) лов. В весенний разлив ловили рыбу сетями, режёвками. При понижении уровня воды, когда рыба выходила из сорос в реку, перегораживали ей свободный ход

мерёжами [13, с. 11]. Летний промысел был рассчитан на вылов «проходной» («ходовой» на языке старожилов) рыбы, идущей в верховья или в низовья. К «проходной» рыбе относились товарные сорта. Задача артельщиков состояла в том, чтобы не упустить «ход» рыбы на закрепленном за ними песке. Ее первые косяки назывались «передовыми», например, «передовой сельдью» – при летнем лове на Северной Сосьве и ее притоках знаменитой сельди (тугуна) [см.: 3, с. 451-452]. Так, лов в нижнем течение Оби (середина XIX в.) зависел от миграции рыбы. В конце мая – при вскрытии Оби – вверх шел вначале сырок (подходил к Березову через две недели), через сутки или трое подходила нельма, на пятые сутки – муксун и осетр, затем следовали щокур, пыжьян, сельдь и налим, рыба расходилась по притокам и сорам [1, с. 409].

Рыба обрабатывалась на месте лова, ее вялили, сушили и солили. Ценилась сосьвинская сельдь, зимующая в верховьях рек Ляпин, Северная Сосьва и спускающаяся весной вниз по течению до Оби; ее ловили, когда она при спаде воды возвращалась к верховьям [10, с. 268]. Засолка сельди производилась на станах. За пуд приготовленной сельди артели уплачивалось 60 коп., пуд сельди с посудой продавался в Березове по 2,5 руб., а в Тобольске по 3,5 руб. [Цит. по: 6]. Товарную рыбу (муксуна, сырка, нельму, осетра) солили в больших чанах, мелкую в сорокаведерных бочках (Березовский округ, середина XIX в.) [1, с. 410]. Соленая рыба подразделялась на малосоленую и соленую-стоповую [13, с. 11]. «Стоповой» рыба называлась из-за способа промысловой крепкой засолки и транспортировки. Просолившуюся рыбу промывали, в сараях складывали в «стопы», затем отгружали на суда [1, с. 410]. Исследователи обь-иртышских рыбных промыслов 2-й половины XIX в. отмечают примитивные способы обработки и заготовки рыбы. О рыбных консервах старожилы края узнали на рубеже XIX-XX вв. Первая рыбная школа «по приготовлению разных рыбных продуктов» создана в марте 1897 г. в с. Самарово по инициативе В.Т. Земцова. Продолжением начинания становится первая консервная фабрика, открытая в 1898 г. (в 110 верстах ниже Березова, на песке Питлярском) торговым домом «Михаил Плотников и сыновья».

Орудия и приемы лова (неводы, сети, перемёты, морды, запоры) зависели от сезона и вида угодий. Лов весной и в начале лета назывался «соровым» (по месту лова), летне-осенний – неводным, зимний (юровой) был неводным, но в основном «самоловным», когда использовались снасти-самоловы. Только русские применяли донные переметы – самоловные снасти; автохтоны издревле «запирали» реку, расставляя в ее центре верши – «гимги» [см.: 1, с. 409]. (Переметы и гимги, применявшиеся рыбопромышленниками, наносили ощутимый вред рыбным запасам, они запрещались во 2-й половине XIX в.) Русские предпочитали неводный лов, особенно в летне-осенний сезон. При летнем лове большими неводами рыбаки на легких лодках, управляемых с помощью двухлопастного весла, глушили рыбу колотушкой и изымали ее крючками в корзину для улова [5, с. 178]. Осенью возвращающейся в океан рыбе перегораживали путь «запорами», которые часто устанавливались между Березовым и Обдорском. Речная вода в ноябре-декабре «загоралась» (портилась), рыба из мелких рек плыла в крупные, где ее и вылавливали.

Добывалась она «чердачным» промыслом. Русло реки перекрывалось косыми заборами из жердей и хвороста, в середине устанавливалась мешкообразная сеть с прикрепленными к ней веревками. Днем и ночью сеть посменно караулили, периодически изымая оказавшуюся в ловушке рыбу [13, с. 11; 11, с. 12]. Осеннюю товарную рыбу пускали в садки, по заморозкам ее изымали и отправляли гужевым транспортом на юг [5, с. 178, 186]. В ноябре-декабре вначале «мяли дорогу» – прокладывали путь к промыслу и обустроивались, затем приступали к лову, продолжая его до января [11, с. 7]. Зимой рыбу промыслили в ямах, где она скапливалась, вытаскивали из-под льда неводами, мордами, самоловами с крючками [12, с. 3; 5, с. 178].

Рыбный лов был частью традиционного промысла русских старожилов Обь-Иртышского Севера. В добывающем хозяйстве интегрировались ранее приобретенный промысловый опыт (прежде всего Русского Севера, Поморья) и локально развитые формы промысловых занятий, в которых объединялись знания, технологии русских рыбаков и потомственных рыболовов-автохтонов. После революции 1917 г. угодья становятся собственностью государства. В 1920-30-х гг. изменился сам тип хозяйственной жизни. О характере этих изменений довольно точно высказалась Е.Н. Орлова: на промыслы в 1930-50-х гг. «выходит не вся семья, а колхозная бригада» [10, с. 270].

Примечание

1. Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки Императорского русского географического общества, 1857. – СПб., 1857. – Кн. 12. – С. 329-448.

2. Богордаева А.А., Повод Н.А. Село Селиярово Ханты-Мансийского района: современная этнокультурная ситуация // Космос Севера / ред.-сост. О. Лагунова. Вып. 3. – Екатеринбург, 2002. – С. 171-185.

3. Дмитриев-Садовников Г. Экскурсия по р. Сосве и др. в 1919 году: дневник экспедиции // Фальшивый Лукич: избранное (1998-2002). – Тюмень, 2003. – С. 421-456.

4. Дунин-Горкавич А.А. Справочная книга Тобольской губернии: прил. к карте Тобольской губернии. – Тобольск, 1904.

5. Западная Сибирь. Губерния Тобольская и Томская / сост. М. Петров. – М., 1908.

6. Карих Е.В. Процессы этнокультурного взаимодействия в ходе хозяйственного освоения Тобольского Севера в XIX – начале XX в. // Режим доступа: <http://history.nsc.ru/kapital/project/kotel/011.html>

7. Карцов В.Г. Очерк истории Северо-Западной Сибири. – М., 1937.

8. Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. – Тюмень, 1997.

9. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в.: историко-этнографический очерк. – Новосибирск, 1975.

10. Орлова Е. Там, где протекает Обь. 2-е изд. – Новосибирск, 1954.

11. Патканов С.К. По «Демьянке»: бытовой и экономический очерк // Отг. Зап. Западно-Сибирского отделения географического общества за 1894 г. Кн. 16. Вып. 2, 3. – Омск, 1894. – С. 1-64.

12. Скалзубов Н. От Тобольска до Обдорска: из путевого журнала // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1906. – Вып. XVI. – С. 1-18.

13. Сургутский район Тобольского округа: геогр. и стат. описание / сост. С.А. Куклин. – Тобольск, 1925.

14. Швецов С.П. Очерк Сургутского края. – Омск, 1888.

МОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ П.П. КРУЗЕНШТЕРНА 1862 ГОДА В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ

*Зайцев Г.С., к.и.н., ведущий научный сотрудник сектора филологии
Института гуманитарных исследований ТюмГУ
Евсеев В.Н., д.филол.н., профессор ТюмГУ*

В 2012 г. исполняется 150 лет событиям морской экспедиции П.П. Крузенштерна на шхуне «Ермак» (1862), являющейся одной из наименее изученных страниц в истории освоения Арктики.

В 1862 г. Павел Иванович Крузенштерн обратился в Морское министерство с просьбой о помощи в организации экспедиции в Карское море. Целью экспедиции были гидрографические исследования и выяснение возможностей достижения устья реки Енисей. Необходимость данной экспедиции мотивировалась требованиями развития судоходства для обеспечения товарообмена между Сибирью и Европой. Помощь была оказана, а начальником экспедиции назначен сын П.И. Крузенштерна – Павел Павлович Крузенштерн, внук Ивана Федоровича Крузенштерна – первого русского мореплавателя, совершившего кругосветное путешествие.

Династия Крузенштернов много сделала по исследованию и открытию Северного морского пути. Павел Иванович с сыном Павлом на собственной шхуне «Ермак» в 1849-1850 гг. дважды пробовал пройти из Онежской губы Белого моря в Карское море, пытаясь найти путь из Европы к устью Енисея. Такая же цель в 1862 г. стояла и перед П.П. Крузенштерном (1834-1871). Морская экспедиция 1862 г. готовилась при материальной поддержке М.К. Сидорова – крупного мецената, купца, промышленника. Преследовались цели исследования Сибири и Русского Севера, развития там промышленности и торговли, ознакомления России, Европы с богатствами этих регионов. Другими задачами были открытие морского пути через Карское море в устья рек Обь и Енисей, развитие мореходства на Мурманском берегу, по Северному Ледовитому океану и рекам, в него впадающим. Известно, что на эти цели М.К. Сидоров потратил с 1852 по 1882 г. около 1,7 млн. рублей.

1 августа 1862 года два судна – шхуна «Ермак» (150 тонн) и полупалубный норвежский бот-яхта «Эмбрио» (17 тонн) – отошли от деревни Куя на Печоре и направились на северо-восток. (Шхуна «Ермак» была построена на личные средства П.И. Крузенштерна, для этой цели он продал собственное имение в Прибалтике.). Условия для морской экспедиции были крайне неблагоприятными: штормы, туманы, скопление льда в Югорском Шаре препятствовали пути в Карское море. Через полмесяца, переживая штормы и туманы, преодолевая течения и скопления льда, путешественники добрались до Карского моря. Море было забито льдом, затем пал туман. Поэтому дальнейшее движение в основном продолжалось по воле течения и ветра. Шхуна «Ермак» попала в ледовый плен, яхта «Эмбрио» смогла вырваться и вернуться обратно. (Яхта «Эмбрио» вернулась к устью Печоры 15 ноября. Ее командир, унтер-офицер Короткий, сообщил, что «Ермак» был затерт среди льдов в Карском

море. После того как упал густой туман, «Ермак» исчез в неизвестном направлении. Команда яхты ждала шхуну у Югорского шара две недели.)

«Ермак» же тем временем дрейфовал в ледовых тисках к Ямалу. Начались морозы, шквальные ветры, снегопады. Оказавшись в дрейфе среди торосов, ледовых подвижек, шхуна получила вмятины и пробоины, имела крен на левый и правый борта. П.П. Крузенштерн понимал, что в случае гибели судна перезимовать команде на льду не удастся. Мореплаватели, со дня на день ожидавшие гибели шхуны, вынесли продовольствие и походное снаряжение на лед. 9 сентября принято решение оставить погибающую шхуну и, взяв все необходимое, двинуться к берегу. Волочить по льду шлюпку было невозможно, путешественники бросили ее, взвалив поклажу себе на плечи. Добраться до берега по подвижному льду удалось только через неделю изнурительного, связанного с постоянными опасностями, пути. Часто меняющийся ветер то подгонял льды к берегу, то уносил их в открытое море. 16 сентября, когда юго-западным ветром лед сплотило, команда шхуны совершила изматывающий марш-бросок и достигла, наконец, полуострова Ямал. Последние несколько сот метров чистой воды члены команды пересекали на небольших льдинах. Изнуренные походом, холодом, мокрые, они только с рассветом сумели развести костер и обсушиться.

В дальнейшем спасение команды шхуны «Ермак» оказалось в руках ямальских ненцев. В книге Ф. Студитского «История открытия морского пути из Европы в Сибирские реки и до Берингова пролива» отмечается: «Около места выхода на берег находилась самоедская стоянка, и обитатели чумов ласково приняли потерпевших кораблекрушение, оттуда они в нартах на оленях переехали в Обдорск» [см.: 5]. Экспедиция потерпела неудачу, но нас интересует, почему личные документы П.П. Крузенштерна оказались у рода Серотетто? Куда конкретно вышла команда?

В немногочисленных архивных материалах и литературе имеются скудные сведения о героическом спасении команды П.П. Крузенштерна. В фондах Ямальского районного музея хранятся 10 документов, которые относятся к экспедиции П.П. Крузенштерна на шхуне «Ермак» в 1862 г. Документы обнаружены и собраны Г.С. Зайцевым в ходе полевых обследований тундровых ненцев, ведущих кочевой образ жизни. Среди этих документов имеется и личный документ П.П. Крузенштерна о его чинопроизводстве [4].

Именно ямальские оленеводы приняли непосредственное участие в спасении команды шхуны «Ермак». Полевые исследования позволили выяснить, что спас команду богатый оленевод Сейч Сэротэтто. Его потомки хранили уникальные документы об этой экспедиции более 130 лет, в 1992 г. документы приобрел Ямальский районный музей [3]. В семье передавали и рассказ об этой экспедиции. В числе документов имеется документ (пергамент) подтверждающий, что мичману П. Крузенштерну присвоено звание лейтенанта флота Его Императорского Величества Александра II. Почему этот документ оставлен оленеводам, можно только предполагать. По-видимому, П.П. Крузенштерн оставил его ненцу с тем, чтобы этому человеку обдорские чиновники верили, что именно он спас команду «Ермака», которую он кормил

мясом своих оленей. Второй документ – свидетельство о награждении С. Сэротэтто серебряной медалью «За Усердие» для ношения в петлице на ленте Ордена Святого Станислава и почетным кафтаном из Кабинета Его Императорского Величества. В других документах сведений об экспедиции нет, но в шкатулке находились портреты Императора Александра II и его жены. Портреты были переданы в качестве награды за доброе дело.

По рассказам потомков Сейча Сэротэтто вырисовывается следующая картина: «Чужие люди появились с ночной стороны (западной) стороны. Их было человек 40. Старший спросил, знают ли они, где Обдорск, и смогут ли проводить их. Сейч ответил, что знают и по крепкому льду их проводят туда. Жили они больше 3-х месяцев, скормили им 250 оленей» [1]. На запрос в 1990 г. Центральный Госархив ВМФ СССР ответил, что команда состояла из 30 человек [1]. По архивным данным, экипаж оставил шхуну 7 сентября, а 16 сентября достиг земли. Члены команды жили у Сейча с середины сентября и до ноября-декабря 1862 г. Сэротэтто Владимир Тангович (прямой потомок Сейча Сэротэтто, 1960 г. рождения, умер в марте 2007 г.) рассказал следующее: «У Сейча жена была крещенной, знала русский язык, так как воспитывалась у попа» [2]. Предполагаем, что жена Сейча была родом из большеземельских ненцев, крещеных, в большинстве знавших русский язык (в отличие от ямальских ненцев), и вопрос с общением русских и ненцев был как-то решен.

Команда шхуны «Ермак» вышла на остров Литке – земли рода Сэротэто. Семья ненца Сейча Сэротетто несколько месяцев содержала и кормила команду шхуны. Затем, по крепкому льду, проводник (Паднана, младший брат С. Сэротетто) вывел людей к Обдорску. Паднана Сэротэтто долго не возвращался в стойбище. В семье думали, что он умер, но через 3 года его привезли прямо к стойбищу. Паднана рассказал, что был в самом большом городе, по-видимому, в губернском городе Тобольске или в Екатеринбурге, возможно, в Санкт-Петербурге. Сейчу привез медаль и кафтан, документ о награждении, что давало право собирать ясак, разбирать жалобы и т.п. Ненцы говорили про него, что он «тундровой царь» [1]. Паднана Сэротэтто же выучился русскому языку, мог даже писать. О том, что Сейча стал обладать высоким статусом, подтверждает документ – прошение к Обдорскому участковому заседателю. Вместо подписи стоит родовое клеймо (тамга) Сейча. Имеется и ответ – приказ на это прошение [4]. Есть еще один документ, требующий исследований. В Тобольском музее находится расписка о выдаче самоеду Александру Худи 31 рубля серебром за доставку команды потерпевшей крушение шхуны «Ермак», заверенной гербовой печатью Павла Крузенштерна. Но в родовых преданиях потомков Сейча Сэротетто Александр Худи не упоминается.

Позднее, через 12-14 лет Сейчу были переданы 3 портрета: Императора Александра II, его жены Марии Александровны и ее портрет в молодости. На портретах стоит год изготовления – 1874, это позволило и определить время их передачи. Царские портреты дарили ограниченному контингенту людей и редко, такое дарение считалось значительным событием и большой наградой. Портреты хранились в шкатулке вместе с документами П.П. Крузенштерна и свидетельством о награде Сейча Сэротетто, следовательно, они были связаны

одним событием. Потомки Сейча Сэротетто бережно хранят предания о событиях по спасению членов шхуны «Ермак».

Специфические условия и события морской экспедиции Крузенштерна – значительная, но до сих пор малоизученная страница истории трудного и длительного освоения морских путей по Северному Ледовитому океану. Столь же значительной представляется и история спасения команды шхуны «Ермак», ее самостоятельные действия в экстремальных условиях и практическая помощь в ее спасении, оказанная ямальскими ненцами.

Примечание

1. Головнев А.В., Зайцев Г.С. История Ямала. – Тобольск; Яр-Сале, 1992.
2. Зайцев Г.С. По следам экспедиции П. Крузенштерна к полуострову Ямал в 1862 г. (по полевым материалам и документам из фондов Ямальского районного музея) // Реальность этноса: материалы IV межд. научно-практ. конф. – СПб., 2002. – С. 559-562.
3. Край земли, устремленный в будущее. – Яр-Сале, СПб., 2005.
4. Музейный компас Сибири: ЯНАО: справочник. – Барнаул, 2005.
5. Студитский Ф. История открытия морского пути из Европы в сибирские реки и до Берингова пролива. – СПб., 1883. Ч. 1.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Ищенко О.В., д.и.н., доцент, Сургутский государственный университет

Модернизационные процессы, происходившие в России во второй половине XIX – начале XX вв., существенно трансформировали общество, способствуя изменению основных направлений государственной политики в области развития образования. Однако изменения в структуре общества происходили быстрее, чем власть успевала на них реагировать, отсюда заметные колебания правительственного курса, выражавшиеся в смене реформаторского курса консервативным. Расширение доступа к образованию всех слоев населения в период реформ 1860-1870-х гг. сменилось возвратом к сословному принципу получения образования в годы контрреформ. Но, как показал исследователь Б.Н. Миронов, в XIX в. успешная карьера человека определялась, в первую очередь, уровнем образования, а не сословной принадлежностью. В пореформенный период еще большую роль в жизненном успехе стали играть образование, богатство и социальная активность [1]. Следовательно, система образования в России развивалась на стыке противоречий между потребностью в модернизации экономики страны и консервативными усилиями власти, направленными на сохранение традиционной структуры общества.

В то же время вовлечение в общественное производство женского труда потребовало усиления внимания к вопросам развития женского образования. Но идея о необходимости предоставления возможности обучения девочкам с трудом пробивала себе дорогу в модернизирующемся обществе. Традиционный

подход к женщине как хранительнице домашнего очага, основной заботой которой являлось воспитание детей в семье, не мог быть изменен в относительно непродолжительный пореформенный период. Сохранение же сословного подхода в вопросе о возможности получения образования девочками было одним из принципов правительственной политики. Так, императрица Мария Федоровна, в чьем ведении находились так называемые Мариинские женские учебные заведения, считала возможным обучение только дворянок, поскольку «приобретение талантов и приятных для общества искусств, которое существенно для благородной девицы, становится не только вредным, но и пагубным для мещанки, т. к. ставит ее вне своего круга» [2].

Однако в конце 60-х гг. XIX в. образованной интеллигенцией активно обсуждалась необходимая перестройка системы женского образования и воспитания. Известные педагоги-общественники (К. Д. Ушинский, В. И. Водовозов, Е. П. Бурнашева и др.) выступали за открытую систему женского образования. Главной бедой многие называли сословность женских учебных заведений. Дочери крестьян и ремесленников могли получить, в лучшем случае, начальное образование, а дети дворян учились либо дома, либо в частных пансионатах, или закрытых институтах [2]. В Сибири в середине XIX в. действовало только одно среднее учебное заведение такого типа для женщин – Девичий институт Восточной Сибири, открытый в Иркутске в 1845 г. [3].

Ограничение доступа женщин к образованию приводило к тому, что значительная часть из них оставались элементарно неграмотными. Так, в начале 80-х гг. директор Тобольских училищ, суммируя итоги по отчетам о школьных ревизиях, заключал, что крестьяне почти повсеместно чувствуют потребность и желание обучать своих детей не только мужского, но и женского пола. Однако еще в начале XX в. в Сибири неграмотных сельских женщин насчитывалось в большинстве районов до 97 % [2].

Период реформ 1860-1870-х гг. способствовал увеличению количества образовательных заведений в крае. Согласно новому Уставу гимназий и прогимназий каждый губернский или областной город должен был иметь по крайней мере одну мужскую гимназию. Заметные изменения во второй половине XIX в. произошли и в области среднего женского образования. В 1858 г. император Александр II указывал: «Лица среднего сословия в губернских и уездных городах лишены средств дать дочерям своим необходимое образование... Между тем от этого, без сомнения, зависит как развитие правильных понятий в обязанностях каждого, так и всевозможные улучшения семейных нравов и вообще всей гражданственности, на которые женщина имеет столь сильное влияние». Императором был сделан вывод о том, что нужно открыть школы для женщин в губернских и уездных городах [4].

В 1860 г. было принято Положение о женских училищах и женских гимназиях ведомства Министерства народного просвещения. В единственном на всю Сибирь Иркутском Девичьем институте обучалось относительно небольшое количество дочерей представителей высших сословий, поэтому он не мог удовлетворить возросшие потребности сибирского общества в женском

образовании. Идея создания новых средних общеобразовательных женских учебных заведений во многих городах Сибири была поддержана местными властями и общественностью. Например, в Иркутске на эти цели городское общество выделило 2 тыс. руб. и еще около 2 400 руб. было собрано по подписке. В результате в 1860 г. в Иркутске было открыто первое в Восточной Сибири общеобразовательное девичье училище [4]. В 1870 г., согласно новому «Положению о женских гимназиях и прогимназиях», женские училища 1 разряда преобразовывались в гимназии, 2-го разряда – в прогимназии. На этом основании Попечительский Совет Иркутского женского училища пришел к выводу о необходимости преобразования училища сразу в гимназию с дополнительным педагогическим классом. Временно училище было преобразовано в прогимназию, а в 1871 г. – в Иркутскую женскую гимназию. Число учащихся в ней быстро нарастало, поэтому в старшем звене обучения были введены параллельные классы, а в младшем звене прием новых учениц периодически был закрыт. В 1879 г. из-за переполнения женской гимназии в Иркутске была открыта женская прогимназия [3]. В 1869 г. в Красноярске было открыто женское училище, в следующем году преобразованное в женскую прогимназию, а в 1878 г. – в женскую гимназию [5]. Одновременно в Енисейской губернии женские прогимназии были открыты в Енисейске (1872 г.), Минусинске (1880 г.), Ачинске (1885 г.) [6]. В 1882 г. открыта Якутская женская прогимназия [7]. В Забайкальской области женские прогимназии были открыты в Чите, Верхнеудинске, Нерчинске, Троицкосавске [8].

Не менее интенсивно в пореформенный период шел процесс открытия женских общеобразовательных учебных заведений в Западной Сибири. При финансовой поддержке томского коммерсанта Попова женские гимназии были учреждены в Томске и Омске [9]. В Омске в 1858 г. первоначально была основана женская школа. В 1861 г. она была преобразована в женское училище 2-го разряда, а в 1863 г. – в Омскую женскую гимназию почетных граждан Поповых. 1 июля 1877 г. была открыта Омская 4-х классная прогимназия [10]. В Томской губернии, кроме женской гимназии в губернском центре, были открыты женские прогимназии в Каинске, Бийске, Барнауле [11]. В Тобольской губернии в 1858 г. была открыта Мариинская женская школа с правами женской гимназии в Тобольске, а в Кургане, Ялуторовске, Таре, Ишиме, Туринске начали функционировать женские прогимназии [12].

В целом, в пореформенный период развитие женского образования в России делало значительные успехи. Американский историк М. Раефф отмечал, что уже в 1881 г. в России около 45 % учащихся средних учебных заведений были девушками – «пропорция, превзойденная только в Соединенных Штатах». В Омске, например, в 1895 г. из 2725 учащихся 980, или 36 %, были девочками [13]. Всего же к 1895 г. в Западной Сибири насчитывалось 3 женские гимназии и 12 прогимназий, в Восточной Сибири (вместе с Приамурским краем) – 7 гимназий и 9 прогимназий [14]. Столь заметное увеличение количества женских учебных заведений в крае был связано, с одной стороны, с изменением правительственного курса в области женского общего образования, с другой стороны, с поддержкой этих изменений самим сибирским обществом,

оказывавшим новым учебным заведениям значительную финансовую поддержку. Таким образом, можно согласиться с мнением исследователя В.Р. Лейкиной-Свирской о том, что женское образование в России было в основном «вверено» правительством «обществу, сословиям и частным лицам» [15].

В начале XX в. с проведением в Сибирь железной дороги, ростом переселенческого движения и ускорением промышленного развития края, количество женских общеобразовательных учебных заведений в крае продолжало расти. С 1895 по 1914 гг. общее число средних женских учебных заведений ведомства министерства народного просвещения в Сибири выросло с 24 до 50, т.е. в 2,8 раза, а число учащихся в них с 3,8 до 17,7 тыс., т.е. в 4,7 раза [14]. Например, даже в уездном городе Барнауле к 1917 г. было 3 женских прогимназии и 1 гимназия. В 1906 г. в Барнауле среди учащихся начальных школ девочки составляли 35,3 %, а к 1914 г. уже 51,9 %. В Томске в 1908 г. в 98 учебных заведениях обучалось 13396 учащихся, из которых 5226 (39 %) были женского пола [13]. В Енисейской губернии в 1915 г. действовало 2 мужские гимназии с 753 учащимися и 7 женских гимназий и прогимназий с 2602 учащимися, т.е. соотношение юношей и девушек, получавших гимназическое образование составляло 23 % к 77 % [16]. В Западной Сибири в 1909 г. действовало 9 казенных женских гимназий с 4122 учащимися, 5 прогимназий и несколько средних частных учебных заведений. В 1913 г. – 18 государственных и частных женских гимназий. В 1916 г. – 16 государственных женских гимназий с 7018 учащимися, 5 прогимназий, 2 частных женских средних учебных заведения и 5 частных средних учебных заведений для детей обоего пола [17, 18, 19]. Женских гимназий в Сибири было больше, чем мужских, т.к. для мальчиков существовали и другие типы средних учебных заведений (например, реальные училища), а подобные женские учебные заведения практически отсутствовали.

Важной особенностью процесса развития сети учебных заведений в Сибири начала XX в. стало то, что значительная их часть была открыта частными лицами с привлечением средств общественности. За период с 1902 по 1917 гг. в Западно-Сибирском учебном округе было открыто около 15 частных учебных заведений первого разряда, многие из которых приобрели впоследствии статус частных гимназий. Большинство частных гимназий учреждалось для обучения девочек, что было связано с отсутствием должного внимания к женскому образованию со стороны правительства. Тем не менее, при открытии женских средних школ препятствий было меньше, чем при открытии мужских.

Первым частным женским средним учебным заведением в Западной Сибири стала томская гимназия О.В. Миркович (1902 г.) Но лидером по числу частных учебных заведений с гимназическим курсом в крае являлся Омск. В течение всего нескольких лет в Омске были открыты частная женская гимназия М.П. Эйнартович (1907 г.), частная гимназия для детей обоего пола М.В. Каешь (1914 г.), частная гимназия для детей обоего пола Н.Ф. Шанской (1914 г.) [20].

В Восточной Сибири, как и ранее, наибольшая поддержка общественности в деле развития образования оказывалась в Иркутске. На рубеже XIX-XX вв.

здесь были открыты частная женская прогимназия О.Г. Беляевой (1894 г.), частная женская гимназия А.М. Григорьевой (1905 г.), прогимназия для детей обоего пола М.В. Гайдук (1908 г.), частное женское училище 2-го разряда С.Е. Детьшевой (открыто в 1906 г., в 1907 г. преобразовано в частное учебное заведение с правами женских гимназий), частное женское учебное заведение 1-го разряда М.И. Смирновой [4].

Тем не менее, изменения правительственной политики в области женского общего образования в гораздо меньшей степени затронули образование профессиональное. Предполагалось, что получение девушками гимназического образования даст им возможность впоследствии разумно воспитывать собственных детей, а окончание дополнительного (педагогического) 8-го класса позволяло им работать в качестве домашних учительниц. Таким образом, правительство оставляло женщинам право быть задействованными в традиционной образовательно-воспитательной сфере, прежде всего, на уровне семьи. Преимущественная поддержка благотворителями общеобразовательных женских учебных заведений была также обусловлена господствовавшими в обществе взглядами на девочку, как на будущую мать и домохозяйку. Гораздо сложнее пробивала себе дорогу идея о возможности подготовки девушек к профессиональной деятельности. Но необходимость оказания врачебной помощи женщинам при родовспоможении вызвала к жизни открытие первых в крае средних женских медицинских учебных заведений: фельдшерско-акушерских школ в Иркутске и Тобольске.

Развитие сети образовательных заведений в крае остро выявило проблему нехватки квалифицированных педагогических кадров. Поскольку назначение учителей в Сибирь из Центральной России было связано с большими затратами для казны, министерство народного просвещения сочло целесообразным развить систему подготовки педагогического персонала непосредственно на территории края. Поэтому в начале XX в. к имевшимся в Сибири учительским семинариям в Омске, Иркутске, Красноярске и Чите добавились семинарии в с. Павловском Томской губернии, Тобольске, Барнауле, Красноярске, Минусинске, Нижнеудинске, Якутске. Но ни одно из этих заведений не готовило профессиональные кадры для постепенно развивавшегося в стране женского образования. Поэтому в июле 1907 г. министерство народного просвещения предложило попечителю Западно-Сибирского округа возбудить ходатайство об открытии женской учительской семинарии в Тобольской губернии [21]. Основное влияние на это решение оказало мнение императора Николая II, который при изучении отчета о состоянии Приамурского генерал-губернаторства рядом со словами «на ближайшую очередь должно быть поставлено открытие учительской семинарии в Приамурской области» сделал приписку – «не мужскую учительскую семинарию, а женскую. Полезно было бы и в Европейской России часть мужских семинарий преобразовать в женские. Принять это к исполнению» [22]. В результате в Ялуторовске в 1910 г. была открыта первая женская учительская семинария в Сибири, на содержание которой значительную часть средств ежегодно выделяло губернское правление.

Существенная финансовая поддержка со стороны местных властей, общественности и частных благотворителей была характерна и для других учебных заведений региона. В Тюмени, например, на содержание местной женской прогимназии в конце XIX в. городская казна выделяла 300 руб. в год. Остальные средства прогимназия получала благодаря взносам членов попечительского совета, в число которых входили в разное время представительницы самых влиятельных и именитых тюменских фамилий: супруга купца 1 гильдии М.Д. Колокольникова, жена директора Александровского реального училища Е.С. Словцова и др. С преобразованием прогимназии в женскую гимназию расходы на ее содержание возросли. Но если в 1908 г. Тюменская женская гимназия получила от министерства народного просвещения 2000 руб., то от Тюменской городской управы ей было выделено в 3,5 раза больше – 7210,8 руб. Преобладание местного финансирования прослеживается и на примере Ишимской женской прогимназии, на содержание которой в 1909 г. от министерства народного просвещения было получено 1000 руб., а от Ишимской городской управы и городской думы – 1670 руб. [23] Таким образом, государство в конце XIX – начале XX вв. значительно расширило возможности получения женщинами общего образования и допустило женщин в ряд средних и низших профессиональных учебных заведений, переложив, одновременно, многие вопросы их материального обеспечения на плечи самого общества.

Еще сложнее пробивала себе дорогу идея высшего женского профессионального образования даже в традиционных сферах – педагогике и медицине. Вузы Российской империи были предназначены исключительно для студентов-мужчин. Уже в период реформ 60-70-х гг. XIX в. прогрессивная общественность выступала с предложением допустить женщин в университеты, но уступки самодержавной власти в этом вопросе были минимальны. К концу XIX века в России действовали лишь единичные высшие женские учебные заведения в столичных городах, причем создавались они исключительно по инициативе и на средства общественности. Активное участие курсисток в студенческом движении вызвало правительственный указ от 12 мая 1886 г. о запрещении приема на все высшие женские курсы и большинство из них их было закрыто. Новое развитие сети высших женских курсов совпало с общественным подъемом начала 1900-х гг.

Развернувшаяся в стране широкая общественная кампания за женское равноправие в области высшего образования способствовала тому, что в начале XX в. этот вопрос все более активно стал подниматься и в Сибири. К этому времени в крае действовало уже более 50 женских гимназий и прогимназий. Многие из выпускниц женских учебных заведений, не находя возможности получить высшее образование в Сибири, хотя там уже действовали два вуза: Томский университет и Томский технологический институт, вынуждены были уезжать в Петербург, Москву, другие города Европейской России и даже за рубеж. В этой связи воспитанницы Томской Мариинской женской гимназии писали в Совет Томского технологического института: «Жизнь давным-давно опровергла доводы противников совместного обучения мужчин и женщин.

Сибирские гимназии переполнены. Число оканчивающих курс и жаждущих высшего образования с каждым годом увеличивается, но доступ к последнему возможен лишь для немногих счастливиц. Высших женских учебных заведений мало, да и те переполнены; для сибирской женщины попасть в них еще труднее... за отдаленностью их от Сибири. Многие сибирячки, гонимые жаждой знания, уезжают за границу даже из того самого города, в котором два высших учебных заведения, далеко не занимаемых студентами и все-таки недоступных для женщин» [24].

В 1904 г. среди томской интеллигенции возникла идея о необходимости создания инициативного комитета, который бы постоянно пропагандировал среди общественности вопросы женского образования. Деятельность комитета встретила сочувственное отношение у ректора местного университета В.В. Сапожникова. Опираясь на мнение общественности, он поставил перед Министерством народного просвещения вопрос о приеме на учебу в Томский университет женщин, что вполне соответствовало постановлениям, выносившимся в университетах Европейской России. За допуск женщин в число студентов выступал и Совет Томского технологического института.

Решающим событием в истории высшего женского образования в России стала революция 1905-1907 гг., во время которой «женский вопрос» либерально-демократической общественностью был поставлен в один ряд с насущными политическими требованиями. В условиях нарастания революционного движения правительство вынуждено было пойти на уступки, допустив женщин в высшие учебные заведения в качестве вольнослушательниц. На этом основании около 300 девушек было принято в Томский университет и Томский технологический институт. Но 4 сентября 1908 г. Совет министров постановил не допускать женщин в университеты, только бывшим вольнослушательницам разрешалось дослушать курсы, которые профессорам предлагалось дочитать «в свободное от занятий время и отдельно от студентов» [25]. Поэтому в 1909/1910 г. 2 слушательницы было в Томском технологическом институте, в 1910/1911г. – 154 слушательницы в Томском университете.

В ответ на фактическое изгнание женщин из государственных вузов, по всей России стали создаваться общественные и частные женские высшие учебные заведения. Проводником правительственной политики в Сибири был попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев, выступавший против допуска женщин в высшую школу. Но, несмотря на его противодействие, передовые преподаватели Томского университета и Томского технологического института продолжали искать пути для реализации в крае идеи высшего женского образования. В 1909 г. профессора В.В. Сапожников, И.А. Малиновский, М.Н. Соболев, В.Л. Некрасов и другие представители научно-педагогической общественности города выступили с предложением о создании в Томске высшего женского учебного заведения по типу Бестужевских курсов в Петербурге. Ими же было организовано «Общество для доставления средств Сибирским высшим женским курсам», которым были собраны пожертвования на сумму свыше 10 тыс. рублей, что позволило 26

октября 1910 г. открыть первые в Сибири общественные высшие женские курсы в составе отделения естественных наук. В 1914 г. к нему добавилось еще одно отделение – математическое. В 1910 г. на курсы было принято 80 слушательниц, в 1913 г. здесь обучалось уже 257 человек, а в 1916 г. – 440 [19].

Высшие женские курсы в Томске имели статус общественных, поэтому средства из казны не получали. Они содержались за счет платы слушательниц за обучение (125 руб. в год), ежегодного пособия от Общества для доставления средств курсам, пособия от города и частных пожертвований. Своего помещения курсы не имели, арендуя для лекций не вполне приспособленное помещение, а практические занятия проводились в лабораториях университета. В 1912 г. специальная комиссия при Министерстве народного просвещения отнесла Сибирские высшие женские курсы в числе других высших женских курсов к разряду университетских, что сделало их еще более популярными среди выпускниц средних учебных заведений. С января 1915 г. естественное отделение Сибирских курсов, и с января 1916 г. математическое отделение получили право допускать слушательниц к экзаменам в государственных испытательных комиссиях.

При этом нельзя утверждать, что идея женского высшего образования в начале XX в. уже прочно утвердилась в обществе. Сибирские женские высшие женские курсы, например, пользовались гораздо меньшей поддержкой частных благотворителей, поскольку многие представители богатого купечества, охотно поддерживавшие средние общеобразовательные женские учебные заведения, считали, что высшее образование противоречит традиционно сложившемуся месту женщины в обществе и семье. В 1910 г. с трибуны Госдумы известный черносотенец В.М. Пуришкевич обвинил студентов и курсисток в том, что, борясь за допуск женщин в высшие учебные заведения, они, тем самым, стремятся превратить их в «очаги разврата». Выступление Пуришкевича породило волну студенческих выступлений во всех вузовских центрах страны, но было выражением мнения консервативной части российского общества.

Однако в условиях промышленного подъема, когда основной поток абитуриентов-мужчин устремлялся в высшие технические учебные заведения, обойтись без привлечения женщин на медицинские, педагогические, гуманитарные специальности было уже невозможно, и правительство вынуждено было вновь пойти на расширение доступа женщин в уже имеющиеся вузы. Так, в связи с нехваткой специалистов, 9 февраля 1913 г. Совет министров разрешил допуск сибирских уроженок христианского вероисповедания на свободные вакансии медицинского факультета Томского университета. В 1915 г. ограничения по вероисповеданию были сняты.

В июне 1915 г. в связи с недобором студентов-мужчин в условиях первой мировой войны Совет министров принял предложение министра народного просвещения П.Н. Игнатьева о допуске женщин на отдельные факультеты некоторых университетов, в том числе и на юридический факультет Томского университета. В том же году в Томский университет разрешено было поступать слушательницам Сибирских высших женских курсов. В октябре 1915 г. 25 слушательниц было зачислено на третий курс университета с обязательством

выдержать испытания по двум предметам. С 1916 г. женщины по решению Особого совещания по реформе высшей технической школы были допущены при наличии свободных мест и в некоторые технические вузы. И все же, несмотря на расширение доступа женщин к образованию, их число в вузах оставалось относительно невелико. Например, на 1 января 1916 г. в Томском университете училось 185 девушек (15,5 % от общего числа обучавшихся) [26].

Таким образом, правительственная политика в области женского образования отражала традиционно сложившийся в обществе взгляд на женщину, как на хранительницу домашнего очага, что выразилось в расширении возможности получения девочками среднего общего образования для дальнейшего применения полученных знаний в семье и воспитании будущих детей. В то же время, происходившие в обществе изменения все больше и больше требовали вовлечения женщин в область профессиональной деятельности, но в этом отношении правительство проявляло известную двойственность, идя на уступки лишь в нескольких областях, переложив, одновременно, основные усилия по созданию женских профессиональных учебных заведений на плечи общественности.

Примечание

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) – СПб., 2000. – Т. 1. – С. 145.
2. Дегальцева Е. А. Женское движение в дореволюционной Сибири // Электронный журнал «Сибирская Заимка». № 7, 2002. URL: http://www.zaimka.ru/07_2002/degaltseva_women/
3. Краткий исторический очерк учебных заведений г. Иркутска. – Б/г., б/м. – С. 122.
4. Шинкарева А.П. Дорога в будущее. Путеводитель по школам Иркутска прошлого и настоящего, от века XVIII к веку XXI. – Иркутск, 2002. – С. 27, 32-34.
5. Бакай Н.Н. К 25-летию Красноярской женской гимназии (1869-1894 г.) – Красноярск, 1895.
6. Мешалкин П.Н. Женщины Красноярья. (На рубеже XIX - XX веков). – Красноярск, 2005. – С. 10-11.
7. Памятная книжка управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1902 г. – Иркутск, 1902.
8. Памятная книжка Забайкальской области на 1897 г. – Чита, 1897.
9. Образовательное дело в Азиатской России. – 1913. – Апрель-май.
10. Горелова Ю.Р. Из истории развития низшей и средней школы в Омске (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – Омск, 2005. – № 11. – С.236-242.
11. Памятная книжка Томской губернии 1885 года. – Томск, 1885.
12. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. – Тобольск, 1884.
13. Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири 2-й половины XIX – начала XX в. – Барнаул, 2002. – С. 299.
14. История Сибири. Т. 3. – Л., 1968. – С. 368-369, 372.
15. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. – М., 1981. – С. 8.
16. Жолудев Д.Г. Краткая история школ Красноярского края (бывшей Енисейской губернии, 1861 – 1917 гг.) Автореф. дисс... канд. пед. наук. – Красноярск, 1959. – С. 107.
17. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1909 г. – Томск, 1909.
18. Омский вестник. – 1914. – 30 мая.
19. Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 г. – Томск, 1916.

20. Гач. О.Б. Развитие среднего образования в негосударственных учебных заведениях Западно-Сибирского учебного округа в начале XX века // История образования и просвещения в Сибири и Казахстане: Сборник научных статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 180-летию со дня рождения Л.Н. Толстого. – Омск, 2009. – С. 94-96.

21. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 2163. Л. 64, 68.

22. Толочко А.П., Ищенко О.В., Сковородина И.С. Развитие профессионального образования в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (опыт истории в контексте современности). – Омск, 2005. – С. 108.

23. Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. И-1. Оп. 1. Д. 513. Л. 2; Ф. И-58. Оп. 1. Д. 89. Л. 2-7; Д. 102. Л. 8-11; Ф. И-57. Оп. 1. Д. 1. Л. 76 об., 87.

24. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. – М., 1999. – С. 130.

25. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 515. Л. 12.

26. Саблин А.Д. Общее и педагогическое женское образование в дореволюционной Западной Сибири (XVIII – XX вв.). Автореф. дисс.... канд. пед. наук. – М., Горький, 1951. – С. 12.

ИССЛЕДОВАТЕЛИ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НАКАНУНЕ СОЗДАНИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕГО КОМПЛЕКСА

Камынин В.Д., д.и.н., профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)

В советское время суть социально-политических процессов в Северо-Западной Сибири во второй половине 1940 – первой половине 1960-х гг. историки сводили к деятельности партийных организаций по руководству различными сторонами экономической и общественно-политической жизни края. Выходили очерки истории партийных организаций края. По этому вопросу специально писали И.П. Захаров, Л.Е. Киселев, Д.И. Копылов, Г.А. Мазуренко, А.К. Омельчук, Ф.Я. Показаньев, Ю.П. Прибыльский, В.Ф. Ретунский и др. Для советской историографии было характерно подчеркивание преимуществ советского общественно-политического строя над капиталистическим. Целью авторов было доказать, что только советский общественный строй смог решить проблемы развития региона, в том числе, малых коренных народов Севера, поднять их уровень развития.

Уже в годы перестройки в исторической науке ситуация с освещением послевоенного периода стала существенно меняться. В то время историки и публицисты стали ставить те вопросы истории региона, которые являлись малоразработанными в советской историографии, вскрывать «белые пятна» в истории края периода первых послевоенных десятилетий. Достижением литературы периода перестройки стал интерес исследователей к изучению роли «человеческого фактора» в процессе освоения Крайнего Севера. Этой проблеме посвящались работы А.Н. Аверина, В.В. Алексеева, С.Ю. Андреева, Е.П. Антропова, Н.А. Гольдиной, В.А. Ламина и др.

Именно в те годы исследователи начали писать о роли принудительного труда в освоении Крайнего Севера. Ю.П. Прибыльский привлек внимание к различным категориям заключенных на Крайнем Севере. Публицисты и историки Р. Гольдберг, П. Колесников, А. Херсонский, В.А. Ламин привели некоторые данные об использовании труда заключенных на строительстве железной дороги Чум – Салехард – Игарка.

Современный период в изучении истории Северо-Западной Сибири двух послевоенных десятилетий характеризуется целым рядом черт, которые принципиально отличают его от советской и перестроечной историографии. Во-первых, исследователи рассматривают все без исключения вопросы истории этого периода. Во-вторых, для более всестороннего освещения этого периода они привлекают новые источники, многие из которых впервые были введены в научный оборот на рубеже XX – XXI столетий. В-третьих, современная историческая наука отличается многоконцептуальностью, что влияет на наличие различных оценок одних и тех же явлений и процессов в истории Северо-Западной Сибири. Эти новые черты в развитии историографии изучения края стали результатом не только тех изменений, которые произошли в современной исторической науке на рубеже XX – XXI столетий, но и того, что именно в последние годы история края стала объектом пристального изучения ученых. Функционирование Ямальского филиала Института истории и археологии УрО РАН, выпуск региональных энциклопедий, обобщающих работ по истории Югры и Ямала внесли новое качество в изучение истории Крайнего Севера.

Социально-политические процессы, происходившие в Северо-Западной Сибири в первые послевоенные десятилетия, в современной историографии освещаются в работах Т.И. Бакулиной, Е.П. Борисовой, Н.Б. Патрикеева, В.П. Петровой, Ю.П. Прибыльского, Г.П. Харючи и др. Исследователи по-разному подходят к трактовке общественно-политической ситуации в регионе.

Ряд исследователей традиционно рассматривают деятельность партийных организаций по руководству различными сторонами экономической и общественно-политической жизни края. В то же время следует признать, что они более дифференцированно, чем ранее, оценивают перевод населения Крайнего Севера на оседлый образ жизни. Часть историков указывает на то, что Советское государство попыталось избежать тех ошибок, которые были допущены в этом деле в период коллективизации. Другие авторы отмечают, что перевод на оседлость проводился в очень быстрые сроки, причиной чего были, кроме всего, непростые отношения, которые складывались в регионе в послевоенные годы между представителями властей и коренным населением Крайнего Севера. В.П. Петрова и Г.П. Харючи замечают, что «часть коренного населения, претерпев ломку традиционного образа жизни, не смогла в полной мере приспособиться к новой жизни в поселках и городах» [5, с. 128].

В связи с этим современные исследователи обращают внимание на наличие острых межнациональных отношений в регионе в послевоенные годы. Е.В. Мухина замечает, что партийные органы Ямала в начале 1950-х гг. вынуждены были признать наличие широких и недопустимых размеров обмана

и издевательств над национальным населением. Автор пишет: «В результате насилия некоторых «русских начальников» среди аборигенов были настроения против проникновения русских в тундру, против создания органов управления и государственных планов по добыче рыбы, развитию оленеводства и колхозного строительства» [4, с. 179]. А.С. Пиманов указывает на то, что особенно нетерпимыми были отношения между русским руководством в крае и спецпереселенцами из нерусских народностей [См.: 7, с. 132].

Много внимания исследователи уделяют изучению использования принудительного труда в экономике Крайнего Севера. В современной литературе содержатся данные о масштабах административной ссылки в Северо-Западной Сибири в послевоенный период, о складывании и функционировании пенитенциарной системы в этом регионе. По мнению Ф.Р. Усмановой, «становление самостоятельной системы мест лишения свободы начинается только в послевоенное время, после образования Тюменской области». Она указывает, что «с середины 40-х гг. сеть пенитенциарных учреждений Тюменской области расширяется, появляется Обский ИТЛ, воспитательная колония для несовершеннолетних преступников» [9, с. 19]. Е.В. Боркова отмечает, что «по-прежнему востребованными в регионе оставались как тюрьмы, исправительно-трудовые колонии, так и спецпоселки, число которых оставалось в данный период практически неизменным» [1, с. 15].

Е.В. Боркова, В.И. Бруль, В.Н. Галишников, Л.Ф. Гизатуллина, Н.И. Загороднюк, А.С. Пиманов, Е.А. Эйхельберг и др. посвятили свои работы анализу этнической депортации в Северо-Западную Сибирь. По подсчетам Н.И. Загороднюк, на 1 января 1953 г. в Тюменской области находилось 68 679 спецпереселенцев, в том числе 28 695 немцев, 10 364 калмыка, 3 479 человек из западных областей Украины и Белоруссии, 1 632 молдаванина (бессарабца) и т.д. [См.: 3, с. 143] А.С. Пиманов указывает, что из них 23 тыс. проживали на территории ХМАО и ЯНАО, в том числе в ХМАО - 14 360 человек [См.: 6, с. 276]. Е.В. Боркова выделяет в общей массе этнических заключенных такую категорию как трудмобилизованные, куда она включает представителей калмыцкой и немецкой национальностей, переведенных на спецпоселение в Северо-Западную Сибирь. Она пишет: «Особенность положения этой категории заключалась в том, что они, в зависимости от потребностей промышленных предприятий в дополнительных рабочих руках, либо переводились на стройки Урала, либо оставались на работах в рыбопромысловых и лесозаготовительных предприятиях региона» [1, с. 19].

Исследователи отмечают, что спецпоселенцы стали покидать Северо-Западную Сибирь лишь после XX съезда КПСС, когда началась компания по реабилитации невинно осужденных в период сталинского режима. По наблюдениям А.С. Пиманова, к 1 июля 1955 г. в ЯМАО и ХМАО оставалось 2255 немцев, а к 1956 г. – 1237, расселенных в Ярковском районе и в районах ХМАО [см.: 8, с. 139]. В.П. Петрова и Г.П. Харючи отмечают, что «освобождение ссыльных шло долго, лишь в 1956 г. им стали выдавать паспорта, и постепенно спецпереселенцы стали покидать северный край. Однако многие репрессированные, их дети и внуки остались жить в округе и по

праву считают Север своей Родиной» [5, с. 123]. По наблюдениям В.Н. Галишникова и А.С. Пиманова, «последним контингентом, освобожденным из ссылки в Ямало-Ненецком округе, стали немцы. Последних из них освободили в 1964 г. В этом же году все спецпереселенцы, находившиеся в округе, были сняты с учета спецпоселения» [2, с. 155].

Таким образом, современные историки проанализировали многие проблемы социально-политического развития Северо-Западной Сибири в послевоенные десятилетия. Анализ их работ позволяет представить, как выглядел бы регион, если бы не открытия нефти и газа, которые привели к созданию Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса.

Примечание

1. Боркова Е.В. Спецконтингент в Северо-Западной Сибири в 1930-е – начале 1950-х гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005.

2. Галишников В.Н., Пиманов А.С. Этническая ссылка в ЯНАО (1941-1964 гг.) // Тюменский исторический сборник, 2004. – Вып. VI.

3. Загороднюк Н.И. Депортация населения в Тюменский край // Великий подвиг народа. – Екатеринбург, 1995.

4. Мухина Е.В. Салехард в панораме российской истории: Очерки истории Салехарда. – Екатеринбург, 2006.

5. Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. – Томск, 1999.

6. Пиманов А.С. Депортация этническая // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. В 4 т. – Ханты-Мансийск, 2000. – Т. 1.

7. Пиманов А.С. Калмыцкая ссылка в Тюменской области (1943-1957 гг.) // Тюменский исторический сборник, 2002. – Вып. V.

8. Пиманов А.С. Немецкая ссылка в Тюменской области (1941-1955 гг.) // Налоги, инвестиции, капитал. – 2004. – № 5-6.

9. Усманова Ф.Р. История становления и развития советской пенитенциарной системы в Тюменском регионе (1918-1956 гг.): Автореф. дис... канд. ист. наук. – Тюмень, 2004.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ СЫРЬЕВОЙ И ПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ

Кирбетова Ж.С., старший преподаватель, Казахстанский университет «Алатау» (г. Алматы)

Экономический рост, базирующийся на развитой рыночной экономике с высоким уровнем иностранных инвестиций, названный Президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым в качестве одного из семи основных долгосрочных приоритетов развития Казахстана до 2030 года, является необходимым условием обеспечения экономической и продовольственной безопасности страны в условиях глобализации.

Для Казахстана весьма актуальна проблема укрепления национального суверенитета и территориальной целостности, формирования эффективно функционирующей системы национальной безопасности, включающей взаимосвязанные подсистемы военной, информационной, общественной,

демографической, энергетической, экологической, экономической и продовольственной безопасности.

В настоящее время, несмотря на увеличение физической доступности продовольствия, в связи с существенным ростом цен на сельскохозяйственное сырье и продукты его переработки произошло уменьшение его экономической доступности, потребление основных продуктов питания не соответствует физиологическим нормам, удельный вес импортного продовольствия в общем объеме потребления на 37 % превышает рекомендованный Продовольственной и сельскохозяйственной организацией ООН пороговый уровень продовольственной безопасности.

Повышение эффективности функционирования хозяйствующих субъектов АПК является одним из основных факторов удовлетворения потребности населения республики в качественных продуктах питания отечественного производства и обеспечения на этой основе национальной продовольственной безопасности.

Данные Агентства РК по статистике свидетельствуют о наличии значительной вариации душевого потребления пищевых продуктов, как по годам, так и по различным видам продовольствия. Структура потребления населением Казахстана пищевых продуктов является нерациональной. Большинство важнейших продуктов питания потребляется в значительно меньших количествах, чем это предусмотрено научно обоснованными нормами. Так, в 2007 г. фактическое потребление было меньше, чем предусмотрено нормами, по мясу и мясопродуктам – в 1,7 раза, молоку и молочным продуктам – в 1,9 раза, яйцу – в 2,4 раза, рыбе и морепродуктам – в 2 раза, сахару – в 3,3 раза, картофелю – в 2,1 раза, овощам и бахчевым культурам – в 2 раза, фруктам и ягодам – в 4,9 раза.

При решении проблемы обеспечения национальной продовольственной безопасности серьезного внимания заслуживают вопросы самообеспечения страны основными видами продуктов питания.

Самообеспечение продовольствием означает удовлетворение потребности в нем, прежде всего путем внутренних поставок при минимальной зависимости от внешней торговли. Для достижения самообеспеченности, характеризующей уровень физической доступности продовольствия, необходимо осуществлять производство качественной продукции в объемах, позволяющих удовлетворить потребность населения в ней на пороговом уровне по ценам, гарантирующим доступность большинства продуктов для всех социальных групп населения на всей территории республики.

Проследим развитие продовольственного рынка как составной части народного хозяйства с момента обретения Казахстаном независимости.

Начальный этап переходного периода реформирования экономики Казахстана характеризуется глубоким экономическим спадом, свидетельствующим о существенном расстройстве отечественной экономики. Общее снижение валового внутреннего продукта (ВВП) в 1999 году по сравнению с 1990 годом (годом с максимальным объемом ВВП, уровень которого был достигнут лишь в 2004 году) составило 50,5%, что

свидетельствует о сокращении внутреннего производства всех видов продукции в течение 9 лет вдвое. Начиная с 2000 года наблюдается стабильный рост экономики Казахстана, ежегодные темпы прироста составляли 9-11%, за исключением последних 2008 и 2009 годов, темпы прироста были соответственно 3,3% и 1,2%.

Со времени начала реформ изменились не только объемы производства, но и структура экономики. Так, в 1990 году доля сельского хозяйства в ВВП составляла 34%, промышленности – 20,5%. По сравнению с этими показателями, в 2001 году доля промышленности составила 31%, сельского хозяйства – 9%. Соответственно, произошло увеличение доли промышленности на 10,5 %.

Значительное сокращение продовольственных ресурсов вызвано, прежде всего, глубоким спадом отечественного сельскохозяйственного производства. Так, величина снижения объемов производства основных видов сельскохозяйственных продуктов (в том числе традиционно приоритетных – зерна и мяса) за период 1990-1998 годов перевалила за отметку 50%. В последние несколько лет ситуация изменилась в сторону улучшения. В 2009 году по всем товарам наблюдается прирост производства по сравнению с 1999 годом: производство мяса за 10 лет выросло в 1,4 раза, молока – в 1,5 раза, яиц – 2,2 раза, картофеля – 1,6 раз, овощей – в 2 раза, зерна – в 3,3 раза, плодов – в 1,9 раз, сахара – в 1,8 раз, а масла растительного – почти в 8 раз (см.: табл. 1).

В 2009 г. показатель удельного веса импорта продовольственных товаров среди всего объема импорта составил 8,7%, однако, по многим стратегическим продовольственным товарам еще существует продовольственная зависимость от импорта, так как его доля достаточно велика.

Таблица 1

Объем производства основных видов продовольственных товаров,
тыс. тонн [5]

	1990	1995	1999	1999 в % к 1990	2007	2008	2009	2009 в % к 1999
Мясо и мясопродукты в перерасчете на мясо	1560	985	626	40,1	838,7	874,2	896,3	143,2
Молоко и молокопродукты в перерасчете на молоко	5642	4619	3550	62,9	5073	5198	5304	149,4
Яйца и яйцепродукты (млн. шт.)	4185	1841	1517	36,2	2664	2969	3307	218
Картофель	2324	1720	1693	72,8	2415	2354	2756	162,8
Овощи и бахчевые	1438	942	1652	114,9	2858	3150	3310	200,4
Зерно	28488	9506	14249	50,0	20138	15578	20830	325,7
Плоды, ягоды и виноград	440	166	124	28,2	205	176	234	188,7
Масло растительное	95	44	26	27,4	237	189	204	784,6
Сахар	319	113	219	68,7	392	509	385	175,8

Начиная с 2006 года по 2008 год включительно, наблюдается значительное увеличение объемов импорта. Так, в 2008 году по сравнению с 1999 годом произошло увеличение величины импорта мяса – более чем в 4 раза, яиц – 4,4 раза, рыбы – 2,6 раза. По молочным продуктам, картофелю, овощам, зерну и хлебопродуктам, растительному маслу увеличение не столь значительное – примерно от 9% до 77%. Лишь по фруктам и сахару в 2008 году величина импорта снизилась по сравнению с 1999 годом.

Примечание

1. Назарбаев Н.А. Послание главы государства народу Казахстана «Через кризис к обновлению и развитию // Казахстанская правда. – 2009. – 6 марта. – № 64. – С. 1-2.
2. Сакенов Н. Продовольственный кризис Казахстану не грозит // Знамя труда. – 2008. – 1 ноября. – № 169-170. – С. 2.
3. Продовольственный рынок: управление и развитие // Аль-Пари. Научный экономический журнал. – 2010. – №3. – С. 54-56.
4. Food Security Statistics: http://www.fao.org/faostat/foodsecurity/index_en.htm.
5. Таблица составлена автором на основе данных Агентства РК по статистике.

ЯЗЫКИ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ОПЫТА ИХ НОСИТЕЛЕЙ

*Кропчева Т.В., старший преподаватель ТюмГУ
Кропчев В.В., академик Российской муниципальной академии*

Язык – многофункциональное явление. Все функции языка проявляются в коммуникации. Выделяют следующие функции языка: коммуникативная — основная функция языка, использование языка для передачи информации; конструктивная (или *мыслительная*), познавательная (или *аккумулятивная функция*) – передача информации и ее хранение; и многие другие. На Земле насчитывается около 5-6 тысяч языков. С развитием коммуникаций количество живых языков сокращается со средней скоростью 1 язык в две недели. Для того чтобы язык сохранялся, требуется около 100 тысяч его носителей. Языки умирают вместе с последним носителем, и поэтому опасность грозит, прежде всего, народностям, не использующим письменность.

Язык – это и отражение культуры народа, его многовекового опыта, его традиций и обычаев. Согласно научным прогнозам, в ближайшие 50-100 лет исчезнут не менее 100 языков малых народов мира. Это означает, что с их исчезновением исчезнет целый мир взглядов, устремлений и надежд. Малочисленные коренные народы мира занесены в Красную книгу ЮНЕСКО. Научно-исследовательский центр по национально-языковым проблемам Института языкознания Российской академии наук создал базу данных по языкам малочисленных народов России. Эта работа была выполнена по просьбе Токийского университета, которому ЮНЕСКО и Совет Европы поручили руководить созданием Всемирной базы данных по исчезающим языкам. Сотрудники Центра составили социолингвистическую биографию языков

малочисленных народов Российской Федерации. База содержит обширные данные о народах и языках, их месте в генеалогической классификации языков мира, количестве носителей, способах расселения, их социальных функциях. В базе содержатся также сведения об уровне владения родным языком и другими языками разными поколениями народа, фольклор народа.

Российская Федерация, как и многие другие современные государства мира, по своей структуре является полиэтничной. На ее территории соседствуют и проживают более 160 этносов, из числа которых 45 относятся к коренным малочисленным народам Российской Федерации. Из этих 45 народов 40 – коренные малочисленные народы Севера Сибири и Дальнего Востока. Самые многочисленные народы среди коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – ненцы, эвенки, а самые малочисленные – энцы, ороки и кереки. В большинстве своем коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока ведут традиционный образ жизни, связанный с кочевым и полукочевым хозяйствованием, охотой, рыболовством и сбором дикоросов.

Ханты (самоназвание – *ханты, остяки*) – коренной малочисленный угорский народ, проживающий на севере Западной Сибири. Самоназвание *ханты* означает *люди*. По переписи населения 2010 года, численность хантов увеличилась до 30 943 человек, (в 2002 г. – 28678) из которых 61,6 % проживают в Ханты-Мансийском округе; 30,7 % – в Ямало-Ненецком округе; 2,3 % – в Тюменской области без ХМАО и ЯНАО; 2,3% – в Томской области. Хантыйский язык (устаревшее название остяцкий язык) вместе с мансийским и венгерским составляет обско-угорскую группу уральской семьи языков. Хантыйский язык известен своей необычайной диалектной раздробленностью и диалектами.

Ненцы (*самоеды, юраки*) – самодийский народ, населяющий евразийское побережье Северного Ледовитого океана от Кольского полуострова до Таймыра. Упоминание об этом имеется в древнейшей русской летописи «Повесть временных лет», относящейся к началу XII в. В 1 тысячелетии н. э. они мигрировали с территории южной Сибири к месту современного обитания. Из коренных малочисленных народов российского Севера ненцы являются одним из самых многочисленных. По итогам переписи 2010 года в России живут 44640 ненцев. Они ведут кочевой образ жизни. Ненецкий язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи и состоит из двух диалектов – тундрового, который распадается на западные и восточные говоры, общение между носителями которых не мешает взаимопониманию, и лесного, отличающегося своеобразием фонетического состава, что затрудняет языковой контакт с носителями тундрового диалекта. Лесной диалект также делится на ряд говоров [1].

Ф.М. Леханова, научный сотрудник учреждения РАО «Институт образования народов Севера», координатор по вопросам образования Ассоциации КМНСС и ДВ РФ, по результатам проведенных исследований дает классификацию языков малых народов в соответствии принадлежности их к разным генетическим семьям, группам и подгруппам.

Так, например, «...финно-угорская языковая семья включает хантов, манси, вепсов, саами. Самодийская языковая семья включает ненцев, энцев, селькупов. Из 40 языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока большинство языков находятся на грани исчезновения...» [2, с. 27].

Для всех языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока необходимо создавать соответствующие условия для их сохранения и дальнейшего развития. Федеральный закон «О языках народов России» объясняет, что языки народов Российской Федерации являются национальным достоянием Российского государства. Настоящий закон направлен на создание условий для сохранения и равноправного развития языков народов российской Федерации и призван стать основой для формирования системы правового регулирования деятельности юридических и физических лиц. Далее в ст. 2 о государственных гарантиях равноправия языков народов России говорится: «В Российской Федерации народу и личности предоставляется свобода выбора языка для использования и общения, воспитания, обучения и творчества» [3, ст. 2].

После принятия ряда федеральных и региональных нормативных документов в системе национального образования произошли значительные изменения, в ряде регионов открылись дошкольные и общеобразовательные учреждения, где ввелось преподавание родных языков и культур коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, увеличилось число средних и высших профессиональных педагогических учебных заведений, преподающих языки коренных малочисленных народов России. Но, несмотря на принимаемые меры, запланированные цели по сохранению и развитию национальных языков не достигнуты.

Большинство детей и молодежи коренных малочисленных народов России в настоящее время не владеют языками своих предков, и процент знаний по языкам не увеличивается. Прежде всего, такая ситуация сложилась из-за отсутствия языковой среды и носителей языка в местах компактного проживания малочисленных народов. В настоящее время издаются и переиздаются учебники на 23 языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, однако ни один из них не является языком обучения в школах. Все эти языки изучаются в рамках предмета «родной язык», иногда обучение осуществляется в форме факультатива или в специальных кружках. Еще не разработаны учебники нового поколения для учеников, не владеющих родным языком. Необходимо знакомить учителей с новыми технологиями, методами обучения и таким образом давать импульс дальнейшему развитию педагогической деятельности. Местным региональным управлениям образования следует уделять больше внимания методической подготовке учителей, проводить специальные обучающие конференции, семинары, стажировки, курсы для преподавателей родных языков.

Одной из причин исчезновения языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока является практическое отсутствие национальной литературы (в том числе и детской) для чтения. Однако ярко и колоритно оформленные книжки необходимы для привития красоты родного

языка и формирования ценностных ориентиров. Сохранить исчезающие языки, а вместе с ними и духовную культуру малочисленных этносов можно лишь последовательным решением задач их адаптации к новым условиям жизни. В связи с этим необходимо объединение государственных и территориальных усилий с целью сохранения и развития языков малочисленных народов, их культурного наследия. Во все времена неопределимую помощь в сохранении и развитии уникальных древних культур оказывали сами представители коренных малочисленных народов.

Возьмем, к примеру, творчество известной ненецкой писательницы Анны Неркаги. Критики называют ее гением ненецкой литературы. Эта писательница создала и создает духовную историю своего прекрасного Ямальского края. Трудно передать то волнение, с которым читаешь ее повести «Молчащий», «Белый Ягель», «Анико из рода Ного». Герои произведений А.П. Неркаги – это рядовые ненцы старшего поколения. В их жизни присутствуют все времена и искусства – песни, ремесла, народные таланты. Книги Анны Неркаги это «художественная биография народа, заселившего эти края в конце первого тысячелетия. Этот метатекст создается на русском языке в том особом его духовно-символическом звучании и оформлении, когда ненецкий язык равноправно вписывается в инородный строй, прямо выражает душу и национальный образ своего мира, свою психологию в именах и названиях, в поэтическом синтаксисе художественной речи» [4, с. 54].

Современная молодежь должна обладать необходимыми фоновыми знаниями о своей культуре, чтобы стать полноправным участником процесса международной коммуникации, чтобы иметь представление о разнообразных аспектах жизни разных народов и уметь сопоставить их с культурными особенностями своего народа. Книги, фильмы, мифологии, интернет-ресурсы по отдельным областям культуры, по фольклору, о жизненном укладе, об одежде, праздниках, обычаях и традициях формируют личность, позволяет ей восполнить пробелы в знаниях и стать равноправным членом общества. Такие фоновые знания позволяют молодому специалисту высказать и отстоять свою точку зрения о социальных и классовых различиях, этике, проблемах окружающей среды, деятельности общественных организаций и так далее.

Современная концепция лингвистического образования предполагает, что изучение собственной и иноязычной культур становится его стержнем, сердцевиной. Чтобы стать по – настоящему высококвалифицированным специалистом в любой области необходимо обладать обширными знаниями о культуре страны, края изучаемого языка. Мировая культура как сокровищница духовных ценностей складывается из крупиц исторического опыта, творческих достижений каждого народа. Она является воплощением глубоко национальных черт человеческих характеров, социально- и культурно-исторических обстоятельств, пережитых конкретным народом.

Примечание

1. <http://ru.wikipedia.org>

2. Леханова Ф.М. Положение языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.ifarcom.ru/files/publications/lehanova.pdf>
3. Федеральный закон от 24.07.1998 № 126-ФЗ «О языках народов России».
4. Рогачев В. Критико-биографический очерк творчества Анны Неркаги. – Тюмень, 1996.
5. Ощепкова В.В. Язык и культура. – М., 2004.
6. Гардамшина М.И., Чеботаева М.А. и др. Лесные ненцы. – Новосибирск, 2006.
7. Неркаги А.П. Молчащий. – Тюмень, 1996.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМАТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*Кузьмина Т.В., к.п.н, доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ
Петрова Ю.А., студент ТюмГАСУ*

В концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года отмечается, что повышение темпов экономического развития, структурные изменения экономики, вызванные переходом к инновационному типу развития, приводит к возрастанию роли человеческого капитала в социально – экономическом процессе.

При этом ведущая роль в формировании человеческого капитала, создающего экономику знаний, отводится сфере культуры, что обусловлено следующими показателями:

– переход к инновационному типу развития экономики требует повышения профессиональных требований к кадрам, включая уровень интеллектуального и культурного развития, возможного только в культурной среде, позволяющий осознать цели и нравственные ориентиры развития общества;

– по мере развития личности растут потребности в ее культурно – творческом самовыражении, освоении накопленных обществом культурных и духовных ценностей. Необходимость в удовлетворении этих потребностей, в свою очередь, стимулирует развитие рынка услуг в сфере культуры.

Данные обстоятельства требуют перехода к качественно новому уровню развития библиотечного, музейного, выставочного и архивного дела, концертной, театральной и кинематографической деятельности, традиционной народной культуры, сохранения и популяризации объектов культурного наследия, а также образования в сфере культуры.

В этой связи необходимо создание условий, для адаптации сферы культуры к рыночным условиям, а том числе на основе развития современных информационных технологий в сфере культуры, а также широкого использования средств массовой коммуникации для целей развития культуры.

Технологическое развитие информационного пространства сети интернет, рост числа пользователей в России и в мире, внедрение информационных

технологий в сферу культуры, представление результатов деятельности в области культуры и объектов культуры в электронной цифровой форме, представляют новые, широкие возможности для становления нового информационного общества, преодоление цифрового неравенства, а также для решения задач, стоящих перед сферой культуры Российской Федерации.

Реформирование сферы культуры является прямым следствием происходящих экономических и политических и социальных преобразований. Необходим поиск таких решений, которые позволили бы, с одной стороны, обеспечить сохранность культурных ценностей, а с другой, – создать экономические механизмы, позволяющие культуре эффективно развиваться в новых экономических условиях.

Важным фактором, способствующим развитию отрасли, является создание институтов государственного партнерства, которое предусматривает: развитие меценатства и благотворительности в сфере культуры; развитие рынка культурных ценностей, совместное участие государства и бизнеса в развитии этого рынка, а также в экономически эффективных проектах в сфере культуры.

В современном мире культура, помимо своего непреходящего значения как генератора и транслятора общечеловеческих ценностей, как способа познания и восприятия мира, формирования достоинства личности, берет на себя ряд фундаментальных политических и экономических задач:

- культура является главным гарантом целостности страны. Это интенсивный культурный обмен между регионами, массовые сетевые проекты, культурный туризм, общая культурная традиция и история связывают огромные разобщенные территории в единое жизненное пространство, именуемое страной, нацией и так далее.

- культура – фундамент модернизации страны. Без включения гуманитарной составляющей в базовое образование невозможны никакие инновации.

- культура – новый рычаг экономического развития регионов, регенерации депрессивных городов и территорий.

На западе говорят: правительство не решает проблемы, а финансирует их. В нашей стране все иначе. К примеру, закон 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений», который демонстрирует намерение государства снять с себя ответственность за сферу культуры и культурное наследие. Концептуальная ошибка этого закона в том, что в нем рассматривается сфера культуры как производство продуктов и оказание услуг (как булочная и прачечная), в то время как основной продукт деятельности сферы культуры – создание общественного блага. Жесткое морально устаревшее законодательство в области благотворительности подрывает основы современной культуры, которая во всем мире существует благодаря мощной поддержке различных донорских и общественных институций.

Культура практически никогда не упоминается у нас ни в каком объяснительном контексте жизни. Исключительно как отрасль или тема

ритуального поклонения, она не рассматривается ни как производство и распространение смыслов, ни как ответственная мотивационная сфера, ни как передача памяти или запретов, ни как регулятор человеческого поведения. Недостаточная поддержка культуры крайне отрицательно сказывается на моральном состоянии самих россиян, поскольку традиционно культура является основой идентичности российского человека.

При принятии решений проявляются два стереотипа в отношении к этой важнейшей социальной сфере:

– в советской традиции культура является служанкой идеологии. Отсюда постоянная политизация традиционного и современного искусства. Министерство культуры поддерживает только консервативную, традиционную культуру (классический балет, классическую музыку, народные ансамбли песни и пляски и т.д.), ошибочно рассматривая ее как общенациональную, и совершенно не заботится о поддержке новых течений в искусстве, по привычке ассоциируя их с «инакомыслием» по аналогии с андерграундным искусством.

– в постсоветской позиции, культура – это либо предмет роскоши, либо индустрия развлечений, производящая коммерческий продукт, поэтому государство финансирует культуру по остаточному принципу, отдавая ее на откуп рынку. Сведение культуры к сфере услуг и/или отрасли народного хозяйства, упрощенная коммерциализация культурных институтов ведет к деградации всей культурной сферы.

Возможность выявления механизмов государственного регулирования сферы культуры, грамотного управления социально-культурными процессами, функционирующими в ней, является особенно актуальной проблемой для современного научного изучения. Особую роль приобретают вопросы, связанные с поиском новых механизмов регулирования сферы культуры на всех уровнях государственного управления, основанные на современных подходах, выработанных государственной политикой и основанных на исследовании соответствующих законодательных документов.

Анализ концепции федеральной целевой программы «Культура России (2012-2016 гг.)» показал, что на сегодняшний день существует множество проблем в сфере культуры как на федеральном так и региональном уровне. Большое внимание уделено реализации системы мероприятий, направленных на региональное культурное развитие, реставрации памятников культуры, развитию туризма, что позволит получить эффект от посещаемости музейных учреждений и иных культурных мероприятий не только местными жителями, но и жителями других российских территорий.

Необходимость регионального компонента в культуре определяется приоритетами развития Российской Федерации на современном этапе: все больше инструментов государственной культурной политики передается из федерального уровня на региональный. Концепция учитывает эти факторы и тенденции, дает общие ориентиры для разработки региональных программ развития и поддержки культуры, позволяет сформировать единые модели поддержки культуры для регионов, формулирует приоритеты государственной культурной политики.

Укрепление культурного пространства в рамках концепции федеральной целевой программы «Культура России (2012-2016 гг.)» осуществляется через создание возможностей для граждан получения доступа к культурным ценностям (памятники истории и культуры, Музейный фонд Российской Федерации, библиотечные и архивные фонды, фонды телевизионных и радиопрограмм, фильмофонды и другие), путем обеспечения их сохранности, пополнения, представления и использования.

Проблема выбора и сочетания форм и методов государственного регулирования деятельности учреждений культуры – одна из наиболее важных, сложных и дискуссионных не только для России, но и для других стран. Инструментарий государственного регулирования меняет свой состав и структуру, а отдельные элементы используются в различных конкретных формах, в зависимости от специфических политических и экономических условий каждой страны. Поэтому, строго говоря, диапазон и границы государственного регулирования деятельности организаций культуры и искусства не могут быть корректно определены без учета динамики развития российской экономики.

Сохранение историко-культурного наследия, поддержка профессионального искусства, укрепление материально – технической базы ведущих учреждений культуры и искусства Тюменской области, поддержка народного творчества и культурно-досуговой деятельности, автоматизация и информатизация музейного и библиотечного дела, развитие правовой и информационной систем отрасли, и, безусловно, решение социальных проблем работников культуры. Такие проблемы как повышение заработной платы, обеспечение социальных льгот и гарантий – все это основные направления политики в сфере культуры Тюменской области. Неотъемлемой частью развития культуры является поддержка профессионального искусства.

Основной целью региональной культурной политики является создание условий для развития и реализации культурного и духовного потенциала жителей Тюменской области и обеспечение гарантированных Конституцией Российской Федерации прав граждан в сфере культуры и искусства, поскольку содержание досуга и удовлетворенность им является важнейшим индикатором социального положения и качества жизни населения. В целях реализации государственной политики в сфере культуры распоряжением правительства Тюменской области была утверждена долгосрочная целевая программа «Основные направления развития культуры Тюменской области» на 2011 – 2013 года. Но все эти положительные шаги в сфере регулирования культуры, осуществляемые правительством Тюменской области, не отвечают в настоящее время решению насущных проблем, которых еще достаточно много.

Таким образом, становится совершенно очевидно, что программно-целевой подход государственного управления к сфере культуры себя не оправдывает, России нужен новый подход к управлению, который в настоящее время был бы более эффективным. На наш взгляд, таким методом мог бы стать интегративно – проектный подход, содержащий в себе слияние двух методов – интегративного, построенного на основе взаимодействия департаментов в

организации и реализации совместных проектов, направленных на решение насущных проблем в сфере культуры и проектный метод, основанный на постановке на достижении заранее определённого результата или цели.

Сфера культуры оказывает многоплановое влияние на все стороны жизнедеятельности общества, решает задачу сохранения, создания и развития духовных, нравственных и культурных ценностей, а также играет важную роль в развитии цивилизации и экономики. Сфера культуры специфична: в одних секторах прямая государственная поддержка и регулирование, в других – действуют чисто рыночные отношения, в-третьих – работа ведется через некоммерческие организации. Одним из главных субъектов культурной политики является государство. Оно обладает наибольшим объемом ресурсов в этой сфере, а также располагает управленческими и властными рычагами. Все это определяет высокую степень государственного участия и воздействия на рассматриваемую сферу.

Чем более зрелыми и стабильными становятся экономика общества, демократические институты государственности, гражданское общество, тем в большей степени проявляется роль государственной поддержки культуры, а сбалансированная государственная политика способна превратить область культуры в хорошо организованный и прогрессивный сектор государственной экономики.

ФОРМИРОВАНИЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ КАК ПРИОРИТЕТНАЯ ЗАДАЧА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ларионова К.А., студент ТюмГАСУ

Храмцов А.Б., к.и.н., доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ

Уровень экономического развития региона, развитие социальной инфраструктуры, доступность востребованных социальных услуг, внедрение инновационных технологий определяют устойчивую положительную динамику основных демографических показателей в регионе. Формирование здорового образа жизни населения – одна из приоритетных задач деятельности органов государственной власти Тюменской области.

Для улучшения демографической ситуации особую социальную значимость имеют вопросы сохранения и укрепления здоровья населения, здоровья детей и подростков.

Приоритетными направлениями деятельности в данной сфере определены:

- сохранение здоровья женщины-матери.
- сохранение репродуктивного здоровья мужчин.
- применение вспомогательных репродуктивных технологий в лечении бесплодия.
- сохранение и развитие репродуктивного здоровья детей и подростков.
- реализация программ здорового образа жизни.

По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, численность постоянного населения Тюменской области (без автономных округов) на 01.01.2011 г. составила 1353,8 тыс. человек. За 4 года численность населения региона возросла на 35,6 тыс. человек. Рост населения обусловлен в большей степени миграционными процессами. Численность сельского населения области в 2010 г. составила 538,9 тыс. человек (40,1 % населения области), численность городского населения – 806,3 тыс. человек (59,9 %).

На начало 2010 г. удельный вес женского населения составил 53,4 %, удельный вес мужского населения – 46,6 %. Преобладание численности женщин над численностью мужчин отмечается, начиная с 18-19 лет. В возрастной категории старше 70 лет доля мужчин составляет всего 28,8 %, женщин – 71,2%.

Для Тюменской области характерно улучшение медико-демографической ситуации. Оно обусловлено ростом рождаемости на фоне снижения смертности населения.

Темп прироста показателя рождаемости за 4 года составил 12 %. Однако, несмотря на увеличение показателя, рождаемость остается ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства населения. Суммарный коэффициент рождаемости на 01.01.2011 г. составил 1,672 %, что в 1,3 раза ниже уровня, необходимого для равенства поколений.

В 2010 году в регионе число родившихся на 1000 населения составило 15,9 (в 2009 г. – 15,6), число умерших на 1000 населения составляет 12,8, естественный прирост населения 3,1 на 1000 населения. Показатель естественного прироста на 1 000 населения увеличился с 0,9 в 2007 г. до 3,1 в 2010 г. Положительный естественный прирост населения регистрируется в области в течение последних 4 лет. Следовательно, в Тюменской области отмечается стабилизация показателя общей смертности.

Деятельность учреждений здравоохранения в сфере медицинской профилактики направлена на популяризацию знаний о здоровом образе жизни и профилактику различных заболеваний через средства массовой информации, активную работу с населением и медицинскими работниками региона.

Создан Координационный совет по вопросам профилактики в Тюменской области, деятельность которого направлена на принятие важных коллегиальных решений по актуальным вопросам медицинской профилактики.

В учреждениях здравоохранения области работают 13 отделений и 22 кабинета профилактики. «Школы здоровья» функционируют в 44 учреждениях здравоохранения.

К каждому Центру здоровья прикреплено для обслуживания население численностью от 50 до 200 тыс. человек. За 2010 год в Центрах здоровья прошли комплексное обследование более 77 тыс. человек. Информация о работе Центров здоровья размещена на официальном Портале органов государственной власти Тюменской области на модуле «Государственные и муниципальные услуги в Тюменской области», в средствах массовой

информации развернута информационная кампания о работе Центров здоровья, их оснащении и функциональных возможностях.

В базисный учебный план всех общеобразовательных школ с сентября 2010 года включен третий час физической культуры, который используется на увеличение двигательной активности и развитие физических качеств обучающихся, внедрение современных систем физического воспитания.

Важной составляющей эффективного проведения оздоровительной кампании является программное обеспечение отдыха и оздоровления несовершеннолетних. На базе оздоровительных организаций осуществляется реализация целевых, тематических, профильных программ различной направленности: творческой, познавательной, экологической, спортивной, трудовой и т.д. Практикуется проведение профильных смен по возрастному принципу (смены для детей младшего школьного возраста и подростков старшего школьного возраста), в зависимости от категории детей (смены для активистов, трудных подростков, подростков «группы особого внимания» и других категорий детей), в зависимости от увлечений детей (спортсмены, экологи, юные натуралисты и т.д.). Все программы по отдыху, оздоровлению и занятости несовершеннолетних предусматривают мероприятия, направленные на пропаганду здорового образа жизни, предупреждение наркомании, профилактику правонарушений. Реализуемые программы проходят экспертную оценку на ежегодном конкурсе вариативных программ.

В ходе детской оздоровительной кампании 2010 года более 177 тыс. (96%) детей и подростков охвачены организованными формами отдыха, оздоровления и занятости, в том числе приняли участие в реализации досуговых программ различной направленности.

В Тюменской области осуществляется организация физкультурно-спортивной работы с населением по месту жительства, внедрение обучающих, развивающих и спортивных программ для детей младшего возраста.

В последние годы численность населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом, стабильно увеличивается: в 2010 году значение данного показателя составило 351,8 тыс. чел. или 26,1% от общей численности населения (2009 г. – 331,7 тыс. чел. или 24,7%).

Для развития массового спорта во всех муниципальных районах и городских округах Тюменской области создана сеть центров физкультурно-оздоровительной работы по месту жительства. В течение 2010 года в центрах регулярно занимались физической культурой и спортом 123,4 тыс. человек (в 2009 г. – 83,1 тыс. человек). Особое внимание при организации физкультурно-оздоровительной работы уделяется инвалидам и несовершеннолетним «группы особого внимания».

В течение 2010 года в рамках реализации областных целевых программ, а также за счет средств областного бюджета и средств муниципальных образований, велось строительство 39 и реконструкция 19 спортивных объектов.

В течение 2010 года были введены в эксплуатацию два спортивных объекта – спортивный комплекс «Центр-дзюдо» (4 спортивных зала, бассейн,

ванна для плавания) и спортивный комплекс в п. Богандинский Тюменского района (2 спортивных зала, стадион, беговые дорожки, 2 уличные игровые площадки).

В настоящее время региональная материально-спортивная база представлена 3 048 объектами, в том числе: плоскостные сооружения – 1 475, спортивные залы – 1 029, стадионы – 32, лыжные базы и биатлонные комплексы – 60, бассейны – 58, тир и стрельбища – 72, дворцы спорта с искусственным льдом – 5, манежи – 2, гребной канал – 1, прочие помещения для занятий – 314.

В Тюменской области культивируется более 70 видов спорта, динамично развивается спортивная инфраструктура и кадровый потенциал. Физкультурно-оздоровительную работу и подготовку спортивного резерва осуществляют 69 учреждений дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности, в которых более 40 видами спорта занимаются более 42 тыс. человек.

Действенным стимулом повышения интереса населения к занятиям физической культурой и спортом, популяризации здорового образа жизни является система спортивно-массовых мероприятий. Комплекс традиционно проводимых в Тюменской области спортивно-массовых мероприятий включает сельские игры, спартакиады, соревнования по видам спорта, в том числе военно-прикладным, спортивные праздники и дни здоровья.

Ежегодно на территории области проводится более 9 тысяч спортивно-массовых мероприятий муниципального, областного, регионального, российского и международного уровня с общим количеством участников свыше 600 тысяч человек.

Активная работа по формированию здорового образа жизни ведется на базе общеобразовательных учреждений, где ребенок проводит основную часть времени. С целью привлечения детей и молодежи к систематическим занятиям физической культурой, повышения их интереса к спорту проводятся уроки здоровья, тематические встречи, мастер-классы по различным видам спорта с приглашением известных спортсменов, заслуженных тренеров, ветеранов спорта.

В 2010 году на базе общеобразовательных школ проведено 63 урока здоровья, на которых присутствовало около 900 учащихся. В рамках мероприятий, посвященных Дню физкультурника и Дню Олимпийца в муниципальных образованиях было проведено 26 тематических встреч с ведущими спортсменами региона и ветеранами спорта, которые посетило около 800 человек.

В средствах массовой информации по итогам 2010 года опубликовано порядка 7,5 тыс. материалов. Основными сюжетами публикаций и эфиров являются: развитие массового спорта и общественного физкультурно-оздоровительного движения.

В рамках летней оздоровительной кампании реализован пропагандистский проект «Спортивное лето-2010. Будь в кругу друзей», направленный на организацию спортивного досуга молодежи, знакомство с известными

спортсменами, проживающими в Тюмени. В зимний период стартовала акция «Не проворонь шанс», направленная на популяризацию активных видов отдыха.

По итогам Всероссийского конкурса на лучшую организацию работы по пропаганде здорового образа жизни и физической культуры среди субъектов РФ Тюменская область вошла в пятерку лучших регионов.

В 2010 г. в г. Москва проходил Всероссийский конкурс социальной рекламы «Новый взгляд», по итогам интернет-голосования серия социальных плакатов «Я хочу жить здорово» и видеоролик «Моя семья – мое богатство», разработанные представителями Тюменской области, вошли в число победителей. Баннеры, представленные на конкурс, размещены в муниципальных образованиях Тюменской области.

Большое внимание в регионе уделяется проблеме репродуктивного здоровья населения. В регионе внедрена трехуровневая система перинатальной помощи и централизация родов, обеспечивающая рациональное перемещение потоков пациентов с учетом их потребности в специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи.

С целью организации медицинской помощи семейным парам, страдающим бесплодием, в ГЛПУ ТО «Перинатальный центр» ведется регистр бесплодных пар. В настоящее время в регистре состоит 1698 пар.

Ежегодно в медицинских центрах города Тюмени более 500 супружеских пар получают лечение бесплодия с применением вспомогательных репродуктивных технологий за счет средств бюджета Тюменской области.

За 5 лет реализации областной программы применения вспомогательных репродуктивных технологий в лечении бесплодия в акушерских стационарах Тюменской области родилось 657 детей после применения вспомогательных репродуктивных технологий. (131 ребенок в 2010 г.).

Одним из важнейших факторов, оказывающих негативное влияние на репродуктивное здоровье женщин, является искусственное прерывание нежелательной беременности (см.: рис. 1 и 2). В регионе сформирована сеть услуг по вопросам планирования семьи. В структуре областного перинатального центра работает отделение планирования семьи и репродукции. Внедрена технология проведения «медикаментозного» аборта, имеющая наименьший риск отрицательных последствий.

В рамках долгосрочной целевой программы «Основные направления развития здравоохранения Тюменской области» предусмотрены мероприятия по профилактике нежелательной беременности среди женщин группы риска (обеспечение бесплатными контрацептивами).

Совместно с органами социальной защиты населения реализуется комплекс мер по ранней профилактике социального сиротства.

Организация работы по раннему выявлению признаков социального сиротства (ранняя диагностика проблем, нарушений в системе детско-родительских отношений) осуществляется через деятельность участковых социальных служб, службы экстренной социальной помощи, в ходе обмена

информацией между ведомствами системы профилактики, в период проведения межведомственных рейдовых мероприятий.

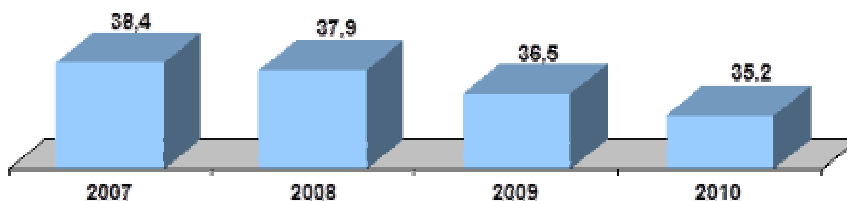


Рис. 1. Показатели аборт на 1000 женщин фертильного возраста

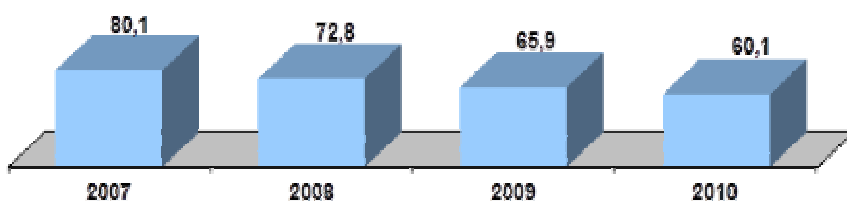


Рис. 2. Показатели аборт на 100 родов

С 2009 г. к работе по раннему выявлению признаков социального сиротства подключились территориальные органы опеки, попечительства и охраны прав детства, что позволило обеспечить в банке данных полноту информации о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, а также осуществлять контроль за действиями ведомств системы профилактики, в отношении данной категории детей.

В целях реализации мероприятий, направленных на предупреждение раннего сиротства с первых дней жизни ребенка, внедрена технология «Ранняя профилактика социального сиротства», обеспечивающая оперативное выявление и создание необходимых условий для оказания социально-психологической, реабилитационной помощи беременным, женщинам, находящимся в трудной жизненной ситуации, в том числе женщинам, отказавшимся от ребенка, находящимся в родильном доме или родильном отделении лечебного учреждения.

Кроме того, в АУ СОН ТО «Центр помощи семье и детям «Мария» функционирует стационарное отделение «Мать и дитя».

В целях информирования населения, специалисты распространяют буклеты, информационные листы, размещают сведения на информационных стендах в учреждениях различных форм собственности, а также в обязательном порядке в учреждениях здравоохранения.

Особую социальную значимость имеют вопросы снижения материнской и детской смертности (см.: рис. 3). Показатель младенческой смертности снизился до 6,2 в 2010 г., показатель материнской смертности до 4,7 в 2010 г.

Таких успехов удалось добиться благодаря четкой регионализации медицинской помощи беременным женщинам и детям первого года жизни, реализации комплекса мероприятий по диагностике перинатальной патологии на ранних стадиях, применению современных эффективных методов диагностики и лечения осложнений беременности и родов, совершенствованию реанимационной помощи и выхаживания новорожденных, проведению операций по коррекции врожденных пороков развития у детей, начиная с первых часов жизни.

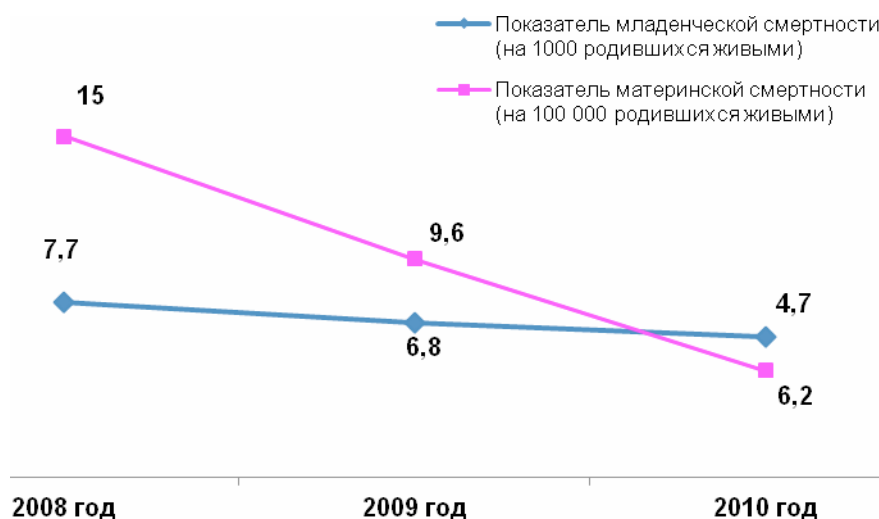


Рис. 3. Показатели материнской и младенческой смертности в Тюменской области (без автономных округов)

За последние годы сформирована сеть перинатальных центров, охватывающая всю территорию области, представленная областным перинатальным центром в г. Тюмени и межрайонными перинатальными центрами в Ишиме и Тобольске.

Внедрены региональные стандарты, разработанные на основе утвержденных федеральных стандартов, по клинко-статистическим группам, включающим все основные виды акушерской и гинекологической патологии.

Во всех родовспомогательных учреждениях области практикуются семейно-ориентированные технологии: организованы индивидуальные родовые, созданы условия для совместного пребывания матери и ребенка, поощряется участие членов семьи в оказании поддержки женщине в период родов и в послеродовом периоде, практикуется раннее прикладывание к груди с приоритетом грудного вскармливания.

Для обеспечения реанимационной помощи новорожденному ребенку с экстремально низкой массой тела и другими угрожающими жизни состояниями в случае отсутствия возможности транспортировки беременной в перинатальный центр, родильные отделения районных больниц оснащены оборудованием для проведения первичной реанимации новорожденного в ближайшие часы после рождения. Затем такой ребенок неонатологической бригадой Центра медицины катастроф переводится в перинатальный центр, где

осуществляется дальнейшее его выхаживание с применением высокотехнологичных методов диагностики и лечения.

Перинатальные центры оснащены ультразвуковыми системами экспертного класса, лабораторными комплексами, высокотехнологичным реанимационным оборудованием: дыхательными аппаратами, мониторами, инкубаторами. Для лечения наиболее тяжелых осложнений, характерных для недоношенных детей, ежегодно из областного бюджета выделяются целевые средства на закупку препарата «сурфактант». Внедрена выездная форма работы кардиохирургов, нейрохирургов, офтальмологов – оперативные вмешательства новорожденным при необходимости выполняются в перинатальном центре.

С проведением в рамках приоритетного национального проекта «Здоровье» массового обследования новорожденных на наследственные заболевания, такие как адреногенитальный синдром, галактоземия и муковисцидоз, появилась возможность своевременно выявлять тяжелые наследственные заболевания, а, следовательно, и принимать меры по предупреждению инвалидизации детей раннего возраста. В ходе осуществления неонатального скрининга в 2010 году проведено обследование новорожденных на фенилкетонурию – около 21 тыс., адреногенитальный синдром – более 12 тыс., муковисцидоз – более 16 тыс., галактоземию – более 16 тыс., врожденный гипотиреоз – около 14 тыс. новорожденных.

С 2009 г. в рамках приоритетного национального проекта «Здоровье» начат аудиологический скрининг детей первого года жизни, который позволит своевременно провести диагностику нарушений слуха у ребенка и последующую реабилитацию тугоухости, т.е. сохранить нормальное качество жизни у детей, вовремя получивших высокопрофессиональную и высокотехнологичную медицинскую помощь. В 2010 г. обследовано на выявление нарушений слуха около 18 тыс. детей (1-й этап скрининга)

Медицинскую помощь детскому населению оказывают 53 государственных и муниципальных учреждений здравоохранения. Специализированная, в том числе высокотехнологичная, помощь детям осуществляется на амбулаторном и стационарном этапах, включая реабилитационную помощь.

Специализированная амбулаторно-поликлиническая помощь детям оказывается профильными специалистами «Центра охраны здоровья детей» ГЛПУ «Тюменская областная клиническая больница».

Высокотехнологичная медицинская помощь оказывается в федеральных центрах и лечебных учреждениях области благодаря развитию таких направлений, как детская кардиохирургия, нейрохирургия, урология, коррекция врожденных пороков желудочно-кишечного тракта, выхаживание недоношенных новорожденных с низкой массой тела при рождении. Внедрены современные высокотехнологичные методы коррекции врожденных аномалий развития.

Третий год в Тюменской области в рамках ПНП «Здоровье» проводится диспансеризация детей-сирот. В 2010 г. осмотрено около 1,7 тыс. (100% от запланированного количества).

В соответствии с решением Совета по реализации национального проекта «Здоровье» и демографической политике с целью раннего выявления и профилактики заболеваний, сохранения репродуктивного здоровья подростков третий год в Тюменской области проводится дополнительная диспансеризация детей в возрасте 14-17 лет.

По результатам диспансеризации ведется мониторинг состояния здоровья с формированием групп здоровья, определением группы для занятий физкультурой, выработкой индивидуальных рекомендаций по режиму, питанию, оздоровлению, профессиональной ориентации и др.

Показатели смертности детей с 2007 по 2010 гг. имеют тенденцию к снижению (см.: рис. 4). В структуре детской смертности преобладают внешние причины (травмы, отравления, несчастные случаи). В 2010 г. в возрастной группе от 1 года до 4 лет в структуре причин смертности внешние причины составили 53 %; в возрасте от 5 до 9 лет – 56,1 %; среди детей 10-14 лет – 77,8 %; среди подростков от 15 до 19 лет – 87 %.

Снижение сложившегося уровня смертности детей от внешних причин требует комплексного подхода с участием заинтересованных ведомств. Кроме того, большое значение имеет информирование родителей и детей о мерах по предупреждению несчастных случаев.

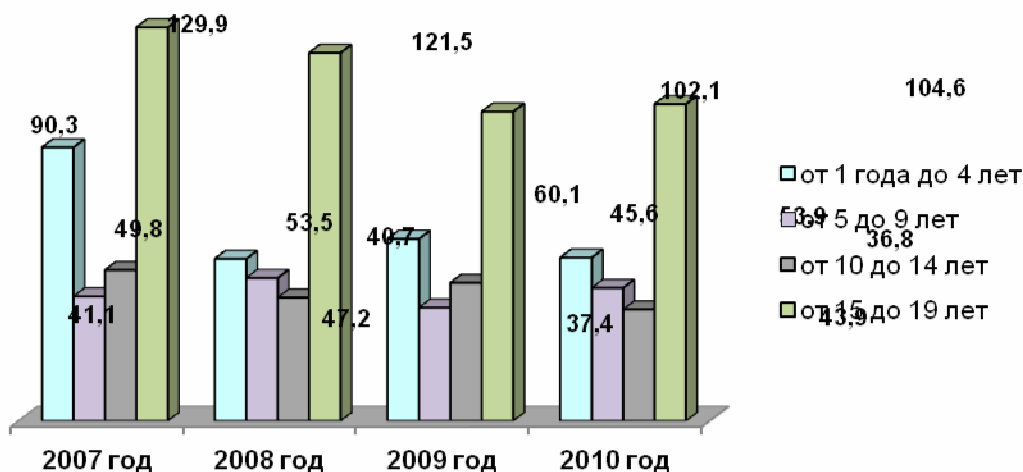


Рис. 4. Смертность детей от 1 года до 19 лет (на 100 000 человек соответствующего возраста)

В последние годы органы государственной власти региона заметно продвинулись в плане решения приоритетной задачи по сохранению и укрепления здоровья населения, здоровья детей и подростков и улучшению демографической ситуации в целом. Среди факторов, оказывающих негативное влияние на данный процесс, следует назвать: материнскую и младенческую смертность, смертность детей от 1-19 лет от внешних причин, искусственное прерывание беременности и ряд других.

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

*Линник Т.Г., д.э.н, профессор кафедры ГМУиП ТюмГАСУ
Скифская А.Л., к.с.н., доцент ТюмГНГУ*

Информационная политика органов государственного управления может быть представлена в единстве нормативно-правового регулирования информационных потоков и организации информационного взаимодействия. Организация информационного взаимодействия предполагает обеспечение прав граждан в сфере доступа к информации; повышение информированности населения; конструктивное влияние на принятие и реализацию решений власти со стороны общественности. Представляется, что информационная политика в условиях становления гражданского общества должна основываться на принципах социальной ответственности и открытости. Трансформация государственных институтов в контексте формирования их информационной открытости и прозрачности (транспарентности) является мировой тенденцией. При этом, под информационной открытостью понимается организационно-правовой режим, обеспечивающий субъекту информационного взаимодействия получение необходимой и достаточной информации.

Информационная открытость власти, гарантирующая доступ к официальной информации, является решающим фактором формирования позитивной «культуры открытости», приходящей на смену негативной «культуры закрытости» в мировом сообществе.

Переход к «культуре открытости» детерминирован объективными ключевыми факторами: масштабная коррумпируемость и общественный резонанс в отношении последней; снижение угрозы отчуждения общества от власти; инициативная, а не конфронтационная мобилизация сил общества на решение значимых проблем; минимизация рисков от управленческих решений социального масштаба; обеспечение гражданами возможности адекватно реагировать на изменение социально-экономической ситуации, являющейся следствием реализации управленческих решений на федеральном, региональном и местном уровнях власти; развитие информационных, телекоммуникационных технологий; формирование и использование национальных информационных ресурсов, реализация проекта «Электронная Россия».

Следует рассматривать «культуру открытости» как необходимое условие создания нового имиджа власти в стране и мировом сообществе.

Информационная открытость власти является объектом исследования не только с позиции содержательных, но и с позиции оценки уровня открытости-закрытости или непрозрачности. Разработанный «Индекс непрозрачности» является комплексным и характеризует потенциал «закрытости», «непрозрачности» страны по пяти направлениям: коррупция, «законодательная недостаточность», экономическая политика (экономическое принуждение), сфера финансовой отчетности и корпоративного управления, сфера

регулирования. По названным направлениям рассчитываются соответствующие показатели, такие как индекс восприятия коррупции, интегральные индикаторы государственного управления (включают 6 индексов), индекс экономической свободы, индекс развития электронного правительства [2].

В России с 2004 года Институтом развития свободы информации (ИРСИ) осуществляет мониторинг официальных сайтов федеральных органов законодательной и исполнительной власти, с 2010 года судебной власти, а так же законодательной и исполнительной власти субъектов Федерации.

Официальные сайты оценивались по 300 параметрам с позиции полноты, актуальности, доступности размещенной информации. Эксперты ИРСИ отмечают, что названные сайты становятся более информативными, но в целом, ситуация меняется незначительно [3].

Исключительно значимой, наряду с оценками экспертов отечественных и зарубежных организаций, является оценка населением, региональным сообществом информационной открытости власти, так как речь идет о конституционном праве граждан на свободу «искать, получать, производить и распространять информацию любым законным способом» [4, ст. 29].

Доступ к информации государства – право гражданина, поскольку информация собрана на деньги граждан, содержит сведения о гражданах, служит для принятия политических, социально-экономических решений гражданами.

Результаты социологического исследования, проведенного в Тюменской области, свидетельствуют, что уровень информированности населения о конкретных действиях и решениях власти по Югу Тюменской области составляет 13%, по ЯНАО и ХМАО соответственно 6% и 7%. Об антикоррупционных мерах осведомлены в среднем по Тюменской области 3% населения, о национальных проектах – 15%, реформах ЖКХ – 12,2%, развитии социальной сферы – 29,7% респондентов.

Ограниченность информации в целом и, особенно, информации о реализации решений органов управления отражается на доверии к институтам власти. Лидерами доверия являются губернаторы субъектов Федерации Тюменской области, суды, правительство и прокуратуры. За период с 2006 по 2009 год значительного уровня роста доверия населения Тюменской области к институтам власти не произошло [5].

Действенная информационная политика органов государственного управления возможна на основе открытости системности, равенства интересов социальной ориентации.

Одним из направлений государственной информационной политики является производство и распространение информации о стратегических проектах, разработках, имеющих государственное значение. Производство информации, определение информационной стратегии творческого комплекса; технологии и организация обратной связи начинается с периода инициации проекта. Информационная открытость позволяет последовательно реализовать уведомительную, контрольную, управленческую функции и функцию организации обратной связи информационного процесса. Алгоритм

информационного процесса сопровождения проектов предполагает наличие общественного обсуждения проекта, выявление достоинств, негативных последствий, угроз и т.д. Информация о разработке проекта, инициаторах, авторах также должна быть открыта.

Системный подход к информационному сопровождению проекта выражается в использовании широкого спектра коммуникационных технологий (паблик рилейшнз, паблисити, пропаганда) и тиражировании информации в печатных, электронных СМИ, интернете, кинопроектах и т.д. Организация обратной связи позволит внести коррективы в информационную политику.

Примечание

1. Конституция Российской Федерации [электронный ресурс]. – <http://www.constitution.ru>

2. Официальный сайт «Института развития свободы информации» [электронный ресурс]. – <http://www.svobodainfo.org>

3. Официальный сайт Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай» [электронный ресурс]. – <http://www.altaiinter.info>

4. Федеральный закон Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // Российская газета. – **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** – 13 февраля 2009 г. [электронный ресурс]. – <http://www.rg.ru/2009/02/13/>

5. Социокультурный портрет Тюменской области. – Тюмень, 2011. – 356 с.

О ПРОЕКТАХ ОСВОЕНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ РОССИИ

Лужков Ю.М., профессор Международного университета в Москве

Утверждения специалистов, изучающих проблемы мировой экономики, мировых ресурсов, в особенности, проблемы воды, ее распределения, достаточности или нехватки, остро обозначают актуальность и остроту этой водной проблемы.

Возьмем Россию. Страна имеет 24 % от мирового потенциала пресной воды. Казалось бы, что все благоприятно. Но весь этот запас воды рассредоточен по территории страны неравномерно, что вызывает проблемы и не может не тревожить. Когда мы говорим о таких областях, как Оренбургская, Челябинская, Курганская, юг Тюменской области и многие другие, то мы наблюдаем ситуацию, при которой в этих областях, несмотря на то, что есть Тобол, Обь, Иртыш, в этих областях сельскохозяйственное производство, не говоря о промышленности, является нестабильным из-за отсутствия стабильного обеспечения нормальной, чистой водой. В том числе, питьевой водой для населения! При наших-то запасах воды вот такая неожиданная ситуация.

Или возьмем нашу центральную Россию – ее европейскую часть. Наблюдаем громадный дефицит и, соответственно, острую потребность в чистой воде.

На меня могут посмотреть, как на неадекватного человека. При таком количестве рек и других водоемов мы ослабили потенциал поливных сельскохозяйственных угодий. Резко уменьшилась мелиорация. Из того объема мелиорированных земель, что было у нас, дающих из года в год, независимо от того, засушливый был год или нет, стабильный урожай, у нас осталось, может быть, процентов пятнадцать от наследия советских времён, хорошо работающих, эксплуатируемых мелиорированных земель.

У нас появились засушливые районы даже в европейской части страны. Весь Кавказ, несмотря на то, что там есть Дон, Терек испытывает грандиозный дефицит воды. А это – проблемы сельскохозяйственного производства, растениеводства, животноводства. Потому что, весь этот дисбаланс связан с водой.

Если отойти от проблем России к мировой ситуации, то надо констатировать, что она очень тяжелая. Мы знаем о больших спорах, которые ведутся между Канадой и США по воде. Желание США провести крупный водовод от границы с Канадой на юг страны наталкивается на осторожные сомнения канадской стороны в правильности этого решения.

Можно говорить и о грандиозных водных проектах, которые, к сожалению, реализуются не у нас, а в том же Китае, который с юга на север решил перебросить 45 кубокилометров воды в год. Три мощнейших линии поставки воды обеспечат значительное расширение сельскохозяйственного производства, промышленности, сказывается на человеческом факторе, перераспределяя население страны с учетом складывающегося водообеспечения.

Острая ситуация и в Центральной Азии. По-настоящему критическая. Баланс водных ресурсов всегда было больной темой. И до революции, и в Советском Союзе, и этот вопрос особенно обострился сейчас. Почему?

Источником водоснабжения для этого региона остается Иртыш, Сырдарья, Амударья. По сути, больше там ничего другого и нет. Что происходит? Китай, имея избыток населения, ставя задачу рассредоточения его по стране, не только строит вышеуказанные каналы, но и принял решение мелиорировать земли в Уйгурском автономном округе с переселением в урочище Урумчи большого количества граждан из других регионов страны.

Для этого нужна вода. Причем, из Черного Иртыша. Больше её брать нигде. Из 9 кубокилометров стока этой реки на границе с Казахстаном они собираются отобрать для собственных целей на мелиорацию 8 кубокилометров. А это значит, что полноводная в этом месте река превращается в ручей со стоком в один кубокилометр!

Конечно, это резко осложняет ситуацию в Казахстане. И в России, кстати, тоже, потому что маловодный Черный Иртыш, а потом уже Иртыш, приходит в страну тоже маловодным. И на большом протяжении реки она становится несудоходной. И не может быть использована в привычном ключе, традиционном для нашей страны. Или Амударья. Она течет по границе между Таджикистаном и Афганистаном. Она сейчас в значительной степени обслуживает северную часть территории государств Центральной Азии.

Стабилизация ситуации в Афганистане является целью и самого этого государства, и многих других, той же России, в частности. А сейчас еще и стран НАТО, США. И эта цель рано или поздно будет достигнута.

При переходе на мирную жизнь и подъеме собственной экономики Афганистан отберет из Амударьи на собственные нужды примерно 10 кубокилометров воды. И тогда в странах Центральной Азии мы получим просто ужасающую ситуацию. Будет еще большее обмеление и неотвратимое исчезновение Арала.

Нас будет волновать кризис населения, которое при отсутствии воды не сможет там находиться. Или будет вымирать, или мигрировать. Куда? В Афганистан? Нет. В Иран? Нет, несмотря на то, что Таджикистан и Иран близкие страны. Они привычным путем пойдут в Россию. Как и узбеки.

Если прирост населения Казахстана будет развиваться сегодняшним темпом, то промышленность не удовлетворит рабочими местами население страны. Им нужно решать вопрос либо миграцией, либо решать водную проблему.

Если вернуться к вопросу о подаче части стока сибирских рек в страны Центральной Азии, то надо понимать, что холодный, но полноводный север имеет избыток воды, а южная часть холмистого и очень плодородного плоскогорья имеет колоссальный дефицит воды. При этом два года из трех наблюдается засуха, т.к. это – зона рискованного земледелия, что не дает возможности развернуться в хозяйственном плане.

Это мы видим не только в южных районах Западной Сибири, но и в более южных Казахстане, Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане.

Возникает необходимость вернуться к давно известному проекту подачи воды из сибирских рек, которое было принято к реализации еще в 1912 году, потом получало подтверждение в двадцатых, тридцатых годах прошлого века, реализации которых помешала война. Но тема осталась актуальной. Объективная необходимость решения её, хотя бы для исключения значительных миграционных потоков.

И сегодня политики говорят, чтобы победить миграцию надо предоставить рабочие места гражданам этих стран на своей земле. Для этого надо обеспечить эти страны и примыкающие к ним наши территории водными ресурсами. Никаких других возможностей нет! Потому что это сельское население, в первую очередь, преобладающее в этих странах. И для его занятости нужны поставки воды для сельскохозяйственного производства.

Но и ни одно промышленное предприятие не может функционировать без достаточного количества воды.

И население нуждается в пригодной чистой питьевой воде. А в том регионе, как правило, в наличии подсоленная вода непригодная ни для питья, ни для животноводства и растениеводства.

Местные ресурсы воды незначительные. Для этого региона земного шара нужна большая вода. Тем более, когда реки, все время бывшее источником водоснабжения, уже в ближайшее время (Черный Иртыш) и в отдаленной

перспективе (Амударья) еще в большей степени уменьшат водный потенциал этого региона.

Если бы сегодня был этот канал, то Тюменская область могла бы уже сейчас решить проблему заболоченности северо-западной части своей территории. Она обводнена и покрыта болотами, которые простираются на сотни километров. Эти болота глубиной до двух метров. И по этой причине вся эта территория не может быть освоена, являясь перспективнейшей нефтеносной территорией нашего государства.

И канал, о котором мы говорим, позволил бы убрать излишки этой воды и освободить грандиозные территории для добычи нефти.

И еще один немаловажный фактор. Сегодня Северный Ледовитый океан за счет объективного потепления климата уже является опасным для экологии, в первую очередь, для животных

Сейчас это уже не привычная нашему представлению ледяная территория, на которой размещаются полярные станции. Уже невозможно уверенно и точно проводить исследования на плавучих льдинах. Изменяется экологический баланс не только этого арктического региона, но и земного шара в целом. Вот так, в том числе, конечно, влияет на систему стоков сибирских рек.

Сток Оби составляет 365 кубокилометров воды в год. Проект, далеко не китайских масштабов, предполагал взять из этих грандиозных объемов 25 кубокилометров и направить их на юг через пригорочек высотой 107 метров. Далее на значительные расстояния вода пойдет естественным стоком.

С технической точки зрения это – абсолютно выполнимая задача. С экологической точки зрения это – необходимейшая задача. С геополитической точки зрения это – абсолютно полезное дело. С точки зрения стабильности и сокращения, и дальнейшего избежания миграционных потоков

При этом в России остается 5 кубокилометров (20% объема), а все остальное можно продать. Поскольку вода уже становится товаром по дефицитности не уступающим, а во многом, превосходящим даже дефицитность нефти и газа. Почему? Вода является одним из тех обязательных и необходимых элементов, обеспечивающих жизнеспособность населения. «Без воды – ни туды и не сюды!».

Наличеству и политический, и государственный аспект в решении этой проблемы. Мы, по существу, потеряли страну СССР после отказа от таких полезных проектов. Этот конкретный проект тысячекратно полезней проекта освоения целинных земель, который не был бесспорным в те времена, когда Хрущев предлагал осваивать целину. Тогда «антипартийная» четверка возражала против него, считая, что если те деньги, которые планировались на освоение целинных земель, направить на мелиорацию и механизацию сельского хозяйства в освоенных районах, то эффект по урожайности будет значительно большим, чем освоение целины без мелиорации на богарных землях.

Когда мы говорим о совпадении этих событий (одно – организационно-техническое, другое – политическое), то я, безусловно, ставлю знак равенства. Люди понимали, что нужно бороться с засильем коммунистической партии,

системой не только в политическом аспекте, но и останавливая развитие страны. Когда люди совершенно неграмотные с точки зрения постановки этой задачи стали выступать (писатель Залыгин, экологи), они были поддержаны обществом, которое через этот проект решило найти способ бороться с системой, коммунистической властью.

Бороться нужно было, наверное, но не таким способом. Это – полезнейший для нашего государства проект.

Сегодня 11 миллионов мигрантов в современной России. Причина – миграция из среднеазиатских республик (не будем касаться миграции из Китая). И это – проблема. Когда мы говорим о стабильности этого региона, то понимаем, что это уже геополитическая, военно-стратегическая задача.

Конечно, мы должны создать условия, когда население этого региона жило бы нормально и не стремилось куда-то переезжать. А это же тоже – грандиозный дискомфорт для людей.

Поскольку мы находимся в рыночной экономике, то, кроме преимущества в геополитике, региональной политике, стратегических направлениях, военно-политических направлениях, именно экономическое преимущество является абсолютным. Почему?

Сегодня стоимость воды разная и колеблется от 20 центов до 1 доллара за кубометр воды. Продавая 20 кубокилометров в год в страны Средней Азии, мы за четыре года окупаем проект! Нет другого проекта в современной России эффективнее этого. Всего лишь часть весеннего стока (5-6 процентов от общего объема), который и так сбрасывается в океан, направить на южную территорию России, а затем и далее в соседние государства, получая за это средства, быстро окупающие проект.

При сегодняшнем современном оборудовании (новейшие насосные станции), современных технологиях прокладки каналов можно исключить экологический фактор, как главную причину, по которой такие деятели как Данилов-Данильян нанесли грандиозный урон нашей стране, пригласив современное руководство нашего государства еще раз отказаться от этой темы.

Лидер Казахстана Назарбаев Н.А. хорошо понимает важность этой задачи. И не только для Казахстана, которому из 25 кубокилометров нужно 7-10 для нужд и развития сельхозпроизводства и промышленности. Он понимает необходимость, прежде всего, для среднеазиатских стран в поставке воды, потому что стабильность в тех странах важна. Назарбаев, как один из умнейших лидеров современности, а не только того региона, очень хорошо это понимает. Он уже три раза делал предложения российскому руководству о необходимости этого проекта.

Еще одна деталь. У нас есть реки Волга и Урал. Что с ними сейчас происходит? Изменения климата очень сильно повлияли на реку Урал. Она мелеет и стала абсолютно непригодной для использования в сельскохозяйственных целях, т.к. стала грязной рекой. В фильме «Чапаев» герой переправлялся вплавь по реке. Сейчас он бы не утонул в ней. Ее можно перейти вброд.

Аральское море составляет сегодня 25% от того моря, к которому мы привыкли. Освобождение этой территории от воды привело к возникновению бурь, которые поднимают громадное количество песка, соли. Оно разносится по плодородным землям. Мы однажды зимой увидели в Омске выпавший желтый снег и испугались. Специалисты объяснили, что песчаная буря с Арала подняла слои песка и соли, которые упали за многие сотни километров в Омске. И сильно попортили возможности местных сельхозугодий.

Когда северный сосед направляет в республики, которые исторически относятся к воде, как к богатству, приравненному к золоту, когда сосед дает им доступ к воде, то отношение и значимость, авторитет северного соседа неизмеримо вырастает. Он уже базируется не на внешних проявлениях (ты меня уважаешь или не уважаешь), а на человеческой, экономической, хозяйственной и жизнеподтверждающей зависимости друг от друга.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВОМ РЫНКА ЗЕРНА В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

*Макашева Е.Д., к.э.н., доцент, Казахстанский университет «Алатау»
(г. Алматы)*

Экономика Казахстана, как и практически всех государств мирового сообщества, вступает в новую фазу своего развития. Данный этап характеризуется, прежде всего, глобализацией экономических отношений, острым повышением степени конкуренции на рынке. В этих условиях, особую роль будут играть отрасли, имеющие экспортоориентированный характер. В частности зерна. Производство зерна за последние годы стабилизировалось и имеет тенденцию к увеличению. Увеличивается экспортный потенциал, снижается уровень импорта некоторых видов продовольствия, растет оснащенность оборудованием и сельхозтехникой. Тем не менее, проблем в зерновом бизнесе немало: это перепроизводство основной экспортной культуры пшеницы; это необеспеченность мощностями подработки, сушки и хранения; отсутствие какого-либо экономического механизма организации производства, подработки и хранения выращенной продукции; страхования выращенной продукции.

Решающими факторами в этом вопросе будут являться эффективные методы управления отраслью со стороны государства, новые подходы к организации производства и реализации, применение достижений научно технического прогресса.

Серьезная проблема для сельхозтоваропроизводителей – обеспечение сохранности не только товарных ресурсов, но и семенных и фуражных фондов, оставляемых в хозяйствах. Складская емкость за последние годы уменьшилась, оставшихся только 70% приспособлены к долговременному хранению, зерноочистительное оборудование малопроизводительное и устаревшее. По этой причине на токах происходит обезличивание партий зерна, теряется качество, увеличиваются потери, и, в конечном итоге, снижается

эффективность его производства и реализации. Производственные мощности элеваторов недостаточны для комплексного грузооборота зерна, о чем свидетельствовало ситуация в зерновом бизнесе этого года.

В связи с этим возрастает необходимость исследования эффективности функционирования хозяйственного механизма зернового рынка, пропорционального соответствия производства и потребления зерна и зернопродуктов, особенностей формирования ценового механизма, выявления межотраслевых и межхозяйственных диспропорции цен, обоснования приоритетных направлений устойчивого развития зернового хозяйства.

Зерновой рынок без государственного вмешательства превращается в арену реализации частных и корпоративных интересов. Рынок монополизирован крупными торговыми и финансово-промышленными компаниями путем поглощения не только мелкого и среднего посреднических звеньев, но и непосредственных производителей зерна.

Зерновой рынок не образует целостной, сбалансированной системы экономических отношений хозяйствующих субъектов. Особую актуальность приобретают сложившиеся отношения производителей зерна с хлебоприемными и зерноперерабатывающими предприятиями. При нынешних расценках весь спектр услуг, оказываемых элеваторами по хранению, подработке и сушке, включая рефракционные вычеты, оборачивается товаропроизводителю потерей более 40% объема зерна, сданного на хранение. Все это вынуждает многие сельскохозяйственные предприятия отказаться от услуг элеваторов и приспособивать для хранения, имеющиеся складские помещения.

Казахстан располагает благоприятными природно-климатическими и организационно-технологическими особенностями при производстве зерна, необходимыми для выращивания больших объемов товарной пшеницы сильных и твердых сортов, высокого биологического качества с большим содержанием белка и клейковины, входящей в зерне пшеницы, соответственно, от 18-20% до 38-40%, в связи с чем и определяется роль республики в мировом разделении труда, как производителя сильной и твердой пшеницы.

По данным Агентства РК по статистике в 2009 году вся посевная площадь сельскохозяйственных культур составляет 21 624,3 тыс. га, что на 1 642,2 тыс. га или 8,2% больше уровня 2008 года. Общая площадь весеннего сева составила 18 349,3 тыс. га, что на 877,3 тыс. га больше прошлогоднего уровня. Зерновые культуры (с учетом сохранившихся площадей озимых культур) размещены на площади 16 934,5 тыс. га, что на 744,2 тыс. га или 4,6 % больше уровня 2008 года, в т.ч. яровые зерновые – 16 356,0 тыс. га, что на 734,5 тыс. га больше чем в прошлом году.

Пшеница посеяна на площади 14 484,5 тыс. га, что больше, чем в 2008 году на 996,0 тыс. га, из них яровая пшеница – 13 948,4 тыс. га (больше на 961,1 тыс. га); кукуруза на зерно – 100,8 тыс. га (больше на 2,3 тыс. га); рис – 85,3 тыс. га (больше на 9,6 тыс. га). Расширены посевные площади тех культур, по которым имелся дефицит сырья на внутреннем рынке. В частности, масличные культуры

размещены на площади 1 074,9 тыс. га, что на 169,5 тыс. га больше чем в прошлом году. Площади возделывания риса увеличились на 9,6 тыс. га, картофеля – на 5,5 тыс. га, сахарной свеклы – на 0,1 тыс. га, плодово-ягодных культур – на 5 тыс. га, винограда – на 0,8 тыс. га. Динамика производства сельскохозяйственной продукции показывает устойчивую тенденцию роста.

В 2009 г. в Республике Казахстан собрано 20,8 млн. тонн зерновых и зернобобовых культур в весе после доработки, из которых 81,9% составила пшеница (17 млн. тонн). Об этом 30 декабря сообщило Агентство РК по статистике. Средняя урожайность зерновых в Казахстане в 2009 г. составила 12,6 ц/га, пшеницы – 11,9 ц/га [1].

Собранный урожай необходимо сохранить до реализации зерна но, из-за дороговизны услуг хранения зерна на элеваторы и перерабатывающие предприятия, становится одной из главных причин роста расценок на их услуги и потерей зерна. Это вызывает необходимость приведение емкостей зернохранилищ в сельской местности в соответствие объемам валового сбора зерна. Расширение сетей зернохранилищ можно было бы осуществлять путем строительства зернохранилищ модульного типа на отечественных предприятиях или же строительством капитальных элеваторов соответствующий объемом производства. Изготовителям таких зернохранилищ должны предоставляться налоговые льготы, а сельским товаропроизводителям, приобретающим их – государственные субсидии.

С учетом выявленных внутриреспубликанских потребностей общий объем производство муки в республике может составить ближайшей перспективе 2684,0 тыс. т. Объем перерабатываемого сырья на мукомольных предприятиях при этом до 3624 тыс. т. или почти в 1,5 раза [2]. Как вариант в целях защиты интересов крупнотоварным зернопроизводящим хозяйствам необходимо организовывать региональные ассоциации, объединяющие на кооперативной основе первичных товаропроизводителей, а также предприятия, осуществляющие хранение и переработку зерна. Перспективной формой реализации зерновой политики в стране должны стать государственные целевые товарные объединения, которое, предусматривает совместную деятельность участников рынка и эффективную реализацию их потенциальных возможностей для увеличения объемов производства и реализации зерновой товарной продукции. В таком случае финансовый механизм предполагает меры по поддержке отечественных производителей зерна через стимулирование производства зерна по гарантированным ценам.

Примечание

1. Сельское, лесное и рыбное хозяйство Казахстана: Статистический сборник / Под ред. Ю. Шокаманова. – Астана, 2009. – 231 с.
2. Зерно Республики Казахстан (экономика, организация, рынок) / Ковалев А.Е., Никитина Г.А., Макашева Е.Д. – Алматы, 1993. – 180 с.
3. Герберт Н. Кессон. Аксиома бизнеса. Как делать бизнес в Европе. – Минск, 1995. – 425 с.

РЕКА В ЖИЗНИ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО СЕВЕРА

Макашева С.Ж., д.филол.н., профессор кафедры ГМУиП ТюмГАСУ

Разветвленная система сибирских рек определила многое в жизни русских старожилов Обь-Иртышского Севера. Освоить Сибирь на языке первопроходцев означало «вывершить» ее реки, т.е. продвигаться от низовий к верховьям, как и было при заселении Западной Сибири: ее пространство «покрывала» мощная Обь с не менее мощными притоками, их верховья терялись далеко на юге и юго-востоке. «...*Реки пространья и прекрасныя зело, в них же воды сладчайшии и рыбы различныя множество*» – с нескрываемым восхищением пишет о реках «Сибирьстей страны» ее первый официальный летописец Савва Есипов, дьяк Тобольского архиерейского двора, отдельно характеризуя рыбные богатства главной реки: «А в Оби реки рыба осетр, стерлядь..., нельма, тоймень, шокур, пелеть, сиг и всякая белая рыба, oprичь леща, головля, судока» (Есиповская летопись написана к 1637 г.) [3, с. 44, 76].

Становление русского старожильского населения в Сибири происходило с конца XVI в. Поход дружины Ермака (1581) положил начало присоединению к Московскому государству Сибири, ее последующей колонизации. На Обском Севере создавались опорные пункты русского заселения края – города-остроги Березов (1593), Сургут (1594); в низовьях Оби с 1595 г. Обдорск (нынешний Салехард). Города, выполнявшие административно-военную функцию на «ясачной» территории, располагались по берегам Оби в стратегически значимых местах. В тазовской тундре была основана Мангазея (1601 г.), она, поставлявшая «мягкую рухлядь» (меха), в 30-40-е гг. XVII в. утратила свое значение в связи с «испромышлением» соболя и запретом «мангазейского морского хода»; русские не оседали здесь, в этом перевалочном пункте движения на восток в поисках пушных и ясачных земель. Ядро русского старожильского населения Обь-Иртышского Севера исторически сложилось из потомков «служивых», прежде всего – казаков (они составили «городовые» команды Березова, Сургута, несли годовую службу в Обдорске, на Собской, Кыртасской заставах), из выходцев с Русского Севера (Поморья), Верхнего Поволжья и Среднего Урала, а также ямщицких семей. К 1637 г. на Обь-Иртышском Севере основаны центры ямской «гоньбы» – Демьянский ям (у впадения Демьянки в Иртыш) и Самаровский ям «на правом берегу Иртыша, верстах в 20 от впадения его в Обь». Сельские поселения вырастали из «станков» – станций, основанных по берегам Оби и Иртыша ямщиками для исполнения транспортно-почтовой службы.

У русских старожилов по мере обживания Обского Севера сложились определенные традиции хозяйственно-экономической культуры, расположения поселений, жилых строений и хозяйственных построек – во многом в связи с особенностями северного «вмещающего ландшафта». Для него характерна заболоченность местности, затопляемость громадных площадей в долинах рек и притоков этого громадного бассейна; сравните по описанию: «Хлеб здесь не

сеют, потому что берега Иртыша часто затопляются водой» (с. Реполово, южнее с. Самарово – ныне здесь расположен Ханты-Мансийск) [9, с. 4]. В бассейнах рек Обь-Иртышья русские города (Березов, Сургут) и крестьянские селения (Самарово, Реполово, Елизарово и др.) располагались ближе к реке, к водотопким местам, к пойменным лугам. (Здесь принято называть низменные места, затопляемые при разливе рек, «сорами», при спаде воды они образуют обширные луга – пастбища для домашнего скота и сенокосные угодья [12, с. 14].) Жилые дома ставили на «коренном» берегу – на приречных незатопляемых возвышенностях; на языке старожилов – «материковая», «увальная» земля [12, с. 16]. Хозяйственные постройки для содержания домашнего скота (коров, лошадей, овец) у старожилов Обь-Иртышья перестали быть придомовыми, как это имело место на Поморском Севере, где подклет (первый этаж двухэтажного дома) часто предназначался для содержания скота, создавая тем самым естественный обогрев верхним жилым комнатам. На Обском Севере скотные дворы («загороди», «загоны» [см.: 6, с. 41, 64; 2, с. 28]) выносились к реке. Они располагались ближе к водопою, пойменным лугам, поскотине – выгону для скота. На такое расположение обратили внимание исследователи Обского Севера Н.А. Абрамов и С.П. Швецов: «...хлевы и загоны для скота строятся за деревню, и потому в деревнях улицы чисты» (Березовский уезд, середина XIX в.) [1, с. 360], «...скотина при доме не держится, поэтому чистота и опрятность» (Сургутский округ, 1880-е гг.) [13, с. 64]. В XVIII в. жители Березова, по описанию Г.Ф. Миллера (1740), амбары ставили также за городом, «вдоль берега реки», для «большей безопасности от пожаров»; в них хранили «продукты и другое добро и имущество», предназначенное для семейных нужд и торговли с коренным населением.

Скотные дворы (конюшни, хлевы, «стайки», навесы с прилегающими загонами) сосредотачивались у реки и в селениях, и в городах Обь-Иртышья: «Скот содержат в особых загородах – «в огородах», на навозе, отдельно от домов» (с. Реполово, нижнее течение Иртыша, конец XIX – начало XX в.) [9, с. 4], «В Сургуте загоны устроены частью же за городом, в последних скот содержится осенью и весной» (начало XX в.) [2, с. 28]. С.П. Швецов отмечает еще один фактор такого расположения скотных дворов: старожилам легче было убирать навоз, который сбрасывался в реку, подмывался и уносился речным потоком (Сургутский уезд, 1880-е гг.) [13, с. 64]. Удаленность от жилых построек диктовала необходимость огораживать скотные дворы (отсюда и название хозяйственного комплекса – «загороди»): «Несколько дальше расположены скотные дворы, которые состоят из небольшого места, обнесенного оградой, где имеются 1-2 стайки для коров и для молодого скота, а то и просто навес» (Соровые юрты по реке Демьянке, 1888 г.) [7, с. 24]. Верхнее перекрытие стайки представляло настил из жердей, на него метали сено, оно служило «защитой от холода» и шло «на корм для скота» (г. Сургут, начало XX в.) [2, с. 28]. Такой способ сохранения запасов сена объясняется традиционным расположением старожильческих «загородей» в водотопких местах, с учетом весьма подвижного уровня речной воды; сравните с описанием приречных скотных дворов жителей с. Самарова (1870-80-е гг.) у немецких ученых-

путешественников этнолога Отто Финша и зоолога Альфреда Брема: «Непосредственно у воды возвышались грубо сложенные из бревен четырехугольные постройки, крыши которых состояли из высоких стогов сена. Это были хлевы для скотины, теперь однако пустые, потому что в разлив многие из них были залиты водою» [11, с. 318].

Посреди таежной чащобы, болот и тундры основными транспортными магистралями были русла рек и их притоков. По ним доставлялись необходимые для жизни припасы, отсутствующие на Севере; сравните описание г. Березова в записках княгини Натальи Борисовны Долгоруковой, сосланной в северный городок в 1730 г., дамы светской, воспринимающей эти места, разумеется, как чужие для нее: «...маленький городок, который сидит на острове; кругом вода... <...> ...зимы 10 месяцев или 8, морозы несносные, ничево не родитца, ни хлеба, никакова фрукту, ниже капуста. Леса непроходимые да болоты; хлеб привозют водою за тысячу верст. До таково местечка доехали, что ни пить, ни есть... нечево; ничево не продают, ниже калача; тогда я плакала, для чего меня реки не утопили или не залили» [8, с. 100]. Летом по северным рекам перевозили на «дощаниках» грузы, велись пассажирские перевозки на лодках-«каюках». (Первые пароходы появились на Оби во второй половине XIX в. Каюк – парусно-гребная беспалубная крытая лодка, с несколькими парами весел, кормовым веслом и мачтой с парусом. Торговый каюк в длину доходил до 15 метров.) Зимой почтово-багажный и товарно-транспортный путь от Тобольска до Обдорска большей частью пролегал по замерзшему руслу рек. Река давала заработок, и не только на рыбных промыслах, но и в пассажирских перевозках.

В северной старожильческой семье взрослые мужчины около 6 месяцев, по подсчетам С.П. Швецова, проводили на артельных промыслах [13, с. 53-54]. Постоянная занятость мужчин на доходных рыбных промыслах высвободила для женского труда такую сферу мужского заработка, как работа гребцами на почтово-пассажирских лодках-каюках, курсирующих по речным магистралям Обь-Иртышского бассейна; гребцами преимущественно трудились девушки, зарабатывая на приданое, отмечает И.Я. Неклепаев [6, с. 165]. На Обском Севере русская женщина умела управлять не только домашним хозяйством, но и лошадьё и лодкой, она умела рыбачить и, если возникала крайняя необходимость, расставлять «силки» и «караулить» на ближайшем рыболовном «чердаке» [13, с. 53-54]. С открытием парового движения по Оби у старожилов возникла возможность другого заработка. Мужчины заготовливали и продавали дрова для пароходов, так, только в Сургутском уезде в начале XX в. дрова заготовливали для пристаней Покур, Локосово, Сургут (с деревней Пилюгина), Тундрино, Лямин, Сытомино [10, с. 17]. Женщины на пристанях сбывали выпечку, рыбу и дичь в расчете на скромный приработок. Вот, к примеру, отзыв путешественника о с. Самаровском, извлеченный Х.М. Лопаревым из «Вестника Европы» за 1891 г.: «...рыба разных пород, утки, молоко, грубый полубелый хлеб – вот... «продажа», с которой самаровские женщины приближаются к пристани в ожидании парохода» [5, с. 94].

Обь-матушка, Иртыш-батюшка «поили и кормили» старожилов, доставляя им средства к существованию, благосостояние на рыбных промыслах (наряду со службой и торговлей). Старожилы рыбачили наособицу («сами по себе»), «сбивались» в небольшие местные артели (улов делился по «паям», по количеству работников) или нанимались за определенную плату в «промышленные» рыболовные артели – большие, ведущие лов громадными неводами. Занимались промыслом в окрестных реках и озерах, в промышленных рыбных районах у Обдорска (нижнее течение Оби), вокруг Березова (и по Северной Сосьве), Сургута, Самарова, по нижнему течению Иртыша. Рыба на Обском Севере была дешевле хлеба. Ценные породы – осетр, стерлядь, муксун, нельма – являлись объектами товарного промысла, как и сырок, сельдь. Рыбный лов определял трудовой календарь мужчин-старожилов. Интенсивным был летний лов. Часто случалось, что мужчины в летнюю страду лишь начинали сенокос (обычно после Ильина дня), оставляя его завершать женщинам и подросткам: в это же время начинался и лов «проходной» рыбы. Осенью (в предзимье) старожилы увеличивали запасы рыбы для домашнего стола при «заморах». Речная вода портилась, в ней исчезал кислород, рыба (ее старожилы называли «духовой») шла к чистой воде – к «живунам», где ее и вылавливали [10, с. 11]. После ледостава начинался зимний лов.

Северные реки, богатые рыбой, в прямом смысле были для старожилов «непашенных» Березовского и Сургутского уездов «кормящей» территорией, определяя их пищевой рацион, предоставляя корм для домашнего скота. Разнообразным в течение года был рыбный стол старожилов: различные виды ухи, рыбных пирогов, паровая, жареная или запеченная в сметане рыба, соленая рыба, в том числе и сельдь, блюда из икры, студни; рыба употреблялась сушеной, вяленой и копченой, замороженной, свежей, т.е. парной (сыроедение рыбы). Характеризуя с высоким удельным весом рыбных блюд традиционную пищу старожилов Сургутского округа, С.П. Швецов сообщал: «Рыба и кирпичный чай – ее основа, если не считать, разумеется, хлеба. Рыбу употребляют во всех видах, начиная с сырой... и кончая всякими пирогами и другими рыбными печеньями. <...> Обед – варево со щукой и рыбный пирог. <...> Многие заменяют обед чаем с рыбным пирогом или шаньгами на масле или рыбьем жире» [13, с. 68-69]. На рынок и для домашнего стола помногу заготавливали рыбьего жира и икры. В зимнее время русские закупали замороженный жир и у коренных жителей Обского Севера. Осетровый жир считался «лучшим и чистым» [1, с. 410]. По наблюдениям С.П. Швецова, жившего на севере и хорошо знавшего быт сургутян (вторая половина XIX в.), старожилы рыбий жир, имевший по обыкновению «отвратительный запах», употребляли в большом количестве, компенсируя потребность «организма в углеродистых соединениях» в условиях «чрезмерной суровости климата» [13, с. 69]. На рыбьем жиру готовили жаркое, пирожки и шаньги, его добавляли даже в каши, наряду с коровьим маслом [13, с. 69].

Жизнь русских северян на реке, бок о бок с автохтонным населением, привело к тому, что в рацион русских еще на ранних этапах заселения Обь-Иртышского Севера вошла на равных правах с национальной кухней

«инородческая пища» [4, с. 194] – блюда и лакомства, основа которых – свежемороженное мясо рыбы или оленя, а приправа – соль. Русские старожилы Обь-Иртышья считали, что потребление этих блюд, как и вообще соленой рыбы, «предохраняет от цинги» [13, с. 68]. Сыроядение парной рыбы с солью старожилы Сургутского уезда называли «сорганкой» [13, с. 68]. Зимой, сообщает С.П. Швецов, кушали «патанку» – мороженое сырое филе рыбы (стерляди, муксуна, нельмы), обычно употребляемое с солью [13, с. 68]. «Патанка» – хантыйское наименование блюда из сырой мороженой рыбы или мяса оленя, у хантов рыба нарезалась кусками. Такое же национальное блюдо (чаще из сырого муксуна и нельмы) у манси называлось «нярхул»; мясо лосося, священного животного, ханты и манси в строганине не употребляли. У русских старожилов традиционные блюда аборигенов получили общее наименование «строганины» («струженины», «строганки») – по способу приготовления: старожилы-сургутяне «стружениной» называли, по наблюдению С.П. Швецова, приготовленное «тоненькими ломтиками» филе мерзлой рыбы, т.е. нарезанное стружкой [13, с. 68]. Для строганины использовалось свежее, почти парное мясо рыбы или оленя, схваченное морозом; его посыпали солью или макали в соль – «маканину». Лакомствами старожилов становятся другие местные рыбные блюда. Это «варка» – очищенные рыбы брюшки и кишки, уваренные в рыбьем жиру до густой массы [4, с. 186], и «позёмы» – хребты муксунов, прожаренные летом на солнце [1, с. 333].

По наблюдениям С.П. Швецова, жители Сургутского округа (конец XIX в.) «говядину и баранину употребляют редко, только по большим праздникам» [13, с. 69]. Как же покрывалась потребность в мясе? Жители Березовского и Сургутского уездов разводили свиней в небольшом количестве, «на сало» [11, с. 321]; в середине XIX в., по подсчетам Н.А. Абрамова, в дворах по Березовскому округу насчитывалось обычно к осени около 200 свиней. Из домашней птицы держали только кур-несушек [1, с. 406]. Их содержание из-за дорогостоящего на севере зерна, крупы признавалось нерентабельным. И здесь на первом месте опять была река, ее рыбные и иные богатства. Кур-несушек откармливали «на крупе и рыбе» [2, с. 29], свиней зачастую кормили рыбой, отчего мясо приобретало неприятный привкус. (Впрочем, рыбой свежей, сушеной и соленой старожилы кормили весь домашний скот, в том числе и коров, охотничьих и ездовых собак – их на Севере было большое количество; сравните: «...сургутский скот часто кормят соленой рыбой...» [13, с. 18].)

Откорм гусей и уток «на зерне» был бы неподъемным, но здесь потребность обь-иртышских старожилов в птичьем мясе покрывалась полностью добычей боровой и водоплавающей птицы; сравните с описанием Н.А. Абрамовым традиционной пищи жителей Березова в середине XIX в.: «Горожане летом питаются, большею частью, рыбой и перелетною птицей, а зимою рыбою же, боровою птицею» [1, с. 365]. Диких уток и гусей добывали в огромном количестве ловлей. Птицеловством на реках Обского Севера занимались преимущественно старики и юноши. В прибрежных лесах, в камышах прорубались «просеки», водоплавающая птица добывалась при перелетах через просеки разного рода ловушками, «перевесами» (натянутая

сеть по лесной или камышовой просеке). Старожилы могли ловить «от 25 до 50 пар гусей и уток» за одну летнюю ночь (с. Самарово, вторая половина XIX в.) [5, с. 49]. Средняя городская семья (Сургут) добывала перевесами, по С.П. Швецову, за сезон не менее 100-150 уток [13, С. 53]. Дичь варили в похлебках и запекали, заготавливали впрок. Ее коптили, сушили на огне, вялили на солнце [5, с. 49], помногу солили, особенно утиное мясо (Сургутский округ, вторая половина XIX в.) [13, с. 54]. По наблюдениям С.П. Швецова, у русских старожилов Сургутского уезда во второй половине XIX в. два главных (и повседневных) жидких блюда – уха из щуки (в будни и постные дни) и похлебка из соленого утиного мяса в скоромные, будничные дни [13, с. 69].

Таким образом, система жизнеобеспечения русских старожилов Обь-Иртышья сформировалась благодаря северному образу жизни. Речная система Обь-Иртышья как органичная часть «вмещающего ландшафта» определила локальные черты и формы традиционно-хозяйственной и бытовой жизни русских старожилов этого региона: характер транспортных коммуникаций и хозяйственно-экономической жизни, расположение построек, специфику трудового календаря, основных занятий, особенности питания и многое другое.

Примечание

1. Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Записки Императорского русского географического общества, 1857. – СПб., 1857. – Кн. 12. – С. 329-448.
2. Дунин-Горкавич А.А. Состояние сельского хозяйства на Тобольском севере в 1912 году: Докл. 6-му Тобольскому губерн. аграр. совещ. 13-20 февр. 1913 г. – Тобольск, 1913. – 42 с.
3. Есиповская летопись (основная редакция) // Полное собрание русских летописей. Т. XXXVI. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / Отв. ред. А.П. Окладников и Б.А. Рыбаков. – М., 1987. – С. 42-48.
4. Западная Сибирь. Губерния Тобольская и Томская / Сост. М. Петров. – М., 1908. – 205 с.
5. Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. – Тюмень, 1997. – 264 с.
6. Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Омск, 1903. – Кн. XXX. – С. 29-230.
7. Патканов С.К. По «Демьянке»: Бытовой и экономический очерк // Отт. «Зап. Западно-Сибирского отделения географического общества за 1894 г. Кн. 16. Вып. 2, 3. – Омск, 1894. – С. 1-64.
8. Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой, дочери г. Фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. – СПб., 1992. – С. 100.
9. Скалозубов Н. От Тобольска до Обдорска: из путевого журнала // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1906. – Тобольск, 1906. – Вып. XVI. – С. 1-18.
10. Сургутский район Тобольского округа: геогр. и стат. описание / Сост. С.А. Куклин. – Тобольск, 1925. – 56 с.
11. Путешествие в Западную Сибирь доктора О. Финша и А. Брэма. – М., 1882. – 578 с.
12. Чугунов С.М. Природа и люди Сургутского края: (По наблюдениям лета 1913 года) // Естествознание и география. – 1915. – № 4. – С. 7-21; – № 5. – С. 27-45.
13. Швецов С.П. Очерк Сургутского края. – Омск, 1888. – 87 с.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ВОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР СТИМУЛИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО И РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ И ИХ СОХРАНЕНИЯ

Медведева Н.Г., к.э.н., доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ

Россия относится к тем немногим странам мира, которые владеют богатейшими запасами природных ресурсов, среди которых – водные ресурсы. Совокупный природоресурсный потенциал России в расчете на 1 жителя в 3 раза больше, чем в США, и в 7 раз больше, чем в Японии. Водные ресурсы относятся к возобновимым, исчерпаемым ресурсам. Значимость этого ресурса невозможно переоценить, поскольку он используется и как ресурс внутреннего потребления, и как ресурс материального производства (в строительстве, сельском хозяйстве, промышленности, сфере услуг). На территории страны – около 2,5 млн. рек и около 3 млн. озер, ресурсы которых относятся к пресным водам. После Бразилии Россия по запасам воды занимает 2 место [1]. В России 1/10 мирового речного стока (поверхностные воды). Кроме того, по гидроэнергетическому потенциалу Россия занимает 2 место после Китая, причем на территории от Урала до восточных окраин России приходится 90% гидропотенциала, используемого, к слову сказать, только на 36%. Две трети рек относятся к бассейну Северного Ледовитого океана. На Сибирь и Дальний Восток приходится две трети вод рек.

При том, что Россия обладает огромными ресурсами воды, эти ресурсы распространены по территории России неравномерно, что обуславливает довольно существенные диспропорции между объемами поверхностного стока и потребностями в воде по отдельным регионам. Особенно велика потребность в воде в регионах с высокой концентрацией населения, с высоким уровнем индустриального развития. Население, проживающее на территории Тюменской области, которую мы рассматриваем вместе с ХМАО-Югрой и ЯНАО, являются одними из самых обеспеченных водой жителей России.

Сегодня, в условиях обновления и совершенствования очередного технологического уклада мы сталкиваемся с проблемой истощения водных запасов, загрязнения водных объектов, с невозможностью восстановить эти запасы с помощью естественных, природных механизмов. Поэтому на современном этапе приоритетными задачами социально-экономического развития России являются экологоэкономические задачи, а именно:

- нормализация воздействия человеческой деятельности на окружающую среду;
- сохранение запасов природных ресурсов;
- эффективное и рациональное использование природных ресурсов.

Решить эти задачи, как представляется, можно решить при условии экологизации всей системы государственного управления, в том числе экологизации такого важного ее элемента как налоговая система.

Налоговая система является центральным звеном экономического механизма управления природопользованием. С помощью налогов государство

воздействует на поведение природопользователей через функции налогов – фискальную и регулируемую.

Водопользование в России облагается водным налогом, приоритетной функцией которого является регулирующая, которая находит отражение:

- в стимулировании водопользователей к осуществлению рационального и эффективного водопользования;

- в воспроизводстве водных ресурсов через реализацию мероприятий по охране и восстановлению водных ресурсов.

Водный налог был введен с 01.01.2005 [2], при этом был расширен перечень плательщиков налога, исключен из объектов обложения сброс сточных вод в водные объекты, увеличены ставки налога за забор воды из водных объектов и отменены налоговые льготы. Налог является федеральным, поступления которого в полном объеме зачисляются в федеральный бюджет по нормативу 100 процентов. Администратором водного налога является Федеральная налоговая служба.

В последнее время наблюдается снижение темпов роста водного налога по сравнению с другими налогами, в том числе к общей совокупности налогов, сборов и регулярных платежей за пользование природными ресурсами. Поступление водного налога в федеральный бюджет в 2010 году составило только 2% к ВВП, на 2011-2012 годы прогнозировалось в сумме 6053,0 млн. рублей (0,01% к ВВП) и 4573,0 млн. руб. (0,01% к ВВП) соответственно.

На *рисунке 1* отражены тенденции поступлений водного налога в федеральный бюджет за последние 3 года и прогнозы на 2012 год:

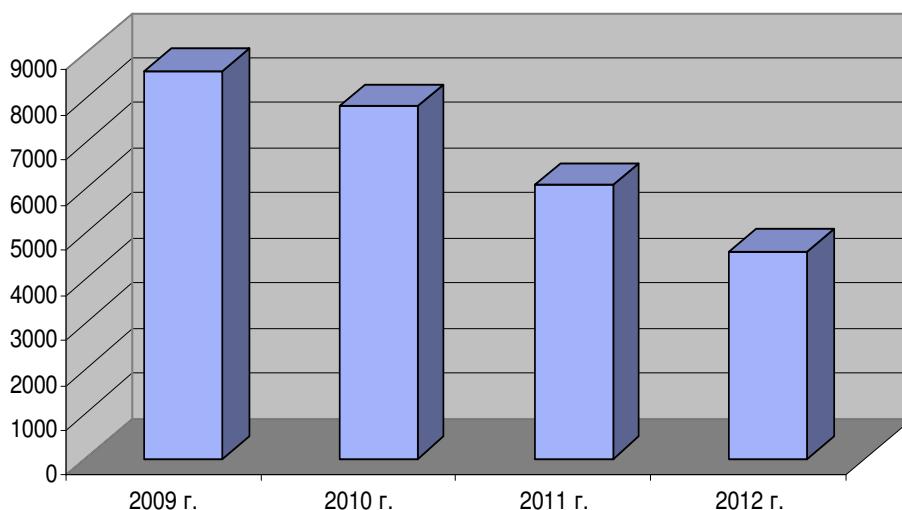


Рис. 1. Динамика поступлений водного налога в федеральный бюджет за 2009-2012 гг. (млн. руб.) [3]

Прогноз поступления водного налога рассчитывался на основе объемов водопользования, фактически сложившихся за предыдущие годы и уменьшенных на объемы водопользования по договорам, заключаемым водопользователями взамен лицензий, прекращающих свое действие в 2010 году, и действующих ставок налога по видам водопользования. Снижение

поступления водного налога (в 2011 г. по сравнению с 2010 г. на 1747,0 млн. рублей, в 2012 г. по сравнению с 2011 г. на 1480,0 млн. рублей) связано с переходом водопользователей от уплаты водного налога к плате за пользование водными объектами.

В соответствии со ст. 20 Водного кодекса РФ, начиная с 2007 г. вводится плата за пользование водными объектами или их частями. Эта плата устанавливается в соответствии с договорами водопользования. При этом ставки платы за пользование водными объектами, находящимися в федеральной собственности, также как порядок расчета и взимания этой платы, устанавливаются Правительством РФ. Платежи и порядок их расчета по объектам, находящимся в собственности субъектов РФ и муниципальных образований, устанавливаются органами государственной власти соответствующих уровней управления. Администратором платежей за пользование водными объектами является Федеральное агентство водных ресурсов.

Представляется, что ни водный налог, ни указанные платежи сегодня не обеспечивают:

- фискальные цели;
- эффективность и рациональность использования водных объектов;
- воспроизводство водных ресурсов;
- минимизацию негативного воздействия на окружающую среду, на сокращение водопотребления и сброс в водоемы загрязняющих веществ.

Поэтому необходима комплексная оценка действующей системы налогообложения водопользования и формирование по ее итогам приоритетных направлений совершенствования этой системы.

По мнению автора, в России необходимо формирование и использование такой системы налогообложения водопользования, с помощью которой можно было бы сохранить, прежде всего, природные механизмы восстановления водных ресурсов.

Во-первых, в фискальных целях можно было бы поднять размер ставок по водному налогу или платежам. Однако, этот шаг требует соотнести новые ставки платежей с тарифами на водопотребление для населения (горячая, холодная вода, водяное отопление), размер которых устанавливает ФСТ России, чтобы не допустить ощутимого для населения роста этих тарифов. Иными словами, действующие ставки налога при заборе воды из любых водных объектов для водоснабжения населения необходимо сохранить. Кроме того, по некоторым объектам обложения целесообразно ввести большую дифференциацию ставок водного налога. Сегодня ставки налога зависят от экономического района, бассейна реки, озера, поверхностных и подземных вод. А вот зависимости ставок от видов водопользования нет. По водопользованию в целях гидроэнергетики ставки можно поставить в зависимость от экономических районов.

Во-вторых, можно вернуться к старым, проверенным институтам, например, к экологическому фонду, действовавшему до 2001 года, за счет

средств которых финансировались бы важнейшие природоохранные и природосберегающие мероприятия на всех уровнях.

В-третьих, возможно введение нефискального налога – экологического налога, плательщиками которого будут производители экологически опасной продукции.

В-четвертых, необходимо развивать экологическое страхование ответственности владельцев источников повышенного экологического риска. Например, ввести обязательное страхование ответственности таких владельцев.

В-пятых, поскольку водный налог никакой фискальной нагрузки не несет, можно поступления этого налога распределять между бюджетами в определенных пропорциях.

Таким образом, несомненно, что действующая система налогообложения водопользования не обеспечивает реализацию ни фискальных, ни стимулирующих целей. Система налогообложения водопользования сегодня не является экологически ориентированной. Поэтому необходимо совершенствовать эту систему, вводить в действие не только нерыночные инструменты регулирования водопользования, но и рыночные, с учетом зарубежного опыта, например, создавать экологическое страхование, или создание бирж, на которых можно было бы продавать права на загрязнение и сбросы вредных веществ.

Примечание

1. Шимова О.С., Соколовский. Экономика природопользования: Учеб. пособие. – М., 2005. – С. 79.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации (по состоянию на 20.01.2012). Части первая и вторая. – Москва, 2012. – 832 с.

3. Федеральный закон от 02 декабря 2009 г. № 308-ФЗ «О федеральном бюджете на 2010 г. и на плановый период 2011 и 2012 гг.».

АКТУАЛЬНОСТЬ СИБИРСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Минаков В.Б., к.ф.н., доцент кафедры ГиСН ТюмГАСУ

Сибирская проблема проявляет себя в самом факте наличия огромных неосвоенных природных ресурсов, эта неосвоенность природных ресурсов провоцирует самые прямые политические проблемы, проблемы связанные, например, с попытками легитимизировать прямое вмешательство во внутрироссийскую политику со стороны других государств. За примерами далеко ходить не надо, в США большой популярностью и авторитетом пользуется книга сотрудников Брукингского института Фионы Хилл и Клиффорда Гэдди «Сибирское проклятье: как коммунистические плановики заморозили Россию» (*The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*, 2003). Книга в лучших традициях западного подхода к чужим проблемам предлагает «совместное» использование территории Сибири и, конечно, под руководством международных организаций. Подобной

литературы в США и Европе выпущено много и общественное мнение в целом подготовлено к возможным попыткам поставить под контроль разработку сибирских территорий, а то, что это возможно демонстрирует печальный опыт соглашения о разделе продукции на Сахалине.

Подобные тенденции любое государство должно пресекать реальными поступками, что российское правительство и осуществило, утвердив в 2010 году «Стратегию социально-экономического развития Сибири до 2020 года».

Это весьма масштабный и многоотраслевой проект развития, хорошо смотрится на бумаге, было бы весьма желательно, если бы он осуществился.

Но проекты проектами, а реальная ситуация в Сибири не улучшается, и лучший индикатор – это отток населения и плохие демографические тенденции.

Сибирь на фоне мировых проблем с сырьем, продовольствием и чистой водой становится потенциально большой политической проблемой, территория не освоена и не осваивается так, как это необходимо. Неосвоенность сибирских территорий это достаточно показательный факт проявления общероссийских проблем, главной из которых является невнятность государственных интересов и целей которые всегда и везде выражаются в наличии господствующих идеологий, эти идеологии, даже если их несколько, никогда не выступают против государства, а наоборот, дополняют друг друга, позволяя государству гибко проводить свою политику. Вот таких идеологий, которые бы о себе заявляли как выразители интересов основополагающих социальных слоев, тех социальных групп, которые несут на себе саму государственность, что - то не видно.

На сегодняшний день, для жителей Сибири, очевидно, что они не распоряжаются богатствами сибирских недр, не являются по факту их владельцами, как это записано в конституции, и, соответственно в общественной жизни это проявляется самыми различными видами социальных протестов, вплоть до самых причудливых. В февральском номере журнала «Эксперт» (2011) опубликована подборка статей о современных сибирских проблемах, одной из них является Китай, то впечатление, которое производит на сибиряков скорость развития китайской экономики, заставляет их переориентировать свою деятельность на Китай. И дело здесь не в экономической деятельности, дело в том, что жители Сибири начинают связывать свое будущее не с Россией, а с Китаем. Россия далеко, они (сибиряки) её влияние не ощущают, так как влияние Китая. Отсюда и те новые народы: «сибиряк» и др., которые зафиксировала перепись 2010 года, люди перестают ощущать себя частью единого целого, частью России. Естественно подобная ситуация только усугубляет политические проблемы связанные с теми потенциальными возможностями Сибири как стратегического района, от которого зависит будущее цивилизации.

Понятно, что Сибирь надо обустроить, весь вопрос не в том, что делать, вопрос как делать, вот ответа на вопрос как делать, документ под названием «Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года» так и не дает. Освоение Сибири советскими методами сегодня невозможно, да и не

нужно, слишком варварские последствия дали эти мобилизационные проекты для экологии Сибири. Но с другой стороны весь комплекс организации жизни заданный Советским Союзом необходимо сохранить, и культуру, науку, промышленность нельзя терять ни в коем случае, более того её надо развивать, так как без развития все это перестанет существовать. Проблема того как развивать, каким образом осваивать сибирские территории может быть решена только при активном участии населения Сибири, мало того освоение сибирских богатств без этого невозможно. Вопрос в том, как понимает российский истеблишмент участие сибиряков, если жители Сибири рассматриваются только как средство, как инструмент, то стратегического результата не будет, ситуация не изменится в лучшую сторону, укрепления единства и целостности с Россией не получится. Стратегический результат будет только в том случае, если это участие для жителей Сибири будет настолько результативным, что они это признают сами.

Проблема здесь заключается в том, что для развития Сибири надо ставить адекватные цели, адекватные это значит ориентированные на развитие территорий, а не промышленных производств. Производство ориентировано на получение прибыли, и, соответственно формирует под себя управленцев и управленческий аппарат, который снижает издержки производства и т.п. сбрасывая их на плечи общества. Организация общественной жизни на территории требует совершенно другой целевой детерминации для управленцев, не ориентированной на прибыль, территориальное управление продуктивно только тогда когда оно ориентировано на создание нормальной социальной среды, здоровых общественных отношений. Только в нормальной социальной среде можно формировать человека способного осваивать сложные, высококвалифицированные виды деятельности инженеров, врачей, педагогов и т.д. без которых конкурентоспособное производство невозможно, и, следовательно, невозможно и сильное государство. Задача формирования управленцев государственного звена, ориентированных на управление территориальными образованиями, это задача государства, это не дело предпринимателей. Представители капитала могут и должны принимать в ней участие только как представители гражданского общества, без которого частный бизнес неполноценен, так как лишается защиты от соблазнов со стороны государства.

Особенности территориального развития Сибири усугубляются ещё и тем, что на территории всей России не решены проблемы взаимодействия центральной власти и местной элиты, центр, создавая вертикаль власти, не ограничился законодательной сферой, а взял на себя обязанности контроля над местной властью, но то, что это неэффективно давно уже доказано социологами. Практика развитых государственных образований давно уже доказала эффективность контроля над государственным управленческим аппаратом институтами гражданского общества, даже в сверхцентрализованных государствах типа Китая, политическая партия выполняет функцию контроля над государственным аппаратом и весьма продуктивно. Незрелость форм контроля над государственным аппаратом в

России порождает массу проблем, делает его не эффективным, что и сказывается на сибирской проблематике. Но в Сибири проблема приобретает совершенно другое значение, Сибирь как мы сказали это стратегическая территория, территория, которая на себя стягивает интересы очень могущественных политических игроков, что провоцирует сибирскую элиту стать самостоятельным игроком, а это не возможно, это приведёт только к тому, что государство эту проблему решит традиционно, силовыми методами. Силовые методы хороши в краткосрочной перспективе, стратегически они проблему не решают, а ухудшают, одни местные элиты уходят, другие приходят, проблема затягивается, но не решается. Решить её можно только на государственном уровне, рассматривая проблему Сибири как универсальный индикатор наличия общегосударственных проблем, без решения которых никакие программы стратегического развития сибирские проблемы не решат, просто не смогут и останутся благими пожеланиями.

Подводя итоги можно сказать, что сибирские проблемы решить без решения проблем общегосударственных невозможно, сами жители Сибири своей деятельностью эти проблемы могут только актуализировать, не давая возможности затягивать решения этих проблем, инициировать их решение снизу, посредством общественной деятельности. Необходимо понимать внеэкономическое основание сибирской проблематики и соответственно не решается экономическими методами, они вторичны, первичны благоприятные условия, для их осуществления, решаемые на уровне государства.

ОСНОВНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БАКАЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

*Рафикова Н.Д., к.и.н., доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ,
Рафикова Т.Н., Институт проблем освоения Севера СО РАН*

История изучения бакальской средневековой (IV-XIII вв. н.э.) культуры лесного и лесостепного Зауралья включает несколько этапов. Первый – XVII-сер. XX вв. – характеризуется накоплением данных по средневековым памятникам лесного и лесостепного Зауралья. На протяжении второго этапа (50-80-е гг. XX в.) кардинальным образом менялись взгляды на хронологию культуры, ставился вопрос о культурной самостоятельности средневековых объектов Зауралья [1, с. 211-214; 2, с. 191-197; 3, с. 133-143 и др.]. В конце 80-х гг. XX в. средневековой культуре лесостепного Зауралья было возвращено название «бакальская» [4, с. 179-183]. Период с 90-х гг. XX вв. и до настоящего времени – относится к третьему этапу истории изучения бакальской культуры. Значительными площадями проводятся раскопки Коловского, Красноярского, Большого Бакальского, Царева, Усть-Утякского, Усть-Терсюкского городищ, Козловского и Устюгского-1 могильников. Вновь разгорается дискуссия по проблемам хронологической позиции, культурной и этнической принадлежности средневековых памятников лесостепного Зауралья [5, с. 160-162; 6, с. 178-180; 7, с. 39-50; 8, с. 166-167; 9, с. 85; 10, с. 124-128; 11, с. 49-55;

12, с. 156-179; 13, с. 140-151; 14, с. 6-45 и др.]. В настоящее время, назрела необходимость комплексного анализа материальной культуры и хозяйственной деятельности бакальского населения.

На сегодняшний день известно 78 памятников бакальской культуры (см.: *рис. 1*), они представлены городищами, неукрепленными поселками, могильниками и ритуальными комплексами. Городища расположены на мысу (подтреугольной или подпрямоугольной формы) или террасе. Мысовые городища укреплены одной – тремя незамкнутыми вал-ров линиями, террасные обнесены замкнуто-кольцевыми или подковообразными фортификациями. В количественном отношении первые преобладают.

Фортификационные линии изучены на шести бакальских городищах. Одним из опорных памятников для реконструкции защитных сооружений является Коловское городище, первая защитная линия которого исследована на две трети. Внутривальная конструкция представляла из себя тарасы: состояла из двух параллельных стен, соединенных поперечинами и заполненная ветками, листьями, строительным мусором и культурным слоем с городища [15, с. 160]. Аналогичное устройство фортификаций отмечено на Красногорском [16, с. 247-249] и Большом Бакальском городищах. Устройство въезда изучено на Усть-Терсюкском-1 городище. Несколько уровней жердей, уложенных друг на друга и перпендикулярно длиной оси вала свидетельствуют, что проезд был облицован горизонтально уложенными жердями диаметром до 14 см. Ворота были сооружены из досок шириной 14 см, толщиной 2-3 см.

Рвы поселений бакальской культуры были простые, с отвесными или пологими стенками, глубиной 1-3 м, шириной от 3,5 м до 15 м. Облицовка деревом не отмечена. Жилища зафиксированы на шести памятниках бакальской культуры. Всего выделено пять типов построек: 1) каркасные, легкие, с основой из жердей, круглые или овальные в основании, цилиндро-конические постройки типа юрт (гор. Коловское, пос. Старо-Любаевское-1); 2) каркасные, легкие, с основой из жердей, четырехугольные в основании, углубленные постройки (пос. Зотинское-IV); 3) каркасные, легкие, с основой из жердей, четырехугольные в основании, наземные, прямоугольные постройки с двухскатной крышей (гор. Усть-Утякское); 4) стационарные, плетневые, четырехугольные в основании, углубленные постройки (гор. Царево) и 5) стационарные, каркасно-столбовые, четырехугольные в основании, углубленные постройки (гор. Усть-Терсюкское-1).

Инвентарь бакальской культуры включает пять категорий, среди которых посуда, орудия труда, оружие, предметы культа, украшения и элементы костюма. Самая представительная категория, помимо посуды, это предметы быта. Украшения, зафиксированные на бакальских памятниках, аналогичны изделиям, распространенным в средневековой период на территории Прикамья, Урала и Западной Сибири.

Посуда представлена глиняными и металлическими изделиями. Статистический анализ керамических комплексов бакальской культуры позволил выявить основные композиционные схемы, представленные на сосудах. Основной, самой простой, является сочетание ямок и наклонных

резных оттисков, нанесенных по бортику. Во второй схеме названные элементы сочетаются с решеткой или «елочкой», иногда с ними вместе. В более развернутом, третьем, варианте на сосуд также наносилась горизонтальная прочерченная линия и ногтевые вдавления. Указанные орнаментальные схемы являлись ведущими (в ряде случаев к ним могли добавлять различные мотивы), сохраняли актуальность даже при изменении техники декорирования. Степень орнаментированности сосудов является важным хронологическим показателем. Для памятников раннего времени характерно преобладание горшечных форм украшенных четырьмя и более элементами орнамента. С течением времени можно заметить оскуднение декора.

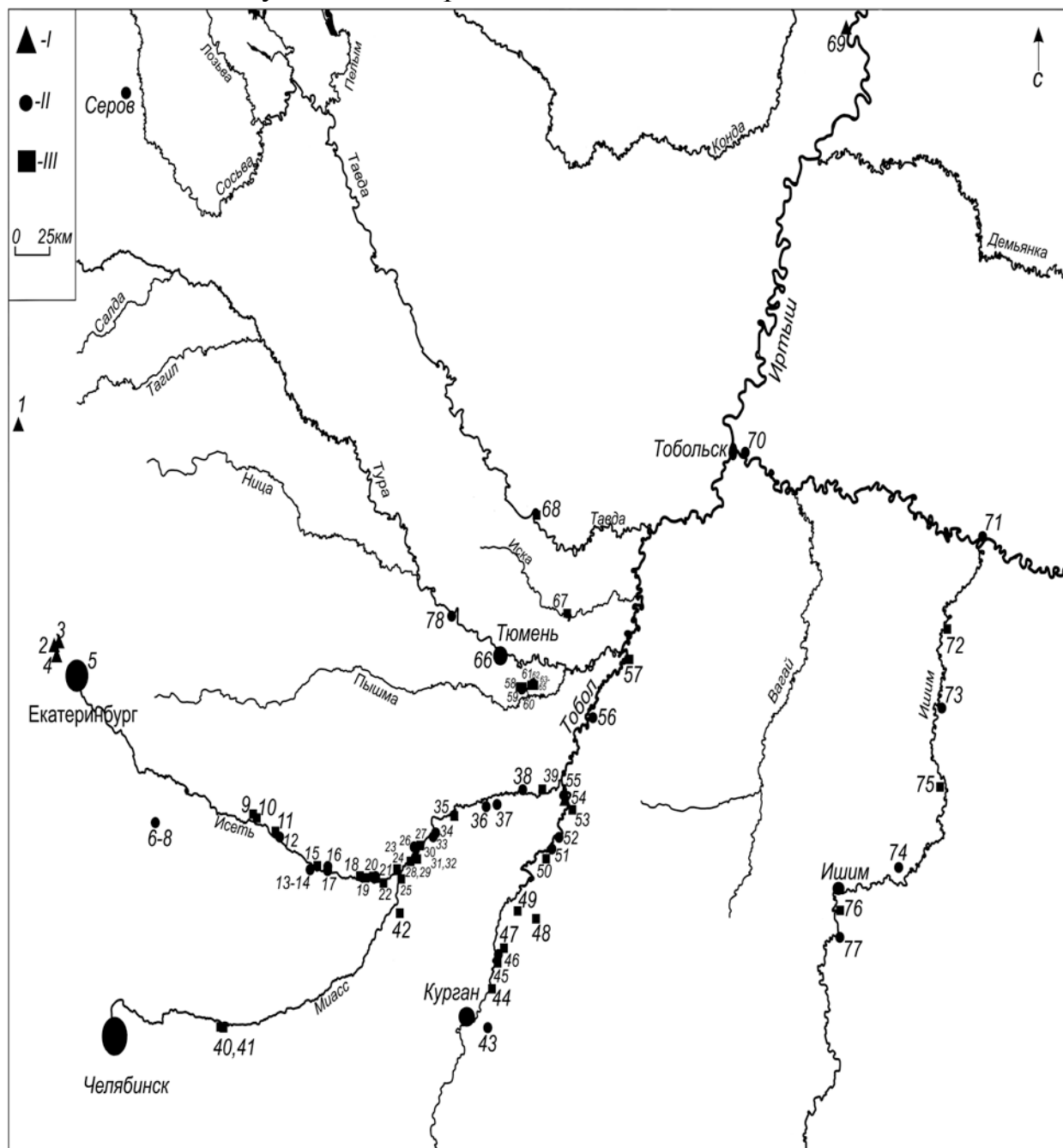


Рис. 1. Карта расположения памятников бакальской культуры. I-ритуальные комплексы и могильники; II-городища; III-поселения. 1-Голый Камень; 2-Петроград; 3-Вершина V; 4-Чертово городище; 5-Шарташские каменные палатки; 6 – Зотинское I; 7-Зотинское III; 8-Зотинское IV; 9-Гусиное IV; 10-Верхний Яр IV; 11-Нижнеярское III; 12-Суварышское; 13-

Б.Мыльниковское; 14-М.Мыльниковское; 15-Тюриковское; 16-Полевское; 17-Б.Бакальское; 18-Ильинское; 19-Кокоринская I; 20-Прыговское III; 21-Прыговское; 22-Нечунаево-II; 23-Бабарыкина I; 24-Бабарыкина II; 25-Ваденниково III; 26-Павлиново; 27-Коршуново I; 28-Мурзинское I; 29-Мурзинское II; 30-Папское; 31-Мурзинское; 32-Грачево-1; 33-Барино-3; 34-Усть-Терсюкское-1; 35-Бархатово IV; 36-Красногорское; 37-Коловское; 39-Яр VIII; 40-Кузнецово I; 41-Кузнецово III; 42-поселение 2 у п. Дачного; 43-Усть-Утякское; 44-Борки-1; 45- Нижне-Тобольное-1 (Савин-2); 46-Боровое-2; 47-Боровое; 48-Суерь 1; 49-Гладунино 3; 50-Поспелово-2; 51-Скородумское; 52-Упоровское; 53-Дачное-2; 54-Устюг-1; 55-Старо-Любаевское 1; 56-Ревда 1; 57-Юртобор III; 58-Перейминский 1; 59-Жилье; 60-Козловский; 61-Дуванское 30; 62-Придуванское 1; 63-Дуванское 22; 64-Дуванское 1г; 65-Дуванское XVIII; 66-Чинги-Тура (Царево); 67-Мыль Байрык I; 68-Шарьянка; 69-Цингалинское; 70-Ивановское; 71-Красноярское; 72-Резаново I; 73-Борковское; 74-Логиновское; 75-Абатский-3; 76-Пахомовское; 77-Кучум гора; 78-Коняшино.

Синхронность, а в ряде случаев и компрессия слоев памятников привели к совместному залеганию материалов бакальской, юдинской, карымской, кушнаренокской и прочих культур и типов. В результате, хозяйственная деятельность средневекового населения лесостепного Зауралья характеризовалась лишь общими фразами.

Работы на Коловском, Усть-Терсюкском и Царевом городищах, проведенные в последние годы, позволили получить новые источники для реконструкции хозяйственного типа бакальского населения – подвижного скотоводства, характеризующегося совмещением интенсивного (разведение коров, зарождение земледелия) и экстенсивного (значительная доля лошади и мелкого рогатого скота в стаде, присваивающих отраслей хозяйства) направлений.

Таким образом, развитие экономики средневекового населения лесостепи Зауралья шло по пути перехода к оседлому образу жизни, который был достигнут, скорее всего, в конце развитого – начале позднего средневековья посредством развития земледельческой отрасли, утрате скотоводством доминирующего положения.

Примечание

1. Сальников К.В. Исетские древние поселения (по материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году) // Советская археология. – XXV. – 1956. – С. 189-214.

2. Викторова В.Д., Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Археологическая экспедиция Уральского университета // Археология и этнография Башкирии. Т. II. – Уфа, 1964. – С. 191-197.

3. Овчинникова Б.Б. О зауральских памятниках сылвенской культурной общности конца I – начала II тысячелетий нашей эры // Ранний железный век и средневековье. – Челябинск, 1987. – С. 133-143.

4. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири//Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). – М., 1987. – С. 163-235.

5. Овчинникова Б.Б. Лыбаевская культура сылвенской этнокультурной общности на Урале (конец I – начало II тыс. н.э.) // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания, 19-23 апреля 1993 г. – Екатеринбург, 1993. – С. 160-162.

6. Викторова В.Д. Морозов В.М. Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей: Сб. науч. трудов. – Екатеринбург, 1993. – С. 173-192.
7. Потемкина Т.М., Матвеева Н.П. Большое Бакальское городище // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып. 1. – Тюмень, 1997. – С. 39-50.
8. Морозов В.М. Бакальская культура, бакальский тип памятников: к истории изучения // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание: Материалы международной научной конференции 6-10 окт. 2003 г. – Пермь, 2003. – С. 166-167.
9. Викторова В.Д. Археологические культуры в верховьях реки Исети во время Великого переселения народов // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск, 2008. – С. 81-93.
10. Маслюженко Д.Н. К вопросу о причинах появления городищ бакальской культуры на берегах рек Исеть и Тобол // Угры. Материалы VI-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9-11 декабря 2003 г., Тобольск). – Тобольск, 2003. – С. 124-128.
11. Данченко Е.М. К характеристике историко-культурной ситуации в среднем Прииртышье на рубеже раннего железного века и средневековья // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск, 2008. – С. 45-72.
12. Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. – Новосибирск, 2008. – 240 с.
13. Матвеева Н.П., Орлова Л.А., Рафикова Т.Н. Новые данные по радиоуглеродной хронологии Зауралья средневековой эпохи // Российская археология. – 2009. – № 1. – С. 140-151.
14. Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П. Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры. Материалы научно-практического семинара по проблемам бакальской культуры. – Челябинск, 2008. – С. 6-45.
15. Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н. Коловское городище. – Новосибирск, 2008. – 240 с.
16. Матвеева Н.П. Новые средневековые памятники из северной лесостепи Притоболья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. – Томск, 1997. – С. 245-262.

РОЛЬ ВЛАСТИ И БИЗНЕСА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Ревакина О.В., к.ф.н., доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ

Для современного общества все более очевидным становится, что в формировании грамотной экологической ситуации большую роль играет правильно проводимая политика всех органов власти, как на уровне государства, региона, так и на местном уровне. Без взвешенной политики в области охраны окружающей среды государство не может гарантировать экологическую безопасность общества и право граждан на благоприятную окружающую среду.

Защита окружающей среды – проблема общегосударственная. Но практические конкретные меры по ее решению ложатся главным образом на регионы. Ведь они непосредственно страдают от нарушения нормального состояния среды обитания и, к тому же, обладают необходимой информацией

для отслеживания обстановки и принятия мер. За "центром" остаются научное обоснование предельно допустимых уровней загрязнения окружающей среды с учетом особенностей отдельных климатических зон и освоенности территорий, экологическая оценка и согласование проектов строительства крупных объектов межрегионального значения, а также разработка экологически чистых технологий для малых предприятий.

Так на территории ХМАО-ЮГРЫ сохраняется устойчивая тенденция к возрастанию техногенной нагрузки на экосистемы, увеличивается протяженность промышленных инженерных коммуникаций промышленных площадок, что объясняется высоким спросом на предоставление земель в пользование промышленным предприятиям.

Наиболее серьезные проблемы возникают в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслях. Состояние основных фондов российских нефтеперерабатывающих заводов вызывает беспокойство у Федеральной службы по экологическому, техническому и атомному надзору.

Важнейшая причина ухудшения экологии России – неэффективная, природоемкая структура экономики. Несмотря на широкомасштабные экономические реформы в России, тенденции техногенного и природоемкого развития экономики страны сохраняются. Это отражается в ухудшении, «утяжелении» экономики с позиций экологии.

Качественные изменения в масштабах и глубине энергетического обмена между обществом и природой достигли такой степени, что природная среда уже не может собственными силами справиться с восстановлением нарушенных экологических связей. Деградирующая природа препятствует нормальному ходу воспроизводства как общественного продукта, так и рабочей силы, ухудшая условия хозяйствования.

Интенсивное освоение природных ресурсов, сопровождаемое порой необоснованными управленческими решениями, привело к беспрецедентному антропогенному воздействию на окружающую среду и ухудшению экологической обстановки. Проводимая в настоящее время политика органами власти, передовыми предприятиями, а также природоохранными службами должны найти компромисс и уменьшить воздействие хозяйственных комплексов на окружающую природную среду.

Стабилизация экологической ситуации в России во многом зависит от эффективности проводимых в стране экономических реформ, их адекватности целям формирования устойчивого типа развития российской экономики. И здесь чрезвычайно важны меры по созданию с помощью эффективных рыночных инструментов и регуляторов благоприятного климата для развития всех сфер бизнеса, способствующего экологизации экономики.

Не способствует решению проблем экологии России и развитию эколого-ориентированного бизнеса и налоговая политика. Налоговое бремя на предприятия чрезвычайно велико, что вынуждает предприятия ориентироваться, прежде всего, на краткосрочные задачи.

В условиях перехода к рыночной экономике в число более специальных механизмов и инструментов, ориентированных, прежде всего, на

природоэксплуатирующие отрасли, первичный сектор экономики, а также на регулирование природоохранной стороны деятельности в других отраслях, входит широкий круг потенциально эффективных эколого-экономических регуляторов. Это и платность природопользования, и создание системы льгот, субсидий, кредитов для природоохранной деятельности. Это и продажа прав (разрешений) на загрязнение, штрафование деятельности, наносящей проблемы экологии России, создание рынка экологических услуг и многое другое. Многие из этих экономических механизмов, чрезвычайно важных для развития бизнеса, могут быть созданы на региональном уровне, даже если на федеральном уровне таких механизмов нет или они слабо действуют.

Мало освоена в нашей стране такая перспективная деятельность, как страхование в области экологии, не существует системы штрафов для предприятий, не соблюдающих норм по экологии. Штрафные платежи относятся на себестоимость продукции и не влияют на прибыль предприятия. В связи, с чем необходимо изменить систему штрафных санкций за нарушение экологических нормативов – ввести подвижную шкалу штрафов - чем дольше во времени предприятие загрязняет окружающую среду, тем больше размер штрафа. При увеличении выбросов сверх нормы должна прогрессивно расти и плата.

Для успешного содействия развитию предпринимательства, ориентированного на оздоровление экологической обстановки необходимо создать благоприятную для предпринимателей среду. Помимо финансовых и правовых льгот, которые предусмотрены для малого бизнеса независимо от характера его деятельности, предприятиям, способствующим оздоровлению природной среды, необходимо предоставить льготное налогообложение вплоть до полного освобождения от муниципальных налогов. Только при такой поддержке малые и средние предприятия, часто работающие в неблагоприятных производственных условиях, смогут достичь рентабельности продукции, достаточной для того, чтобы привлекать потенциальных предпринимателей.

Наряду с этим, создаваемые региональные фонды поддержки предпринимательства должны обеспечивать льготное кредитование и безвозвратное субсидирование строительства и реконструкции таких предприятий, в частности и за счет поступлений в виде штрафных платежей за экологические нарушения, а также добровольных взносов предприятий, общественных организаций, местных органов власти, заинтересованных в экологической чистоте среды обитания.

КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ В РАМКАХ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА

Родина В.Н., к.с.н., доцент ТюмГНГУ

Современный университет, являясь частью системы образования, не только отражает ситуацию в обществе, но и оказывает влияние на жизнь всех

других элементов, сфер общества через свою основную функцию, связанную с сохранением, приложением, развитием духовных ценностей, знаний, профессиональных навыков и культуры.

Изучение университета как корпоративной организации восходит к трудам таких видных ученых как М. Вебер, Т. Парсонс, Т. Веблен, А. Зловер и других. Университетская корпорация рассматривается как одно из звеньев социальной системы, способствующее укреплению социального порядка, интеграции и равновесия. Однако на данный момент вуз как организация, обладающая своей спецификой, остается все еще слабо изученным объектом. Научное и практическое направление исследований под условным названием «университетский менеджмент» еще только формируется. При этом западные теории и методики университетского менеджмента не всегда применимы в российских условиях, поскольку условия существования образовательной системы на Западе и в России существенно различаются.

Российские студенты в большинстве своем должны быть знакомы с понятием «организационная культура», во всяком случае, в рамках изучения дисциплины «менеджмент». Менеджмент, наука об управлении, вошла в учебные планы очень многих специальностей. И это закономерно, ведь выпускник вуза, так или иначе, претендует на выполнение управленческих функций. Даже если он не станет руководителем коллектива, он всегда будет выступать в роли организатора, ведь, как правило, к решению той или иной производственной задачи привлекают нескольких людей. Поэтому владеть основами менеджмента очень важно. А менеджмент, помимо многих других, включает раздел «организационная культура».

Многие авторы называют организационную культуру атмосферой, душой организации. А от состояния души серьезно зависит эффективность работы. Очевидно, что некая организационная культура есть и у высших учебных заведений. Причем сразу бросается в глаза то, что мы называем «дух университета», дух высшего учебного заведения. Мы входим в институт, в университет, и достаточно совсем недолгого присутствия, чтобы почувствовать своеобразие вузовской атмосферы. Здесь как-то особенно устроено общение, здесь как-то иначе, чем в других организациях, складываются отношения между людьми. Но и здесь организационная культура может быть либо хорошей, либо плохой.

Очевидно, что чем сознательнее отношение руководства и коллектива к организационной культуре, тем больше шансов, что эта сфера будет управляемой и, как следствие, будет оказывать позитивное влияние на жизнедеятельность организации. Наверное, имеет смысл использовать достижения современной науки об управлении для совершенствования организационной культуры наших вузов. Хотя в использовании трехуровневой модели Э.Шейна для исследования культуры вуза видятся свои проблемы.

Во-первых, теория Шейна создавалась исходя из анализа, прежде всего производственных, а главное, коммерческих организаций, то есть бизнес-структур. И критерии качества той или иной организационной культуры связаны с таким конечным, интегральным критерием, как прибыльность,

финансовая успешность организации. Во-вторых, эта теория сформирована западными авторами, в контексте западных культур.

Кроме того, российские вузы - государственные учреждения, они не ориентированы на однозначную финансовую успешность, прибыльность. Вуз – это не магазин, не парикмахерская, не туристическое агентство. Здесь взаимоотношения между производителем услуги и потребителем принципиально отличны. Здесь отнюдь не всегда клиент прав. И это далеко не полный перечень отличий. Поэтому само приложение организационной культуры к действительности вуза – задача по-настоящему научная.

Особый научный интерес вызывает модель организационной культуры вуза, предложенная коллективом ученых-преподавателей Ухтинского государственного технического университета, которая сложилась в результате модификации теории Шейна в приложении к вузовской действительности. В предложенной модели, во-первых, выделяется не три, а четыре уровня организационной культуры. Во-вторых, несколько меняется понятийный аппарат теории. И, в-третьих, для концептуализации каждого уровня используются базовые гуманитарные теории отечественных ученых. Особого внимания заслуживает принципиальный подход отмеченного коллектива - если есть хороший отечественный аналог какой-то общеизвестной гуманитарной теории, то в описании организационной культуры, а особенно в процессе ее предъявления коллективу и студентам, предлагается отдавать предпочтение именно отечественному аналогу. Безусловно, это имеет еще и важное воспитательное значение. Кроме того, пиар отечественной науки – это требование времени, причем, он хорошо сочетается с необходимостью перехода всей экономики к инновационной парадигме развития.

Предлагаемый первый уровень – установочно-доминантный уровень организационной культуры. Установочно-доминантный уровень представляет собой мир социальных установок всех членов коллектива, динамически направленный к доминирующей социальной установке или доминанте. Понятие установки в данном случае выражает психологическую готовность к соответствующей реакции на определенную ситуацию. Содержание социальной установки есть не что иное, как ценность, достигшая степени личностного смысла. Мир ценностей – это второй уровень организационной культуры. В качестве базовой теории высших социальных ценностей используется аналитика основных начал общественной жизни С.Л. Франка: служение, свобода и солидарность. Третий самостоятельный уровень – коммуникационный. Следующий уровень организационной культуры, называемый в специальной литературе уровнем артефактов, в предложенной модели называется символьным (уровень символов). Здесь понятие «символ» трактуется в духе философии символизма.

Практическое внедрение этой концептуальной модели в жизнь университета видится по всем основным направлениям деятельности вуза: учебный процесс, научно-инновационная деятельность, воспитательная работа, подразумевающая внеучебный досуг, и деятельность по обеспечению инфраструктуры вуза.

В учебном процессе тема организационной культуры становится постоянной в системе сквозной гуманитарной подготовки. Кафедры должны выстроить гуманитарные дисциплины так, чтобы они создавали своеобразную лестницу к менеджменту. Это не упраздняет других задач гуманитарных дисциплин, но и создает очень важный элемент профессиональной мотивации, когда студент осознает, почему ему с профессиональной точки зрения необходимо изучение гуманитарных дисциплин: культурологи, социологии, психологии, логики, истории, философии и т.д. Организационная культура изучается как один из разделов менеджмента практически всеми студентами специальности «Менеджмент организации», «Государственное муниципальное управление», «Управление персоналом» и пр.

В контексте предлагаемой концепции в научно-инновационной деятельности целесообразно создать сеть научных площадок для обсуждения темы организационной культуры: ежегодная конференция преподавателей и сотрудников, включающая в себя секцию «Вопросы управления организационной культурой вуза»; одноименный научный семинар; ежегодная молодежная гуманитарная конференция «Коммуникации. Общество. Духовность» и т.д.

Безусловно, организационная культура рассматривается как важнейшая составляющая концепции воспитания. Один из ее важнейших принципов - это субъект-субъектность воспитательного процесса, который подразумевает не просто равноправие воспитателя и воспитуемого, а то, что основные принципы и ценности этого процесса должны быть равно актуальны и для студентов, и для профессорско-преподавательского состава. И в этом смысле ценностное поле университета едино для всех. Но если в отношении студентов мы располагаем неким классическим набором психолого-педагогических методов, то в отношении профессорско-преподавательского состава и вспомогательного персонала наиболее адекватны методы, описанные именно в теории организационной культуры. Это третий-четвертый уровни: уровень специфической организации коммуникаций (совещания, планерки, спецмероприятия, такие как презентации, пресс-конференции, выставки и т.д.) и уровень символов, включающий в себя собственно символы, а также имеющие символическую природу традиции – праздники и ритуалы.

Сбор информации, необходимой для реализации предлагаемой модели, неотделим от деятельности по обеспечению инфраструктуры вуза. Членам сформированной комиссии по управлению организационной культурой предлагается посещать кафедры и другие структурные подразделения университета с беседами на темы организационной культуры, в ходе которых раскрывать концептуальные основы развития организационной культуры вуза и записывать различные рекомендации. Это своеобразный способ распространения положительного опыта, обмена информацией.

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ОСВОЕНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ В ЗАПАДНОСИБИРСКОМ РЕГИОНЕ

Светличный С.И., доктор экономики Российского отделения Европейской Академии наук

В последнее время отмечается, что на нашей планете дефицит пресной воды пришел уже туда, где никогда ранее он не наблюдался. Даже в Англию, окруженную водой, приходит засуха и устанавливается лимит на потребление пресной воды! Причина – растущее водопотребление, вызванное ростом населения, выход экономики на новые рубежи, изменение образа жизни не только в отдельных странах, но и на региональном уровне.

Приходится констатировать и такой печальный факт, как физическое сокращение объема такого возобновляемого природного ресурса, как пресная вода. Мы видим гибель малых рек, высыхание старинных ручьев и родников, зарастание и засоление озер, загрязнение водоемов. Далеко за наглядным примером ходить не придется – великая река Волга уже в некоторых местах угрожает стать несудоходной, зарастая по берегам камышом, многие озера в соседней Курганской области обмелели, заросли или содержат подсоленую воду, непригодную в хозяйстве.

Загрязняют гидросферу и стоки промпредприятий, особенно нефтехимических и металлургических, промливневая канализация и бытовые стоки, смыв с сельскохозяйственных полей, животноводческих комплексов и птицеферм, автомобильных дорог и городских улиц. Это значительно понижает ассимиляционный потенциал экосистемы. Особенно опасно нефтяное загрязнение – в воды Мирового океана ежегодно попадает до 15 млн. тн нефти и нефтепродуктов. По некоторым источникам ежегодно в мире загрязняется порядка половины объема доступной человеку пресной воды, что в настоящее время является одной из основных причин возникшего дефицита воды.

Некоторые источники утверждают, что при сегодняшнем положении дел и сохранении тенденции развития водного кризиса затраты на развитие водохозяйства, канализации, очистки, экологические мероприятия составят ежегодно по 180 млрд. долларов США на протяжении периода до 2025 года. Но эти цифры могут быть значительно (до 20 млрд. долларов США в год) сокращены при условии широкомасштабного применения водосэкономящих интенсивных технологий.

Всемирная комиссия по воде (World Commission on Water) вынуждена заявить, что более половины крупных рек мира «серьезно истощены и загрязнены, деградируют и отравляют окружающие их экосистемы, угрожая здоровью населения, жизнеобеспечению зависящего от них населения». Предстоит найти адекватные стратегические решения, позволяющие решить эту проблему с учетом всех её составляющих – природной, экономической, технологической, социально-политической.

Контроль и поддержка экосистем, как самовоспроизводящихся и саморегулирующихся природных систем должны получить должное внимание от федеральных и региональных научных и властных структур. Тот факт, что рано или поздно придется ограничить, а затем и остановить рост водопотребления вынуждает *приступить к выработке программы эффективного использования водных ресурсов.*

Вырастает социальная роль СМИ в донесении актуальной информации и в образовании населения в вопросах бережного отношения к воде. Стереотип нашего мышления, привычки, выработанные годами жизни, заставляют нас работать по экстенсивному пути решения проблемы дефицита воды – вовлечение новых источников, которых становится все меньше. И это путь в тупик.

Подытоживая сказанное, отметим: чтобы избежать грядущего дефицита воды крайне *необходимо остановить процессы экологической деградации, на уровне регионов нормализовать воздействие жизнедеятельности человека на окружающую среду, повысить экологическую образованность населения.*

Необходимо инициировать *составление экологических паспортов административных территорий, предприятий, деятельность которых потенциально опасна для окружающей среды.* Ввести в практику ежегодное подтверждение экологических паспортов. Что подразумевает экологический мониторинг и перманентное поддержание состояния экосреды.

Известно, что самый дешевый вид транспорта – морской. У нас он не развит. Следующий по дешевизне – речной. В России дешевых незамерзающих водных путей нет. Наши гидроресурсы весьма специфичны. Зимой, когда расход электричества максимальный, замерзшие реки мелеют. До середины пятидесятых годов в стране действовала программа строительства небольших «колхозных» ГЭС, ныне она предана забвению. Эти небольшие электростанции позволяли снизить зависимость от поставок мазута, заодно сохраняли воду для ведения сельского и рыбного хозяйства.

Несправедливо забыта и создаваемая в стране еще с тридцатых годов 20-го века система дешевого водного транспорта. Была спроектирована система судоходных каналов, которая охватывала всю территорию страны и должна была доходить до каждого уголка.

Учитывая, что хозяйственное освоение водных ресурсов восточнее Урала в массовом порядке еще предстоит (на сегодняшний день уровень освоения гидропотенциала в хозяйстве составляет по оценкам 40-50 %), то следует *обеспечить продуманное вовлечение в народное хозяйство водных ресурсов, цивилизованное, устойчивое водопользование, и сохранение всех условий их возобновимости.*

Можно констатировать, что для промышленности России (особенно, для нашего УрФО) достаточно реальна *перспектива наращивания водоемких, но обязательно, и экологических производств.* Экономические законы диктуют, что дешевле купить водоемкопроизводимый продукт, нежели освоить его производство с использованием транспортируемой воды, поскольку транспортировка воды даст значительный прыжок цены конечного продукта.

Очень водоемкими являются подотрасли электроэнергетики. Россия тут имеет значительный и внушительный научный и технологический опыт, наработки на будущее. И эти преимущества необходимо по максимуму использовать с учетом все возрастающих требований рынка, применения современных научных разработок, высоких экологических технологий.

И для металлургического производства (Южный Урал) необходима вода в значительных количествах. Как и для создаваемых нефтехимических и полимерных производств (Тюменская область).

И особого упоминания заслуживает производство сельскохозяйственной продукции. Можно скептически отмахнуться – не с нашим холодным климатом, который делает невозможным конкуренцию с другими производителями. Но как тогда быть с фактом – досоветская Россия была крупнейшим экспортером зерна в мире? И климат тогда был не теплее, чем ныне. Возврат этих позиций осложняют и современные причины: село обнищало, алкоголизировано, молодежь бежит в город, традиции ведения сельского хозяйства частично утеряны, ожидаемое вступление в ВТО уберет с полок собственную сельхозпродукцию, заменив дешевой импортной... Мы ежегодно теряем сельхозугодия, становясь всё более зависимыми от импортных поставок не всегда доброкачественной продукции. *Предстоит осознать, что иного выхода, кроме как нарастить объем производства собственной сельскохозяйственной продукции у нас просто нет.* Это вопрос выживания нации.

Наступит время (по разным источникам – на это отводится два-три десятилетия), когда в нашем регионе уже не нефтяные и газовые запасы будут определять занятость и жизнедеятельность населения. К будущей жизни без нефти необходимо начинать готовиться уже сейчас.

Становится актуальной ответственная, грамотная, рассчитанная на длительный период, региональная политика. Тюменская (южная территория), Курганская и Челябинская области, расположенные в границах единого водного бассейна, просто обязаны задуматься и разработать стратегическую программу своего развития, рассчитанную на 30-50 лет.

Определяя приоритетность в списке «за что взяться в первую очередь» надо отталкиваться от исторических и природных преимуществ, которые есть у нашего региона. Основное преимущество – воспроизводимые водные ресурсы. При этом, правильным решением будет *создание новых, в том числе и маловодоемких, высокотехнологичных и экологически чистых производств, позволяющих торговать не природным ресурсом, а продуктом, произведенным с его эффективным использованием.* Это позволит региону участвовать в процессе удовлетворения потребностей мирового рынка и обеспечить для своего населения занятость и повышение качества его жизни.

Следом автоматически напрашивается такой природный ресурс, как лес. Это два сопутствующих друг другу элемента экосистемы нашего региона. *Развитие лесного хозяйства и наращивание мощностей деревоперерабатывающей промышленности, мебельного производства* должны занять достойное место в экономике нашего региона.

Таким образом, все более обозначаящийся *мировой водodefицит* создает для нашего региона исключительные предпосылки для проработки перспективных стратегических программ, реализация которых позволит использовать преимущества положения экспортера водоемкой продукции, аналогичное тому, в котором сейчас находятся экспортеры нефти. Важно при этом обеспечивать компетентное управление водопользованием, воспроизводство водных ресурсов, сохранение экосистем региона.

В регионе предстоит:

- создать новую отрасль, связанную с использованием и компетентным управлением водными ресурсами региона;
- развить производства водоемкой продукции (нефтехимия, полимеры, электроэнергетика и др.);
- значительно развить и модернизировать лесную и лесоперерабатывающую промышленность, мебельное производство.

Эти отрасли, обусловят частично и новый виток в развитии регионального сельского хозяйства, которое, во многом, может закрыть потребности населения северных городов региона в базовых продуктах питания (мясомолочные и овощи).

Они же сформируют, исходя из потребностей, социальный заказ на новые учебные учреждения для обучения квалифицированных кадров, востребуют новые технологии, видоизменяют социальную инфраструктуру, создадут новый облик региона.

- создать условия не только для полноценного труда, но и для качественного и разнообразного отдыха. Например, с образованием новых водохранилищ, которые неизбежно появятся в регионе в ходе реализации стратегических программ по использованию водных ресурсов, значительно расширится номенклатура туристических услуг, связанных с комплексной эксплуатацией этих водных бассейнов.

Свою определяющую роль в разработке и реализации будущих стратегических программ региона должно сыграть образовательное учреждение федерального уровня со статусом университета или академии. Оно призвано стать стержнем, вокруг которого могли быть созданы или перепрофилированы образовательные институты, готовящие соответствующие кадры для решения стратегических программ, НИИ и лаборатории, под контролем которых производилась бы реализация этих программ масштабно и всеохватно, системно и досконально.

Для решения этих стратегических задач необходима политическая воля властных региональных структур, задачей которых уже сегодня должно стать *инициирование разработки и последующего широкого обсуждения Программы стратегического развития региона на период до 2050 года.*

ВОДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ XXI ВЕКА

Смидт Ф., д.э.н., РАН, президент Goodhill Group (Монако)

22 марта 2012 Г. уже в двадцатый раз мировое сообщество отметило Всемирный День Воды. Этот день действительно мог бы стать праздником для каждого седьмого жителя планеты, которым недоступна сегодня нормальная безопасной питьевая вода. И глоток прохладной родниковой воды стал бы для каждого из них реальным праздничным напитком.

Это сегодня. А уже в недалеком «завтра» (к 2050-му году), когда население Земли вырастет еще на два миллиарда и составит по прогнозным оценкам порядка 9 млрд. чел., таких страждущих жителей планеты станет, как минимум, вдвое больше.

Глобальные изменения климата, рост народонаселения, увеличение потребности в энергоресурсах, достойных жилищных условиях, удовлетворение нужд в продовольствии приведут к неизбежному росту потребления воды на всех континентах. И, конечно же, в первую очередь, дефицит воды скажется на развивающихся странах.

Водные планетарные запасы по оценкам составляют порядка 1 миллиарда 400 миллионов кубических километров. И лишь порядка трех процентов из них приходится на пресную воду, остальное – соленая вода. К сожалению, из этих трех процентов пресной воды большинство её объема укрыто от нас в покровных ледниках Антарктиды, Гренландии, льдах Арктики или же глубоко под землей.

Реки являются главным источником пресной воды - 47 тыс. км³. И только половину из них можно реально использовать.

Уже сегодня многие страны достигли предельных возможностей водопользования. А потребности в воде продолжают расти. Ситуация к тому же усугубляется изменяющимся климатом на планете. И уже проявляются некие признаки конфликтных ситуаций, прямой или завуалированной конкуренции в борьбе за воду. Причем на разных уровнях: между странами, между отраслями промышленности, между городом и селом... Неизбежно перерастание подобного рода конфликтов в политическую плоскость.

Поэтому, как ни странно, проблема водообеспечения, водорегулирования и водоиспользования уже сегодня становится не столько экологической, научной, технической или организационно-хозяйственной, сколько политической.

Причем на глобальном уровне.

Предпринимаемые отдельными странами и сообществами шаги по решению водной проблемы носят пока еще локальный характер, который все более перерастает в ранг международного. Чему немало способствуют и регулярно проводящиеся международные водные форумы. Последний состоялся буквально на днях во французском Марселе.

Многие страны принимают политические решения, суть которых сводится к экономному водопотреблению, сокращению потерь воды, созданию водосберегающих технологий и т.д. Но, локальный характер этих решений,

отсутствие координации и синхронизации деятельности совместно с рядом проживающими на территории одного водного бассейна народами, нивелируют эффективность этих решений и действий, делают их низкопродуктивными, не приводящими к ощутимым результатам.

Напрашиваются решения совсем другого уровня и порядка – глобального, в соответствии с той самой «злополучной» глобализацией, которая шествует по планете. И решения эти лежат вне рамок водного хозяйства.

И если ничего не предпринять уже в ближайшее время, то к 2030 году, который уже не за горами! без нормальной очищенной воды останутся уже почти 5 миллиардов человек, т.е. 70 процентов населения Земли.

Та же Африка, южнее пустыни Сахара остается без доступа к питьевой воде должного качества. А сегодня это порядка 350 млн. человек.

Международное сообщество озабочено таким положением дел. Предпринимается ряд мер, разрабатываются различные программы спасения населения этого региона планеты. И речь идет не только об извлечении или доставке воды, но и о технологиях получения и очистки, как добываемой жидкости, так и переработки жидких отходов производства и жизнедеятельности. Значительная часть населения Африки (до 1 млрд. чел) не обеспечена на сегодняшний день адекватными очистными сооружениями, далеко отстав от остального мира в этом вопросе. Последствия подобного положения дел очевидны и не требуют пространных комментариев.

За последние 50 лет потребление пресной воды выросло примерно в три раза (по различным источникам). При этом в два раза выросли орошаемые площади. Это вызвано демографическим ростом. Прирост населения Земли ежегодно составляет порядка 80 млн. человек, что автоматически приравнивается к ежегодному приросту потребления пресной воды объемом более 60 млн. кубометров.

Мы можем констатировать закономерно вытекающую из этого цепочку: прирост населения ведет, в первую очередь, к спросу на продукцию сельского хозяйства, что в свою очередь, диктует повышенное потребление пресной воды. Ибо установлено, что именно сельское хозяйство потребляет до 70 процентов пресной воды, еще порядка 20 % забирает промышленность, оставшиеся 10 процентов расходуются на бытовые нужды населения.

В этой связи, нельзя не отметить такой любопытный факт – в последнее время среднестатистический землянин, кардинально изменяющий свои запросы в пище и повседневной жизни, категорически изменил рацион своего питания. Стремление к повышению уровня и качества жизни диктует изменение образа жизни. Увеличилось потребление мясной и молочной продукции в странах с переходной экономикой, в развивающихся странах. Развитие туризма, взаимопроникновение культур различных народов, ошеломительными темпами развивающиеся планетарные СМИ и средства связи не могли не привести к данному результату. Еще одно следствие глобализации, упомянутая в контексте поднятой темы.

Сошлюсь на один из источников в СМИ, утверждавший, что житель Китая съедал в 1985 году порядка двадцати килограммов мяса. Так вот, он же съел в

2009 году уже более сорока килограммов мяса. Что привело к дополнительному водопотреблению в объеме около 400 кубокилометров воды. При этом китаец, все равно, потребил мяса в два с половиной раза меньше, чем среднестатистический американец в США. При сохранении тенденции перспектива понятна.

Известно, что на производство килограмма пшеницы идет до одной тонны воды, а на производство килограмма говядины её тратится (в зависимости от региона мира) от двух до шестнадцати тонн. А значит, легко прогнозировать и рост водопотребления при такой перспективе увеличения потребления мяса и мясных продуктов.

А оно не может расти до бесконечности, в силу ограниченности природных ресурсов. Неизбежна остановка этого процесса на определенном историческом этапе. Вопрос – какой ценой? К каким экономическим, социальным и политическим последствиям это приведет?

Резюмируем: к 2050 году мир неизбежно придет к проблеме глобального дефицита пресной воды, что не может не привести к перестройке мировой экономики, рынков сбыта различной продукции, в первую очередь, сельскохозяйственной.

Ухудшающаяся ситуация вынужденно приведет к ускоренному развитию отраслей и производств водоемкой продукции в странах, в которых имеется превышение водных запасов над объемом внутреннего потребления. Также, на передний план переместятся технологии водосбережения и водоохранные.

При этом источники водных ресурсов, водные бассейны и, как следствие, водные рынки, останутся в прежних географических границах. Это продиктует, в первую очередь, экономика, т.к. неэффективно нести значительные затраты для транспортировки воды при пересечении границ водных бассейнов. Если иное не продиктует политическая воля.

Становится актуальным осознание необходимости реструктуризации экономики стран, континентов в рамках возрастающего мирового вододофицита с акцентом на создание по региональному принципу новых водоемких производств, с организацией поставок их продукции в регионы, испытывающих проблемы с водой.

Очевидно, что развивающееся человечество, следуя веяниям глобализации, неотвратимо придет к необходимости создания неких мировых институтов для регулирования общемировых актуальных проблем (аналог нынешнего ООН в решении политических аспектов мирового устройства). Возможно, для начала испытав их прообразы и модели на региональном и межрегиональном уровне.

Но на данный момент такое предположение не видится однозначным и непреложным, несмотря на некоторые предпосылки.

К РАННЕЙ ИСТОРИИ РУССКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ СИБИРИ (НА ПРИМЕРАХ ПЕЛЫМА, ВЕРХОТУРЬЯ И ТУРИНСКА ВРЕМЕНИ МОСКОВСКОЙ СМУТЫ)

Солодкин Я. Г., д.и.н., профессор, Нижневартровский государственный гуманитарный университет

В пору «пленения и всеконечного разорения», пережитого Московским государством в первые годы XVII в., когда воеводам и письменным головам Сибири нередко приходилось действовать более самостоятельно, чем прежде, несколько изменился и порядок функционирования административного аппарата восточных уездов страны. Об этом свидетельствует, в частности, изучение состава, сословной принадлежности и хронологии деятельности пелымских, верхотурских и туринских «начальных людей» времени Смуты.

По данным Е. В. Вершинина, в 1605 – 1609 гг. Пелымом управляли И. М. Годунов, П. И. Загряжский и П. Д. Исленьев; когда первый из них покинул город, заложенный князем П. И. Горчаковым более чем десятилетие до наступления «межъусобной брани» в России, П. Д. Исленьев остался служить в крепости на Тавде, будучи уже помощником С. И. Волынского [1, с. 165].

И. М. Годунов, являвшийся в канун «разорения русского» стольником и кравчим [2, ч. 1, с. 180; ч. 2, с. 26, и др.], подобно нескольким своим родственникам, попал в Сибирь в опале с воцарением Лжедмитрия I. В 1613 – 1614 гг., т. е. в начале «державства» Михаила Федоровича, И. М. Годунов снова воеводствовал в «дальней государевой вотчине», теперь уже в Таре [1, с. 168]. (Летописное указание на воеводство И. М. Годунова в Пелыме с 1607/08 г., повторенное некоторыми исследователями [3, с. 235], неверно).

П. И. Загряжский, начиная с 1588/89 г., упоминается в числе выборных дворян по Верее [2, ч. 1, с. 168, 238, 302, 322, 339; 4, с. 154]. В 1608 г. он являлся воеводой Лжедмитрия II «на Курмыше» [5, с. 99]. Стало быть (вопреки сведениям Е. В. Вершинина), П. И. Загряжский входил в состав пелымских администраторов только в первые годы Смуты. Этот дворянин, в начале царствования Михаила Федоровича уже московский, в 1611 г. воеводствовал в Устюжне [5, с. 229; 6, с. 145]. (Родной брат П. И. Загряжского Федор, опять-таки выборный дворянин по Верее, в 1606/07 г. тоже служил в Сибири [4, с. 154], не исключено, в Нарымском остроге).

П. Д. Исленьев, который в боярском списке 1610/11 г. значится стряпчим с платьем [7, с. 82], во второй половине 1612 г. в одиночку управлял Пелымом, раскрыв заговор аборигенного населения нескольких сибирских и Чердынского уездов [8, с. 261, 263; 9, с. 61; 10, с. 72 – 73]. 30 апреля 1613 г. в чине стряпчего П. Д. Исленьев был направлен встречать нового государя в Москву, в последующие месяцы того же года воеводствовал в Ливнах, затем вместе с знаменитым князем Д. М. Пожарским сражался с лисовчиками под Орлом и поначалу бежал от них [11, с. 284; 12, с. 214, 366].

Степан Иванов сын Меньшого Волынский (его родной брат Семен в 1610 – 1613 гг. являлся вторым тюменским воеводой), по сведениям самого Е. В.

Вершинина, в течение 1608-1611 гг. управлял Березовым [1, с. 151]. Упоминаний о воеводстве этого стольника [7, с. 80; 13, с. 72, и др.] в Пелыме не сохранилось, да и С. И. Волынский, вспоминая в Казанском приказе в 1621 г. о своей службе в Березове и обнаруженной тогда местными и сургутским остяками «шатости» [14, с. 184], о пелымских в данной связи не обмолвился. Следовательно, включать С. И. Волынского в число воевод «Пелымского города» не приходится.

С 1613 г. во главе администрации «места нужного, безхлебного», как порой называли Пелым, упоминается Ф. А. Годунов. Он почти десятилетием ранее, будучи стольником царевича Федора Борисовича, в поход против Самозванца выставил четырех конных воинов, «опричь вяземские земли» [2, ч. 2, с. 31].

Около полувека, со времени основания Пелыма, там нес службу подьячий П. Степанов [3, с. 115; 15, № 9, с. 126; № 10, с. 239].

Верхотурскую приказную избу с 1605 г. вплоть до смерти в 1614 г. возглавлял окольный С. С. Годунов, незадолго до смерти пожалованный в бояре. Его сослуживцами при этом являлись письменные головы А. Ф. Загряжский и И. М. Плещеев [1, с. 43, 153]. (В ноябре 1605 г. Верхотурьем управляли А. Ф. Загряжский и И. Безобразов [16, с. 173]. Очевидно, к этому времени С. С. Годунов еще не прибыл в город, где находился, по меньшей мере вначале, в почетной ссылке).

С. С. Годунов, являвшийся стольником в 1588/89 г., при воцарении «расстриги» был сослан в Алатырь [2, ч. 1, с. 108; 17, с. 34, 36], а потом занял воеводскую должность «на Верхотурье», считавшемся «воротами» в Сибирь.

А. Ф. Загряжский – выборный по Боровску, затем дворянин московский – упоминается в документах с 1584/85 г., когда находился в Великих Луках «для городского дела». Через девять лет А. Ф. Загряжский был писцом в Старицком уезде, летом – осенью 1604 г. воеводствовал в Рыльске, где не сумел подавить мятеж, поднятый сторонниками самозваного царевича Дмитрия. В 1610 – 1611 гг. А. Ф. Загряжский являлся писцом в Архангельске; до «московского разорения» 19 марта 1611 г. оклады недавнего верхотурского головы равнялись 60 рублям и 800 четвертям [2, ч. 1, с. 94, 127, 277; 6, с. 143; 18, с. 358; 19, с. 315; 20, с. 309; 21, с. 187, и др.].

Жилец в 1588/89 г., затем выборный дворянин по Кашину, И. М. Плещеев в 1602/03 г. посылался «за разбойники»; при назначении в Сибирь бил челом на второго воеводу сибирской столицы Б. И. Нащокина-Капустина, т. к. Верхотурье читалось «пригородом» Тобольска, и получил «невместную» грамоту [2, ч. 1, с. 110, 111, 211; ч. 2, с. 11; 22, с. 49, 207].

Известно, что со времени «поставления» Верхотурья и до 1642 г. там служил в подьячих В. Игнатьев [15, № 9, с. 122, 126]. С 1612/13 г. упоминается и верхотурский подьячий В. Спицын (Ильин), иногда называемый Тимофеевым [20, с. 217; 23, с. 80 – 81; 24, с. 145; 25, с. 24].

Туринским острогом в 1606 – 1610 гг. ведали И. Н. Годунов и Р. А. Тушин, а следом (до 1612 г.) – Ф. П. Акинфов [1, с. 178], ранее, с 1608 г., управлявший Пермским краем [26, с. 295, 296, 302, 306].

Первый туринский воевода И. Н. Годунов (ранее Туринском или Епанчиным ведали письменные головы [3, с. 187]) в конце XVI в. был стольником; в поход против Лжедмитрия в 1604 г. снарядил пять всадников «опричь вяземской земли» [2, ч. 1, с. 108, 180; ч. 2, с. 44]. Как и его родственники, очутившиеся в Тюмени, Пелыме, Верхотурье, И. Н. Годунов попал в Туринский острог в опале, когда престол занял Самозванец.

Р. А. Тушин (родственник письменного головы Сургута 1606 – 1608 гг.), о пребывании которого в Туринске, про что не сказано в справочнике Е. В. Вершинина, сообщается в ряде источников [8, с. 242, 243; 22, с. 122, 175, 250; 24, с. 143, 192, 260, 317; 27, с. 189], в 1588/89 г. являлся жильцом, в следующем году – подрындой у копыя в «ругодивском» походе царя Федора. В начале XVII в. Р. А. Тушин принадлежал к «выбору» по Ржеве Владимировой; если верить Новому летописцу (далее – НЛ), удавил сосланного в Ныроб (что близ Перми) М. Н. Романова [2, ч. 1, с. 112, 202; 18, с. 415; 28, с. 54].

За последнюю четверть XVI – начало XVII вв. известно два Федора Петрова сына Акинфова – Чудинов и Андреев, и пока нельзя решить наверняка, какой из них сменил И. Н. Годунова на туринском воеводстве. Ф. П. Андреев Акинфов в 1577 г. упоминается как жилец, позднее входил в состав выборных по Юрьеву Польскому, в 1602/03 г. был стрелецким головой в Михайлове, в 1605 г. воеводствовал «на Царицыне» [2, ч. 1, с. 88, 151, 216; 13, с. 100; ср. 29, с. 184]. Гораздо больше мы знаем о Ф. П. Чудинове («Чюдине») Акинфове. Он являлся жильцом в 1577 г., в конце следующего десятилетия – выборным владимирским дворянином; назначался приставом у опальных князей Шуйских и в Новгород (очевидно, для участия в шведском походе), при Лжедмитрии I отправлялся в Коломну и Астрахань.

В 1605/06 г. Ф. П. «Чюдину» было «сказано» посольство в Персию, но следом, вероятно, это назначение отменили. Год спустя Ф. П. Чудинов Акинфов – дворянин московский, служивший на Старом Земском дворе и находившийся у «наряда» во время осады Калуги правительственными войсками. Оказавшись на воеводстве в Царицыне, Ф. П. Чудинов 24 апреля 1607 г. был арестован восставшими горожанами и отправлен в Астрахань, а если верить НЛ, убит приверженцами самозванного царевича Петра [2, ч. 1, с. 88, 130, 258, 328; 22, с. 11, 44, 46, 155, 185, 219; 28, с. 71; 30, с. 98].

Итак, во всех трех западносибирских городах, административная история которых в Смутное время служит предметом рассмотрения в настоящей работе, на воеводстве, что являлось для них почетной ссылкой, оказались Годуновы; со временем в Туринске такую должность занял Ф. П. Акинфов. Окольничему, затем боярину С. С. Годунову пришлось провести «на Верхотурье» почти целое десятилетие, его «коллеги» И. М. и И. Н. Годуновы ведали Пелымом и Туринском вдвое меньше, заметно, однако, превзойдя обычный для рубежа XVI – XVII вв. срок пребывания на воеводском посту, как и пелымский администратор П. Д. Исленьев. (Вопреки утверждению С. А. Галишева, Годуновы поневоле попали в Сибирь не при Шуйском [31, с. 58], а в царствование Лжедмитрия I). На протяжении всей Смуты в Пелыме и Верхотурье служили подьячие. Вторые роли в управлении этими городами, а

также Туринским острогом, принадлежали письменным головам, чаще всего относившимся к корпорациям выборных дворян.

Примечание

1. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). – Екатеринбург, 1998.
2. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. – М., 1979. – Ч. 1, 2.
3. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. – Новосибирск, 1991.
4. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в.: 1601-1608: Сб. док. – М., 2003.
5. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. – М., 2002. – Т. 3.
6. Акты Московского государства. – СПб., 1890. – Т. 1.
7. Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. – М., 1908. – Вып. 2.
8. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. – М., 2000. – Т. 2.
9. Акты времени междоусобия (17 июля 1610-1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябикина. – М., 1915.
10. Семенов О. В. К вопросу о положении городов и уездов Зауралья накануне и в годы Смуты // Мининские чтения: Тр. науч. конф. – Нижний Новгород, 2007.
11. Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611-1613 гг.: Переизд. – М., 1939.
12. Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. – СПб., 2004.
13. Разрядная книга 1475-1605. – М., 1994. – Т. 4. – Ч. 1.
14. Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. – Новосибирск, 1994.
15. Оглоблин Н. Происхождение провинциальных подьячих XVII в. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1894. – № 9, 10. – Отд. 2.
16. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. – М., 1982. – Вып. 2.
17. Корецкий В. И., Соловьева Т. Б., Станиславский А. Л. Документы первой Крестьянской войны в России // Советские архивы. – 1982. – № 1.
18. Разрядная книга 1475-1598 гг. – М., 1966.
19. Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. – М., 1970.
20. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. – М., 1975.
21. Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. – Л., 1985.
22. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). – М., 1907.
23. Книги разрядные, по официальных оных спискам. – СПб., 1853. – Т. 1.
24. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – М., 1987. – Т. 36.
25. Солодкин Я. Г. Становление приказной администрации в Сибири (конец XVI – начало XVII вв.) // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики: Докл. и сообщ. Всерос. научно-практ. конф., посвященной 300-летию образования Сибирской губернии. – Тюмень, 2009.
26. Рыбалко Н. В. Приказная служба дьяков и подьячих в городах периода царствования Василия Шуйского // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова. – СПб., 2007.
27. Покровский Н. Н. Сибирское общество XVII – начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI – XX вв. – Новосибирск, 2006.
28. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 14.
29. Разрядная книга 1550-1636 гг. – М., 1976. – Т. 2. – Вып. 1.

30. Станиславский А. Л. Опыт изучения боярских списков конца XVI – начала XVII в. // История СССР. – 1971. – № 4.

31. Галишев С. А. К вопросу о назначении воевод в города Тобольского разряда в XVII в. // Тез. обл. науч. конф., посвященной 400-летию Тобольска «Роль Тобольска в освоении Сибири». – Тобольск, 1987.

К ИСТОРИИ АДМИНИСТРАЦИИ ТЮМЕНИ, ТАРЫ И ТОМСКА В СМУТНОЕ ВРЕМЯ: СОСЛОВНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ И ХРОНОЛОГИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

*Солодкин Я. Г., д.и.н., профессор, Нижневартровский государственный
гуманитарный университет*

В годы «смятения во всей Русской земле», особенно в «безгосударное время» (вторая половина 1610 – начало 1613 гг.), когда воеводская администрация Сибири приобрела большую самостоятельность, чем в период правления и царствования Бориса Годунова, несколько изменился порядок ее формирования и деятельности, что, в частности, обнаруживается на примерах Тюмени, Тары и Томска.

Тюмень стала первым сибирским городом, во главы «съезжей» избы которой оказался воевода в ранге боярина. То был М. М. Годунов, подобно многим своим родственникам, сосланный на восточную «украину» страны с воцарением Самозванца. В Казани, по пути в Сибирь, Матвей Михайлович «бил челом» новому государю на двоюродного брата окольного Н. В. Годунова, назначенного с А. И. Вельяминовым в Тобольск, и в результате этого местнического спора Никиту Васильевича определили в Уфу, а очутившиеся на воеводствах в Тюмени, Верхотурье, Пелыме и Туринском остроге Годуновы добились права «писать» в Москву, а не тобольскому воеводе стольнику князю Р. Ф. Троекурову [1, с. 241 – 243; 2, с. 96 – 97].

Стольник в 1588/89 г., окольный с 1598 г., боярин с 25 декабря 1603 г., «дядька» царевича Федора Борисовича [3, с. 65 – 67], М. М. Годунов, как пишут Н. Н. Покровский и Е. К. Ромодановская, после смерти царя Бориса «уходит в тень, не участвует ни в борьбе за власть, ни в захвате земель и чинов» [4, с. 241]. Исследователи не учитывают, что он, начиная с 1605 г., провел целое десятилетие в почетной ссылке на тюменском воеводстве. Его пребывание в первом русском городе Сибири следует датировать не 1608 – 1615 [4, с. 241], 1606 – 1623 [5, с. 50], 1614 – 1615 [6, с. 269], а 1605 – 1614/15 гг. (По Е. В. Вершинину, М. М. Годунов находился в Тюмени до 1615/16 г. [7, с. 180]. Точнее, он был отозван в Москву в 1615 г. [8, с. 81; ср. 9, с. 270]). Заметим, что в некоторых документах сообщается о пребывании М. М. Годунова (подчас он называется Головиным) в Перми в начале 1612 г. [10, с. 48, 49; 11, с. 69, 121; 12, с. 270]. Но осенью и в начале зимы 1611 г. боярин, оказавшийся, пусть и поневоле, на сибирском воеводстве, находился в Тюмени [9, с. 259]. Видимо, переписчик грамоты, адресованной «на Тюмень», принял за резиденцию М. М. Годунова Пермь, через которую этот документ поступил в Сибирь.

Утверждение, будто М. М. Годунов, в 1620 – 1623 гг. управлявший Тобольском [7, с. 171], при Лжедмитрии I лишился боярского чина, получив его вновь в 1629 г. [5, с. 50], следует отнести к домыслам.

До 1610 г. вторым тюменским воеводой являлся Н. М. Изъединов. В 1585 г. он был тверским дворянином с окладами в 8 рублей и 450 четвертей [13, с. 54]. 24 июля 1607 г. в сражении у реки Ишима Н. М. Изъединов разбил наследника Кучума Али (Алея) и взял его в плен с родственниками и царевичем Азимом [9, с. 234, 447; ср. 283]. (Недавно Ю. С. Худяков превратил этого воеводу в татарского голову К. Изъетдинова. А. Г. Нестеров же принял сослуживца М. М. Годунова за тарского воеводу [14, с. 106; 15, с. 210]).

Не позднее марта 1610 г. [16, с. 239] вторым тюменским воеводой стал Семен Иванов Меньшого сын Волынский. Вместе с братом Степаном в 1606/07 г. он, имея чин жильца, участвовал в осаде Калуги, куда из-под Москвы отступил И. Болотников. Начиная с 1610/11 г., Семен Волынский упоминается в документах как стольник; по данным Е. В. Вершинина, он оставался на тюменском воеводстве до 1613 г. Вотчинник Клинского, помещик Вологодского и Муромского уездов, С. И. Волынский в начале царствования Михаила Федоровича имел оклады в 110 рублей и 1000 четвертей; участвуя в 1613/14 г. в походе боярина Д. Т. Трубецкого к Новгороду, «поставил» острог «на Бронницах» [13, с. 140; 17, с. 358; 18, с. 80; 19, с. 252; 20, с. 71; 21, с. 111, 123; 22, с. 403].

В Таре согласно наказу от 25 января 1603 г. [23, с. 321 – 324; ср. 24, с. 208] должны были находиться воевода князь И. А. Солнцев-Засекин и письменный голова З. И. Безобразов. (Указание на отправку последнего в Березов в начале 1603 г. [25, с. 41] ошибочно).

Представитель Ярославского княжеского дома, И. А. Солнцев-Засекин в 1577/78 г. состоял под началом М. А. Безнина в письменных головах, а в середине следующего десятилетия нес «береговую службу», в частности, в Белеве и «на Туле». В 1588/89 г. князь числится среди письменных голов в Астрахани, следом воеводствовал в Белеве (где «делал» город), Ряжске, Пронске, в 1596 г. «ставил» Оскол, которым управлял до 1597/98 г. [1, с. 37; 19, с. 123; 24, с. 6, 13, 14, 35, 37, 69, 99, 107, 117, 124, 142, 144; 26, с. 88] Не позднее следующего года И. А. Солнцев-Засекин стал дворянином московским; в этом чине он отправился в Сибирь, получив предварительно жалованье на два года. По возвращении из Тары (где находился еще в сентябре 1606 г. [9, с. 228]) князь Иван «сидел» в Холопьем приказе [19, с. 184, 255; 27, с. 4; 28, с. 76, 77].

З. И. Безобразов в 1588/89 г. являлся выборным дворянином по Ржеве Владимировой, тогда же описывал Белевский уезд, посылался на службу в Ржеву Пустую, затем «к Чюсовской Соли» и «на Орел» вместо А. Акинфова; в 1598 г. был участником знаменитого Серпуховского похода царя Бориса, а перед отъездом в Сибирь находился «на Вологде» [19, с. 136 – 137, 202, 329; 24, с. 155; 29, с. 121, 312].

В соответствии с наказом, появившемся в декабре 1605 г., Тарой стали управлять воевода князь С. И. Гагарин и письменные головы В. И. Нелединский, Б. С. Шишков [1, с. 241-242; ср.: с. 206; 30, с. 130, 145; 31, с. 143].

С. И. Гагарин упоминается в источниках с 1588/89 г., когда был жильцом; в 1602/03 г. являлся выборным дворянином по Верее, «отослан из Челобитной» (избы). Оставаясь верейским выборным, князь во время похода царского племянника боярина М. В. Скопина-Шуйского из Новгорода к Москве служил с В. И. Нелединским в Переяславле-Залесском [13, с. 129; 19, с. 111, 238]. (Представление, будто С. И. Гагарин воеводствовал «на Таре», будучи ссыльным [32, с. 61], безосновательно).

В. И. Нелединский с конца 1580-х гг. принадлежал к «выбору» по Бежецкому Верху, где воеводствовал в 1611 г. В «разрядах» за 1598 г. будущий письменный голова Тары упоминается как сын боярский, посланный в Псков. 1618 г., будучи уже столичным дворянином, В. И. Нелединский бежал из Москвы, когда к ней подошли войска королевича Владислава [19, с. 148; 22, с. 45; 33, с. 535; 34, с. 131, 228, 229].

Б. С. Шишков в 1585 г. упоминается среди дворян, служивших по Торжку. К местному «выбору» Б. С. Шишков принадлежал и в первые годы XVII в. [13, с. 56; 19, с. 240]

Наказ от 15 февраля 1608 г. предусматривал отправить в Тару новых администраторов: воевод князя И. В. Кольцова-Мосальского и Г. Г. Желябужского, письменного голову А. Ф. Поленова [1, с. 122, 175, 207, 250; 9, с. 661; 30, с. 33, 131, 145].

Первый из них, согласно боярскому списку 1606/07 г., вместе с братом Андреем в чине стольника участвовал в осаде Калуги; в этом чине мы встречаем захудалого князя и четыре года спустя [18, с. 79; 19, с. 251]. (И. О. Тюменцев заблуждался, предполагая, будто И. В. Кольцов-Мосальский воеводствовал в Мангазее [35, с. 288]).

В самом начале XVII в. Г. Г. Желябужский, бывший дьяком при «святоцаре» Федоре, являлся выборным дворянином по Козельску и получил назначение в Сибирь, которое, видимо, было отменено; в поход против «расстриги» снарядил шесть конных воинов. Вскоре после вступления на престол Лжедмитрия I Г. Г. Желябужский стал дьяком приказа Большого дворца, с воцарением Шуйского сделался думным дьяком, но быстро лишился этого звания и за Урал, как можно думать подобно И. О. Тюменцеву, попал в опале [19, с. 226; 35, с. 281; 36, с. 207, 272, 273, 275, 277 – 281, 283 – 287; 37, с. 46; 38, с. 602; 39, с. 140, 143, 147]. В годы междуцарствия, получив чин дворянина московского, Г. Г. Желябужский являлся вторым воеводой в Костроме [18, с. 91; 23, с. 175, 176; 40, с. 183].

О А. Ф. Поленове известно лишь, что накануне и в самом начале Смуты он входил в состав корпорации выборных дворян по Ярославлю [19, с. 201; 37, с. 8]. (Указание на пребывание А. Ф. Поленова в Таре в 1602 г. [41, с. 55] ошибочно).

В Книге записной (далее – КЗ) – старшей редакции Сибирского летописного свода (далее – СЛС) – под 1600/01 – 1601/02 гг. читаем, что И. В. Кольцов-Мосальский, Г. Г. Желябужский и А. Ф. Поленов «за Кучумом царем ... в поход ходили в поле», а Поленов – еще и «по соль к Ямышу озеру и не ведая обычая» калмыков, «а за гордость у сибирцов не спросался, и многих

татар побил, а соли не взяв, со стыдом возвратился». Следом в КЗ об окончательном разгроме Кучума повествуется под 1600/01 г. (причем в основном воспроизводится рассказ Нового летописца), без упоминания предводителей похода, только отмечено, что он состоялся при воеводе князе И. Мосальском. С. У. Ремезов уже сообщал о походе этого воеводы на кучумлян в 1598 г., что повторила М. К. Иоффе [31, с. 141, 142; ср. 191, примеч. 20 – 23; с. 370; 42, с. 567; 43, с. 11].

В некоторых разрядных записях говорится о воеводстве в Таре при царе Василии И. М. Годунова [1, с. 85, 94, 141, 149]. Но последний в 1605 – 1609 гг. наряду с П. И. Загряжским и П. Д. Исленьевым управлял Пелымом, «на Таре», по данным Е. В. Вершинина, И. М. Годунов находился в 1613 – 1614 гг. [7, с. 165, 168; 9, с. 240 – 242, 246 – 251]. Ошибочно и указание СЛС на «сидение» в Таре в 1612/13 – 1614/15 гг. И. М. Годунова с П. Д. Исленьевым, который в начале царствования Михаила Федоровича служил в Москве и Ливнах [31, с. 144, 193; 44, с. 284].

Основавших Томск в сентябре 1604 г. письменных голов Г. И. Писемского (тульского выборного дворянина, ранее занимавшего такую же должность в Сургуте) и тобольского сына боярского В. Ф. Тыркова (Н. С. Модоров неверно называет их воеводами [45, с. 62, 63] согласно наказу от 31 января 1606 г. сменили письменные головы М. Н. Ржевский и С. А. Бартенев [30, с. 39, 147; 46, с. 45 – 47]. Эти головы, отстраненные от власти (после 1 января 1608 г.) по настоянию возмущенного их насилиями томского «мира» [47, с. 234 – 235], принадлежали к числу выборных дворян по Дорогобужу (Ржевский) и Вязьме (Бартенев) [19, с. 206, 244, 313, 314]. Последний в 1611/12 г. посылался властями нижегородского ополчения на Вычегду, в начале царствования Михаила Федоровича состоял уже дворянином московским, в 1618 г. находился «у колодников»; его вотчины в Гороховецком и Суздальском уездах перешли к жене Арине и сыну Захариию [13, с. 146; 22, с. 42, 115, 211; 44, с. 236].

Пять лет, начиная с 1608 г., «сидели в Томском» В. В. Волынский Щепин и М. И. Новосильцев [31, с. 344] – первые воеводы этого города.

В. В. Волынский, составлявший в конце царствования Федора Ивановича рязанскую писцовую книгу, в 1598/99 г. являлся стряпчим с платьем, с начала «державства» Василия Шуйского числился стольником; в 1614/15 г. служил в Невеле (кстати, вместе с Г. И. Писемским), затем в Новосили; в середине 1620-х гг. был вторым воеводой в Казани. В начале царствования Михаила Федоровича оклад В. В. Волынского достиг 145 рублей и 1200 четвертей. В 1631/32 г. его назначили ведать в Москве наемными немцами; следом он служил в приказе Большой казны. За отказ отправиться в смоленский поход с боярином М. Б. Шеиным («по недружбе») владения прежнего томского воеводы были конфискованы, а сам он сослан в Казань [13, с. 140, 373, 374, 383; 18, с. 80; 19, с. 181, 252; 20, с. 69; 48, с. 801; 49, с. 280, 298, 340, 343, 367 – 368]. (Указание на отправку якобы опального В. В. Волынского в «Томский город» при царе Борисе [3, с. 133, примеч. 44] – несомненная ошибка).

М. И. Новосильцев в первом десятилетии XVII в. относился к «выбору» по Владимиру. В одном из боев с отрядами Лжедмитрия I провинциальный

дворянин был ранен и вернулся в Москву. В 1605/06 г. его поместный оклад составлял 600 четвертей, затем вырос за участие М. И. Новосильцева в сражениях с «ворами» под Кромами и Тулой. Он в начале царствования Михаила Федоровича являлся дворянином московским, был разбит «литвой» неподалеку от Смоленска, оборонял столицу, когда к ней подступила армия королевича Владислава, сопровождал боярина Ф. И. Шереметева к Троице-Сергиеву монастырю на переговоры о завершении войны с Речью Посполитой; в 1619/20 г. оклад М. И. Новосильцева, бывшего вотчинником Владимирского уезда, увеличился до 75 рублей и 950 четвертей. В 1627/28 г. М. И. Новосильцев получил назначение в сторожевой полк на Крапивну, в следующем году входил в число приставов у приехавших в Москву шведских послов, а потом отправлен в Вязьму «для городового ... дела запасов пасты» [13, с. 145; 18, с. 95; 20, с. 75 – 76; 49, с. 347, 351, 353; 50, с. 135; 51, с. 140, 294 – 295, и др.].

В документах упоминается о томском подьячем времени царя Василия К. Федорове [47, с. 235; 52, с. 408, 410, и др.].

По данным Е. В. Вершинина, в 1613 г. администратором в крепости, заложенной на правом берегу Томи, при впадении в нее реки Ушайки, снова был В. Ф. Тырков [7, с. 38; ср.: с. 175; 9, с. 297]. Если верить «рописи томских воевод», заключающей особый вид СЛС, после отъезда В. В. Волынского и М. И. Новосильцева «атаман Иван Пуцин сидел год» в недавно основанном городе [31, с. 344]. Сургутского сына боярского И. Пуцина в 1609 г. предписывалось спешно перевести в Томск. Сделавшись там стрелецким сотником, И. Пуцин «ставил» Кузнецкий и Чулымский остроги, участвовал в походе на «кузнецких татар», а в годы тобольского воеводства боярина князя И. С. Куракина (1616 – 1620) являлся «товарищем» томских воевод Ф. В. Бобарыкина и Г. Ю. Хрипунова [9, с. 299, 302; 52, с. 312, 314, 316, примеч. 53; с. 433, 446; 53, с. 297, 300; 54, с. 35; 55, с. 356; 56, с. 148 – 149; 57, с. 120, и др.].

Итак, большинство воевод и письменных голов городов Южной Сибири периода московской Смуты принадлежало к выборным корпорациям (по Бежецкому Верху, Владимиру, Верее, Вязьме, Дорогобужу, Ржеве Владимировой, Торжку, Туле, Ярославлю). Среди «начальных людей» Тюмени, Тары и Томска пережитого Россией «мятежного времени» мы встречаем одного боярина (поначалу опального), представителей двух княжеских родов, жильца, двух стольников, одного дворянина московского, недавнего думного дьяка, сына боярского и даже атамана; сословный статус тюменского воеводы Н. М. Изъединова, разгромившего наследника Кучума Али (Алея), остается неясным. В Томске в годы «разорения русского» при письменных головах состоял подьячий; скорее всего приказные такого ранга подобно Тобольску и Пелыму имелись также в Тюмени с Тарой. Многие администраторы, как и накануне «межъусобной брани» Московского государства, провели в Сибири два – три года, но тюменская служба боярина М. М. Годунова затянулась на целое десятилетие, а его «товарищу» Н. М. Изъединову, да и первым томским воеводам В. В. Волынскому Щепину и М. И. Новосильцеву пришлось «сидеть» в «дальней государевой вотчине» всего лишь вдвое меньше. Немало воевод и

письменных голов южных городов «русской» Сибири рассматриваемой поры впоследствии стало дворянами московскими, и пребывание на востоке России зачастую могло содействовать дальнейшей карьере этих «начальных людей».

Примечание

1. Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). – М., 1907.
2. Эскин Ю. М. Смута и местничество // Архив русской истории. – М., 1993. – Вып. 3.
3. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). – СПб., 1992.
4. Тобольский архиерейский дом в XVII веке / Изд. подг. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. – Новосибирск, 1994.
5. Ульяновский В. И. Российские самозванцы: Лжедмитрий I. – Киев, 1993.
6. Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. – СПб., 2004.
7. Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). – Екатеринбург, 1998.
8. Книги разрядные в официальных оных списках. – СПб., 1853. – Т. 1.
9. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. – М., 2000. – Т. 2.
10. Акты времени междуцарствия (17 июля 1610 – 1613 г.) / Под ред. С. К. Богоявленского и И. С. Рябинина. – М., 1915.
11. Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611-1612 гг. – Харьков, 1958.
12. Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI – XVII веках. – М., 1962.
13. Акты Московского государства. – СПб., 1890. – Т. 1.
14. Худяков Ю. С. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы Междунаро. конф. – Курган, 2011.
15. Нестеров А. Г. Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: Мат-лы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, Омск, 2002.
16. Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. – М., 1982. – Вып. 2.
17. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. – М., 1869.
18. Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. – М., 1908. – Вып. 2.
19. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее – БС). – М., 1979. – Ч. 1.
20. Боярская книга 1627 г. – М., 1986.
21. Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI – XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). – М., 2004.
22. Осадный список 1618 г. – М.; Варшава, 2009 (Памятники истории Восточной Европы: Источники XV – XVII вв. Т. 8).
23. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века (далее – АСЗ). – М., 2002. – Т. 3.
24. Разрядная книга 1550 – 1636 гг. (далее – РК). – М., 1976. – Т. 2. – Вып. 1.
25. Мордовина С. П., Станиславский А. Л. / Вступительная статья // БС. Ч. 1.
26. Местнические дела 1563 – 1605 гг. / Собраны и изданы Н. П. Лихачевым. – СПб., 1894.
27. Четвертки Смутного времени (1604 – 1617) / Собр. и редак. Л. М. Сухотин. – М., 1912.
28. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. – Л., 1986.
29. Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. – М., 1970.

30. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592 – 1768 гг.)/Сост. Н. Н. Оглоблин. – М., 1901. – Ч. 4.
31. Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – М., 1987. – Т. 36.
32. Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. – М., 2005.
33. Разрядная книга 1475-1598 гг. – М., 1966.
34. АСЗ. – М., 1998. – Т. 2.
35. Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. – Волгоград, 1999.
36. Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. – М., 1959.
37. БС. – М., 1979. – Ч. 2.
38. Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. – М.; Тула, 2009.
39. Лисейцев Д. В. Приказный аппарат Московского государства в царствование Лжедмитрия I // Самозванцы и самозванчество в Московии: Мат-лы междунаро. науч. семинара. – Будапешт, 2010.
40. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. – М., 1975.
41. Акулич Е. М., Акулич М. М., Гербер Л. П. Тобольская эпоха Юрия Крижанича. – Тюмень, 2006.
42. Памятники литературы Древней Руси: XVII в. – М., 1989. – Кн. 2.
43. Иоффе М. К. Тара: К 350-летию города. – Омск, 1945.
44. Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611-1613 гг.: Переизд. – М., 1939.
45. Модоров Н. С. Освоение Южной Сибири Русским государством в начале XVII века // Вопросы археологии и истории Сибири: Памяти профессора А. П. Уманского. – Барнаул, 2008.
46. Бояршинова З. Я. Основание русского города на Томи // Вопросы географии Сибири. – Томск, 1953. – Сб. 3.
47. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII в. – Новосибирск, 1991. – С. 234-235.
48. Русская историческая библиотека. – Пг., 1917. – Т. 35.
49. РК. – М., 1976. – Т. 2. – Вып. 2.
50. ПСРЛ. – М., 1965. – Т. 14.
51. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII в.: 1601-1608: Сб. док. – М., 2003.
52. Миллер Г. Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. – М., 1999. – Т. 1.
53. Сергеев В. И. Основание Кузнецка и его уезда в Западной Сибири // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в.: Очерки по исторической географии XVII в. – М., 1974.
54. Из истории земли Томской: 1604-1917 (Сб. док. и мат-лов). – Томск, 1978. – Вып. 1.
55. Покровский Н. Н. Томск: 1648-1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. – Новосибирск, 1989.
56. Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. – Новосибирск, 1993.
57. Древний город на Оби: История Сургута. – Екатеринбург, 1994.

ДЕТОРОЖДЕНИЕ КАК ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ГРАЖДАН

Устинова О.В., к.с.н., доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ

Очевидно, что количество детей в семье зависит, с одной стороны, от репродуктивных установок супругов, а с другой – от внешних обстоятельств, которые, по оценке людей, могут способствовать, либо препятствовать их реализации. В свою очередь, репродуктивные установки людей напрямую зависят от их ценностных ориентаций.

С целью выявления, какое место среди основных ценностей граждан занимает желание иметь детей, автором статьи был проведен опрос 526 жителей г. Тюмени в возрасте от 16 до 40 лет. Выборка соответствует критериям репрезентативности, определенным в соответствии методиками расчетов В. Ядова и Э. Ноэль [1]. Ошибка выборки не превышает 5%.

Респондентам было предложено проранжировать в порядке убывания ценностные ориентации личности. Исходной гипотезой исследования выступал тезис о том, что в современной системе ценностей деторождение не является приоритетным. Анализ ответов респондентов позволил установить, что рождение ребенка в семье, как ценность, жителями г. Тюмени отнесено на 5 место (см.: табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос о ценностных ориентациях личности

Ценностные ориентации	Ранг	Доминантная группа	В том числе	
			Женщины	Мужчины
			(доля упоминаний на данной позиции)	
Карьерный рост	1	Ж 20-24	1 (69,0%)	2 (60,8%)
Материальное благополучие	2	М 15-24	2 (57,3%)	1 (66,3%)
Решение жилищного вопроса	3	Ж 25-39	4 (49,5%)	5 (48,6%)
Профессиональная самореализация	4	М 20-24	6 (34,9%)	3 (56,7%)
Один ребенок	5	Ж 20-24	5 (40,3%)	7 (38,8%)
Крепкий брак	6	Ж 15-29	3 (51,2%)	10 (24,1%)
Занятие любимым делом	7	М 25-29	10 (15,1%)	4 (50,2%)
Личная свобода	8	М 20-29	9 (19,1%)	6 (40,7%)
Хорошее здоровье	9	МЖ 25-40	8 (29,7%)	8 (33,4%)
Два ребенка	10	Ж 25-29	7 (32,1%)	11 (12,3%)
Общественное признание и уважение	11	М 30-34	11 (9,5%)	9 (30,0%)
Три ребенка и более	12	МЖ 30-34	12 (4,4%)	12 (6,1%)
Процент к выборке		-	54,4	45,6

Очевидно, что желание иметь двух и более детей, как женщины, так и мужчины, среди ценностных ориентаций ставят в конец списка. При этом в разрезе возрастных групп наблюдаются некоторые различия, которые, тем не менее, не приносят оптимизма в сложившуюся ситуацию. Так, 26,2%

молодежи в возрасте до 25 лет не желает иметь детей, а 39% – желает иметь не более одного ребенка (см.: рис. 1).

Опираясь на данные статистики, пик рождаемости в России приходится на женщин в возрасте от 20 до 24 лет. В то же время согласно проведенному опросу, подавляющее большинство женщин этой возрастной группы (80,6%) высказалось в пользу рождения одного (32,8%) или двух (47,8%) детей. Также прослеживается тенденция сокращения доли респондентов по мере увеличения возраста, указывающих на нежелание иметь детей, а также рост доли лиц, желающих иметь двух детей. Примечательно, что доля лиц, предпочитающих иметь одного ребенка в разрезе возрастных групп не меняется, однако в индивидуальном разрезе наблюдается следующая значимая закономерность: по мере увеличения возраста респондентов возрастают их ожидания по поводу желаемого количества детей. Тем не менее, говорить о позитивной динамике воспроизводства населения в перспективе не приходится, т.к. доля респондентов, желающих иметь трех и более детей, стремится к минимуму.

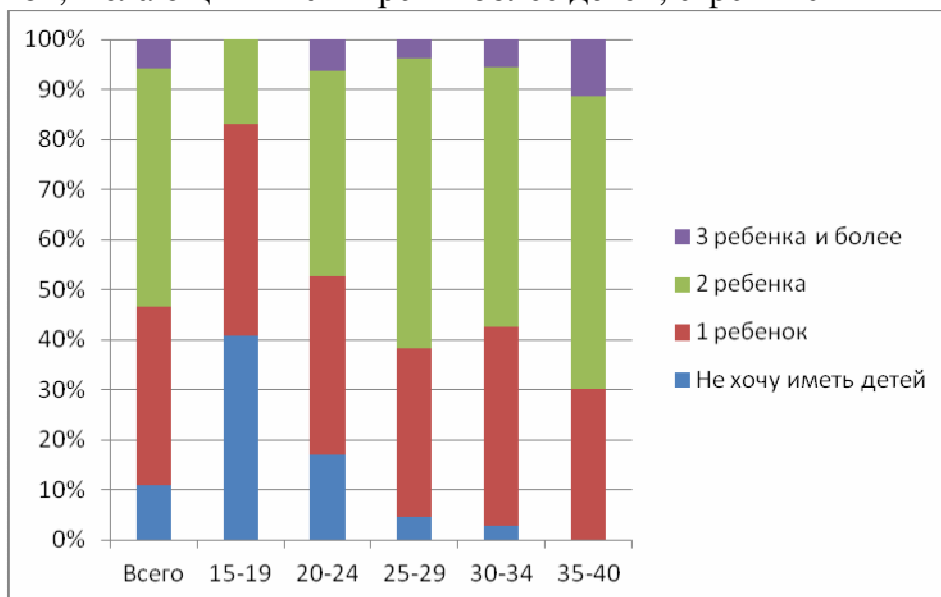


Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о желаемом количестве детей, % к общему числу респондентов в возрастной группе

Примечание

1. Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии: Пер. с немец. – М., 1993; Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. – М., 2007.

РОЛЬ КАРЬЕРНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ РАЗВИТИИ МЕНЕДЖЕРА

Утешев Р.С., соискатель ТюмГНГУ

Динамика и направление развития компании обусловлены, с одной стороны, интересами собственников, а с другой, – профессионализмом управленческого персонала.

По мнению Ю.Г. Бюраевой, на современном этапе «наряду с академической институализацией управления как профессии практикующие менеджеры приходят к пониманию собственной профессиональной идентичности» [1]. Последняя, в свою очередь, предполагает умение оперировать набором компетенций, определяющих профессиональную позицию и продвижение по служебной лестнице менеджеров. Как отмечает П.А. Сорокин, «основная форма социального тестирования и селекции индивидов профессиональными организациями проявляется в восходящем продвижении, блокировании, нисходящем движении внутри профессиональных рангов и межпрофессиональных слоев» [2]. В этой связи в современных условиях карьерный рост следует рассматривать как сложный индивидуальный процесс взаимодействия субъекта с социальной средой.

Однако нередко в современных компаниях существуют организационные барьеры в развитии карьеры менеджеров, устранение которых возможно посредством таких форм работы с персоналом как:

- проведение семинаров и тренингов по управлению карьерой;
- создание и запуск центров по работе с персоналом;
- обсуждение ситуации и техники выполнения заданий;
- обсуждение развития самой карьеры и многое другое.

При этом существенную роль в развитии карьеры менеджеров играет планирование. В этой связи особого внимания заслуживают программы профессионального развития сотрудников, которые предлагают: возможность планирования своей карьеры; регулярную и комплексную оценку своих достижений; получение конструктивной обратной связи.

Данные программы предоставляют менеджерам возможность сознательного формирования собственной карьеры. Технология составления карьерного плана является достаточно трудоемкой и может потребовать помощи со стороны работодателя, семьи, друзей, консультантов, образовательных организаций, опытных коллег и пр.

При этом крупные компании могут предложить менеджерам интересные программы обучения на рабочем месте, позволяющие расширить навыки по решению различных задач, возложенных как в рамках имеющейся, так и желаемой карьерной позиции. Это позволит менеджеру не только эффективнее выполнять возложенные на него функции, но и быть уверенным в целесообразности дальнейшего продвижения в данной компании.

Подобные программы не только способствуют реализации карьерного плана конкретных сотрудников, но и формируют осознание зависимости успеха от собственных достижений, а также доверительные отношения между отдельными менеджерами и всей компанией. Сотрудники начинают ценить организацию за хорошие условия труда, креативность, понимание их личных потребностей. Программа обучения может стать платформой для сотрудничества менеджеров в области достижения целей компании, где в неформальной обстановке они смогут планировать проекты для дальнейшего развития организации.

С целью исследования факторов, влияющих на развитие карьеры менеджеров российских организаций, автором статьи был проведен опрос 418 менеджеров г. Тюмени. Структура выборки представлена тремя уровнями управления: низшее, среднее и высшее звено, – каждый из которых рассмотрен в гендерном разрезе (см.: табл. 1).

Таблица 1

Структура выборки

Уровень управления	Группы				Всего
	Мужчины		Женщины		
	% к выборке	% к группе	% к выборке	% к группе	
Низшее звено	16,3	30,0	15,6	34,0	31,8
Среднее звено	25,1	46,3	20,8	45,5	45,9
Высшее звено	12,9	23,8	9,3	20,4	22,2
Итого	54,3	100,0	45,7	100,0	100,0

Анализ ответов респондентов на вопрос о целесообразности управления развитием карьеры менеджера позволил автору установить, что примерно пятая часть опрошенных считает такую деятельность безрезультатной, апеллируя к тому обстоятельству, что продвижение по карьерной лестнице зависит не от усилий и квалификации менеджера, а от внешних факторов, случая, знакомств, связей и т.д. При этом доля мужчин и женщин, давших такой ответ, оказалась примерно одинаковой (см.: рис. 1).

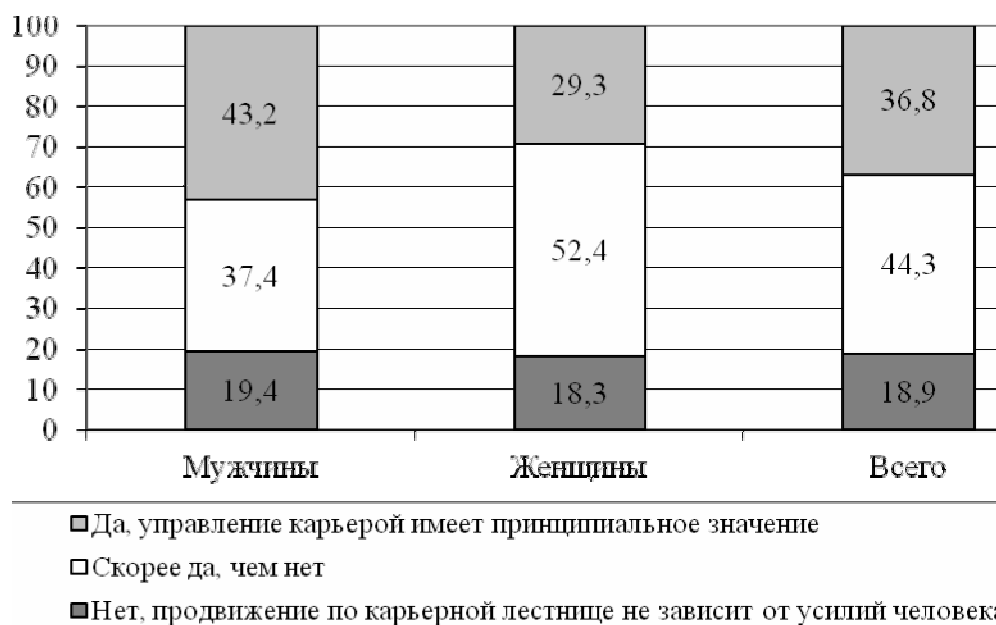


Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос о целесообразности управления карьерой менеджера, %

Примечательно, что среди пессимистично настроенных респондентов преобладают руководители низшего звена, которые, судя по всему, либо еще молоды, либо не обладают достаточным управленческим опытом. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди пессимистично настроенных в отношении управления карьерой женщин существенная часть приходится на долю

руководителей среднего звена, что, к сожалению, позволяет признать факт констатации многими современными женщинами определенных признаков гендерного неравенства.

Наибольшее число респондентов высказывается в поддержку целесообразности управления карьерой: 44,3% считают его допустимым, а 36,8% – необходимым процессом и действенным механизмом. Однако в разрезе полов на безусловную поддержку необходимости управления карьерой указывают 43,2% мужчин и лишь 29,3% женщин, причем в каждой из категорий респондентов преобладают высшие руководители, чей опыт, очевидно, свидетельствует о благоприятном воздействии управляющих механизмов на процесс продвижения индивида по соответствующей карьерной лестнице.

Среди факторов, препятствующих продвижению менеджеров по карьерной лестнице, респонденты наиболее часто упоминают недостаток опыта, а также отсутствие четкого видения карьеры. Причем последний критерий характерен в большей степени для женщин, тогда как мужчины ставят его на 5-6 место (см.: рис. 2).

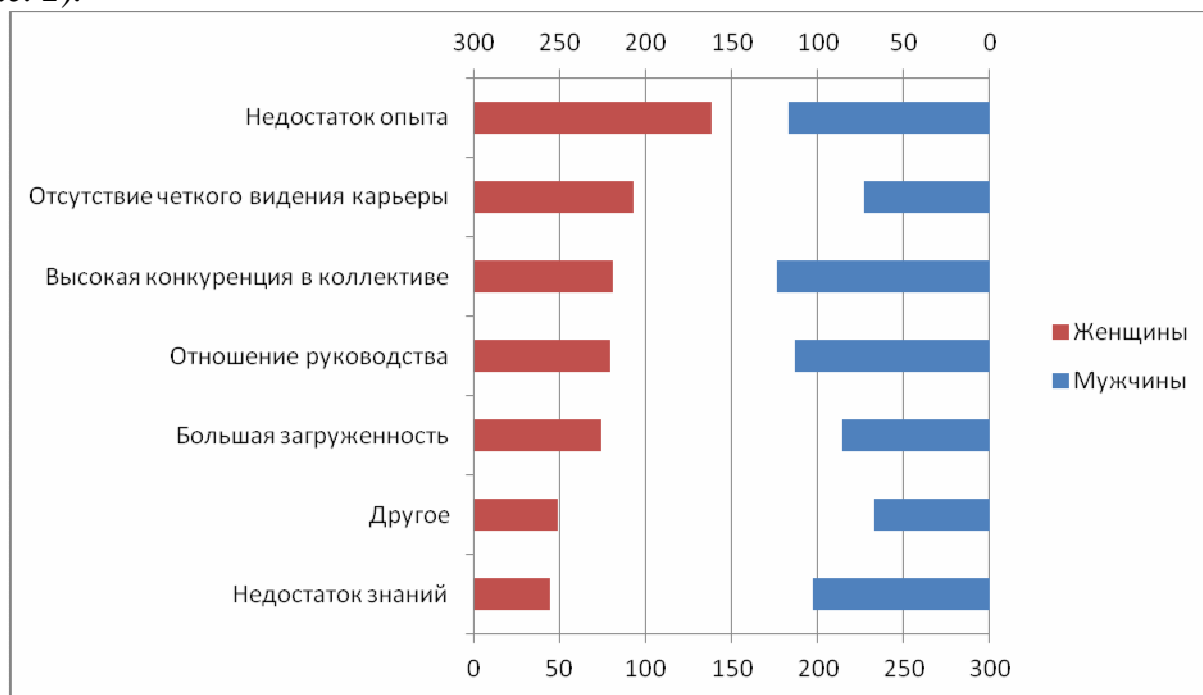


Рис. 2. Мнения респондентов о ключевых препятствиях на пути карьерного роста (по частоте упоминаний)

Стоит отметить также, что в гендерном аспекте прослеживаются некоторые различия. Так, большинство мужчин в качестве препятствия их карьерному росту видят высокую конкуренцию в трудовом коллективе, равно, как и отношение к себе со стороны руководства. Очевидно, что мужчины склонны более рационально оценивать реальные возможности и угрозы, существующие на пути их профессионального становления. На это косвенно указывает и тот факт, что фактор «недостаток знаний» женщинами отводится на последнее место, тогда как мужчины в большей степени реалистично оценивают уровень своей теоретической и практической подготовленности.

При этом в разрезе уровней управленческой иерархии прослеживается четкая обратная зависимость: с понижением уровня управления возрастает роль карьерного планирования, что свидетельствует, в свою очередь, о необходимости применения соответствующих инструментов.

Помимо прочего, проведенный автором опрос также показал, что респонденты одинаково эффективными считают такие инструменты управления карьерой менеджера, как персональное наставничество – коучинг и планирование развития карьеры вышестоящим руководством – бридинг (см.: рис. 3).

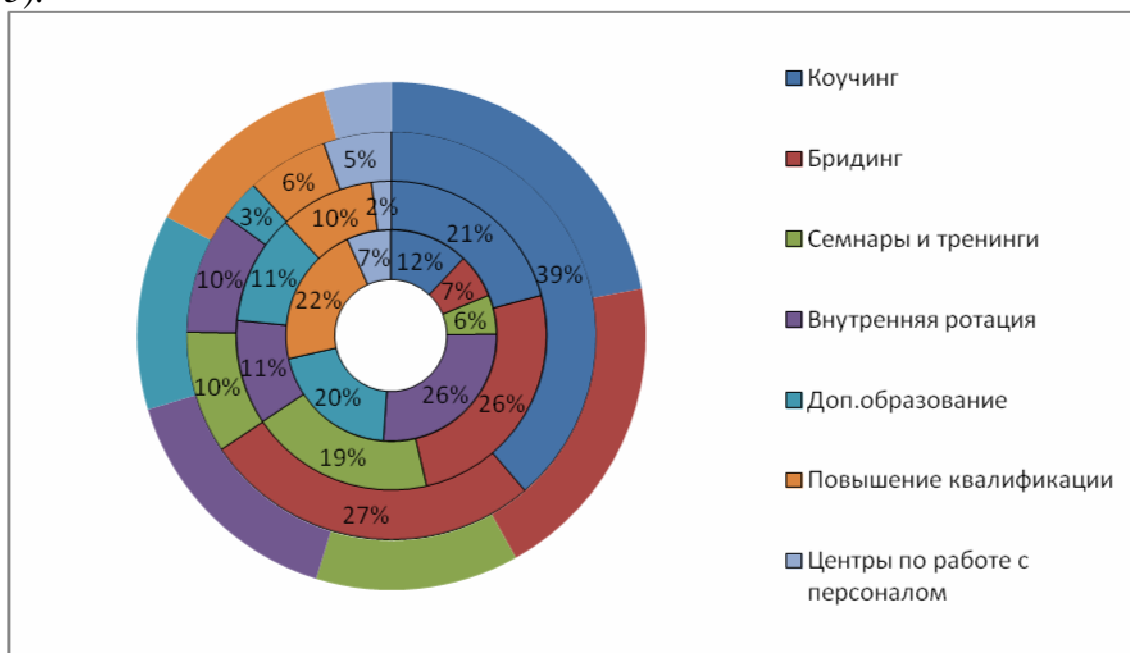


Рис. 3. Распределение мнений респондентов о наиболее эффективном инструменте управления карьерой (от центра: низшее звено, среднее звено, высшее звено, всего), %

Таким образом, было установлено, что карьерное планирование является наиболее эффективным инструментом, что подтверждается большинством мнений менеджеров среднего и высшего звена.

С позиции автора статьи, разработка карьерного плана должна осуществляться на основе модели развития компетенций, представляющих в совокупности компетентностное «облако». Авторская модель сочетает в себе оценку сотрудников, подготовку учебных планов и планирование карьеры (см.: рис. 4).

Совокупность компетенций специалиста условно обозначена автором как «облако» в связи с их полиморфностью, взаимопересечением и взаимодополнением. Тем не менее, существуют четыре относительно обособленные группы компетенций, состав которых представлен следующими аспектами. Отраслевые компетенции связаны со знанием специфики работы соответствующих производств, включают знания и профессиональные навыки, знакомство с методологией и установленными стандартами работы. Группа лидерских компетенций связана с обладанием лидерскими качествами и навыками, способностью работать в команде и организовывать командную

работу, воздействовать на мотивацию подчиненных, осуществлять постановку целей и обеспечивать достижение результатов. Группа компетенций управления понимается, как способность принимать обоснованные и взвешенные управленческие решения по использованию имеющихся ресурсов и реальное стремление к развитию. Последняя группа, представленная коммуникационными компетенциями, характеризует: способность менеджера взаимодействовать с внешним миром, налаживать взаимовыгодные связи с поставщиками и покупателями, а также его навыки в области профессиональной самопрезентации.

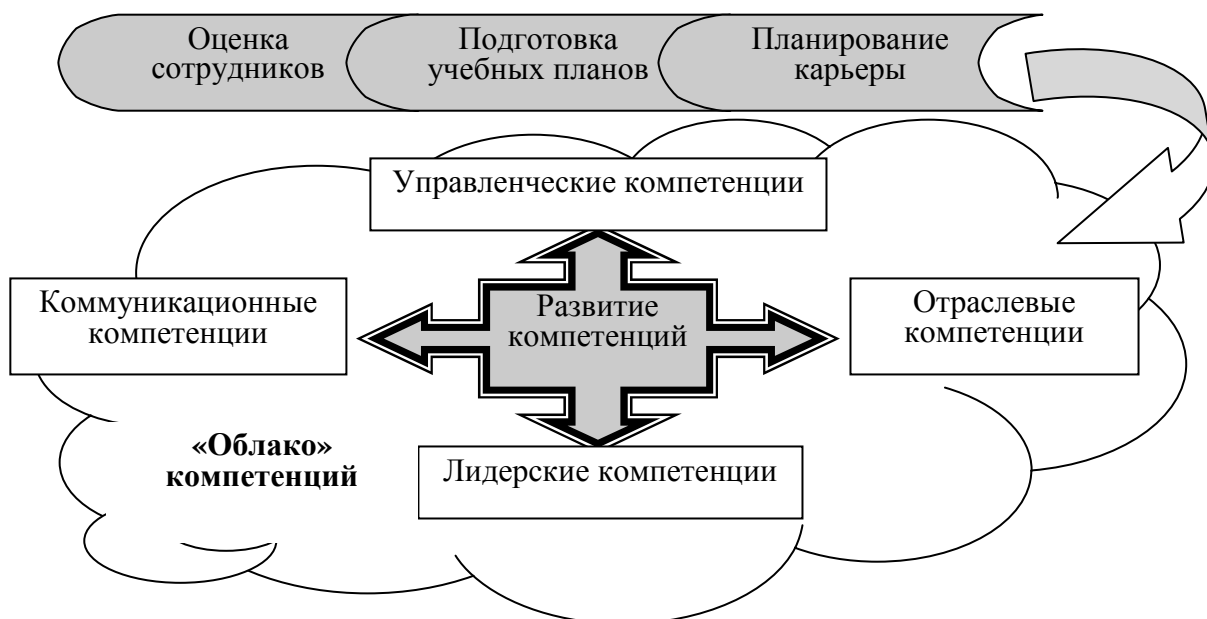


Рис. 4. Логическая схема разработки карьерного плана на основе авторской модели развития компетенций

В реализации же карьерного плана менеджера, основной акцент, тем не менее, должен быть направлен в сторону управленческих компетенций, позволяющих использовать потенциал всех сотрудников, и, следовательно, повышать эффективность управления целой компанией.

Использование карьерного плана позволяет менеджерам оказывать реальное влияние на ход их карьеры. В свою очередь, проверка достижения целей при реализации авторской модели развития компетенций может быть осуществлена с помощью компьютерной системы, через которую каждый менеджер получит доступ к информации о нем. Профиль менеджера в компьютерной системе может включать такие компоненты как набор персональных данных, наличие требуемых компетенций для занимаемой и желаемой должностей, а также динамику продвижения по карьерной лестнице. Обязательным инструментом планирования карьеры менеджеров в компании должно стать наличие соответствующих методических материалов. При этом важно, чтобы обучение было доступно для всех менеджеров - независимо от их пола и возраста. Кроме того, в соответствии с принципом «люди развивают людей», каждый менеджер должен иметь консультанта в рамках компании, который, согласно авторской задумке, не должен быть его прямым

руководителем, но должен находиться на два управленческих уровня выше, что будет предполагать его хорошую осведомленность в области долгосрочных целей всей организации, ее проблемных зон, требующих, в свою очередь, контроля и улучшения.

Таким образом, представляется, что гармоничное профессиональное развитие менеджера в целях эффективного управления его карьерным ростом должно основываться на эквивалентном развитии компетенций, встроенных в комплексную систему управления целой компанией.

Примечание

1. Бюраева Ю. Г. Проблемы становления профессии «менеджер» в условиях Республики Бурятия. // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2011. – № 2 (217). – Вып. 20. – С. 147. (С. 147–152).

2. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 204. (543 с.)

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

*Хворостов А.Ю., к.п.н., доцент, Новокузнецкий филиал (институт)
Кемеровского государственного университета*

Традиционным природопользованием Федеральным законом «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» признается «исторически сложившиеся и обеспечивающие неистощительное природопользование способы использования объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

В целом традиционное природопользование признается неизменным, так как при его осуществлении, как и в прошлом, сохраняется единение с природой, обеспечивается естественная (природная) жизнедеятельность человека, в сохраняется природная среда, а представители коренных народов не утрачивают своих традиционных навыков, направленных на защиту среды их обитания, чему способствует сохранение ими традиционного образа жизни и традиционных основ хозяйствования. Хозяйственная деятельность данных лиц веками осуществлялась так, что природа не теряла возможности самовосстанавливаться, а они заботились о ее сохранности и восстановлении.

Юридически традиционное природопользование регламентируется не только федеральным законодательством, законодательством соответствующих субъектов Российской Федерации и нормами международного права, но и обычаями коренных малочисленных народов, что предусмотрено не только российским законодательством (ст. 2 закона «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»), но и в международном праве (ст. 8

Конвенции № 169 МОТ «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых государствах»).

Законодатель, предусматривая традиционное природопользование для коренных малочисленных народов, не установил критерии или параметры такого природопользования, а лишь определяет приоритетность прав данным субъектам. Так, например, федеральный закон «О животном мире» к правам на приоритетное пользование животным миром отнес:

- предоставление первоочередного выбора промысловых угодий;
- льготы в отношении сроков и районов добывания объектов животного мира, полового, возрастного состава и количества добываемых объектов животного мира, а также продуктов их жизнедеятельности;
- исключительное право на добывание определенных объектов животного мира и продуктов их жизнедеятельности;
- иные виды пользования животным миром, согласованные со специально уполномоченными государственными органами Российской Федерации по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания (ст. 49).

Лесным кодексом РФ для коренных малочисленных народов предусмотрено право бесплатной заготовки древесины для собственных нужд, исходя из установленных нормативов. Аналогичное право установлено Водным кодексом РФ при осуществлении использования водных объектов при ведении традиционного природопользования.

Территории традиционного природопользования отнесены Земельным кодексом РФ к землям особо охраняемых природных территорий (ст.95), а федеральным законом «Об особо охраняемых природных территориях» в ряде случаев предусматривается возможность ведения традиционного природопользования на данных территориях.

Однако право на приоритетность прав при традиционном природопользовании распространяется только на представителей коренных малочисленных народов (или их общин) либо на лиц, ведущих образ жизни коренных малочисленных народов, и ограничивается территорией традиционного природопользования.

К коренным малочисленным народам, согласно Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», относятся «народы, проживающие на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы, насчитывающие в Российской Федерации менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями», список которых утвержден постановлением Правительства РФ от 24.03.2000 № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации».

Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» предусматривает юридический порядок образования данных территорий (ст. 6-8).

Однако на практике коренные малочисленные народы и их общины не могут закрепить за собой земельные участки с охотничье-промысловыми угодьями, оленьими пастбищами и рыбопромысловыми участками как на территориях традиционного природопользования. Не имея юридических актов на право пользования землей на указанных территориях, представители и общины коренных малочисленных народов, осуществляющие такое традиционное природопользование, не имеют и возможности получить долгосрочные лицензии на право пользования объектами животного мира, разовые лицензии на промысел пушного зверя, а также квоты на вылов рыбы. Это наносит ущерб жизнеспособности коренных малочисленных народов, поскольку само существование данных народов как самостоятельных этносов без традиционного природопользования вообще едва ли возможно.

На данных территориях, по существу, происходит насильственное изъятие природных ресурсов из пользования коренных малочисленных народов, что нередко заставляет их представителей бросать традиционные места жительства и искать другие пути обеспечения своих жизненных потребностей и, соответственно, изменять привычный образ жизни. Вследствие этого возникает реальная угроза утраты присущей этим народам самобытности и самоидентификации.

Промышленное освоение территорий Севера, Сибири и Дальнего Востока в Российской Федерации во многом нарушило экологический баланс территорий традиционного проживания коренных малочисленных народов. Непоправимый вред окружающей природной среде наносится загрязнением отходами нефтяных и газовых промыслов. Из-за эксплуатации транспортных средств разрушается растительный покров тундры, сокращаются площади выпаса оленей. Огромный ущерб рыболовству наносит загрязнение водоемов промышленными стоками. Разведка морских нефтяных, газовых и газоконденсатных месторождений в прибрежной части континентального шельфа наносит огромный урон по жизнеобеспечению коренных малочисленных народов, заставляет их отказываться от традиционных форм хозяйствования и природопользования.

Так, например, только в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах в связи с освоением нефтяных и газовых месторождений безвозвратно потеряно 11 млн. гектаров оленьих пастбищ, около 20 тыс. гектаров нерестилищ и нагульных участков, загрязнено более 100 больших и малых рек, а в Ямало-Ненецком округе из рыбного оборота выведены 28 рек и десятки озер, 17,7 тыс. гектаров нерестилищ и нагульных участков, отчуждено свыше 500 тыс. гектаров лесов и пастбищ [1].

Современный процесс эксплуатации природных ресурсов на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке ставит под угрозу реализацию самой идеи предоставления земель для традиционного природопользования коренным малочисленным народам. Все меньше земель остается пригодных для традиционного природопользования и хозяйствования. В результате нарушается природный баланс, разрушаются природные комплексы, наносится огромный ущерб не только территориям традиционного природопользования коренных народов, но и стране в целом.

Эффективная защита прав коренных малочисленных народов на традиционное природопользование требует не только юридического, но и фактического признания данного права, так как самосохранение данных народов как этнических общностей нередко и во многом зависит от наличия у них прав в области защиты исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов (оленоводство, рыболовство, охота и прочее). Право коренных малочисленных народов на традиционное природопользование должно быть обеспечены дополнительными гарантиями и специальными правами, что обеспечивает возможность их равноправного и гармоничного развития и сосуществования с остальной частью населения при полном сохранении их отличительных и традиционных признаков, в том числе по способам ведения хозяйства и природопользования.

Примечание

1. Российский статистический ежегодник 2009 г. – М., 2009.

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МАЛЫХ ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1892-1917 ГОДАХ

Храмцов А.Б., к.и.н., доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ

Проблемы становления и развития местного самоуправления в городах Сибири в досоветский период все чаще становятся объектом рассмотрения [1]. При этом основное внимание исследователей концентрируется на примерах крупных и средних городов региона. Малые поселения фактически не получили должного освещения и не подвергались комплексному исследованию.

Сибирские «городки» в силу различных как объективных (климатических, экономических, демографических), так и ментально-субъективных факторов, существенно отличались от иных поселений: низкая плотность населения, малочисленность дворянства и купечества, высокий процент инородцев, казаков, скупщиков из других мест, военных, ссыльных, разночинцев, особый образ жизни, малограмотность большей части жителей, отсутствие должных путей сообщения, суровый климат и пр. Главным источником доходов населения были промыслы, имевшие сезонный характер: рыболовство, шишководство, птицеводство, звероловство, заготовка дров. В таких городах отмечалась особая специализация занятости жителей: Березов, Нарым и Сургут – рыбный и пушной промыслы; Кузнецк, Тюкалинск и Ялуторовск – сельское хозяйство и скотоводство; Тара и Туринск – кожевенное дело и шитье [2].

В большинстве случаев городской статус присваивался малым поселениям отнюдь не по экономическим показателям их развития, а для решения административно-управленческих задач. Скажем, Сургут в 1868 г. получил статус окружного города «вследствие необходимости иметь административный центр на громадном пространстве северо-западной полосы губернии» [3]. Все эти факторы, так или иначе, влияли на развитие местного самоуправления [4].

Придание населенному пункту статуса города вызывало необходимость формирования новых органов местной власти, открытия государственных и городских учреждений и избирание (назначение) должностных лиц: городского старосты с помощниками, полицейских надзирателей, заведующего переселенческим районом, акцизных чиновников, учителей и служащих городских училищ, городских врачей и фельдшеров, начальника и служащих почтово-телеграфной конторы и казначейства, мировых судей, лесничих и др.

Городовое положение 1892 г. поделило городские поселения на две группы: с полным и упрощенным управлением. В Западной Сибири города Березов, Нарым, Кузнецк, Туринск, Тюкалинск, Сургут и Ялуторовск в связи с малочисленностью населения, дефицитом бюджетов, отсутствием крупных торгово-промышленных предприятий, подлежали «переводу» на упрощенное управление. В 1907 г. этот список пополнился городом Колывань.

Выборы в собрания городских уполномоченных стали первой проблемой, с которой столкнулись малые города. Порядок выборов по закону был следующим: губернатор назначал лицо, под председательством которого домохозяева, владевшие в течение 1 года недвижимостью в пределах города стоимостью не менее 100 руб. [5], выбирали из своего состава городских уполномоченных сроком на 4 года, в количестве от 12 до 15 человек, число которых определял губернатор сообразно числу избирателей (см.: табл. 1). Сход домовладельцев выбирал также кандидатов в числе не менее 1/5 состава уполномоченных (своего рода кадровый резерв). Кандидаты зачислялись в собрание по числу набранных голосов в случае выбытия последних: отказа от службы, перевода на несовместимую должность, смерти и др.

Таблица 1

Итоги первых городских выборов в 1894-1900 гг. [6]

Город	Год созыва думы	Избирателей		Избрано уполномоченных, из них			
		всего	участвовало в выборах/%	всего	по цензу недвижимости	по торговым документам	смешанный ценз
Тюкалинск	1895	85	37 / 43,5	15	12	-	3
	1899	104	37 / 35,6	15	11	-	4
Туринск	1894	41	27 / 65,9	15	15	-	-
	1898	104	59 / 56,7	15	15	-	-
Березов	1895	77	49 / 63,6	12	12	-	-
	1899	66	49 / 74,2	12	12	-	-
Сургут	1896	40	27 / 67,5	12	9	2	1
	1900	44	34 / 77,3	12	11	1	-
Ялуторовск	1894	46	25 / 54,3	15	15	-	-
	1898	67	31 / 46,3	12	12	-	-
всего		674	375 / 55,6	135	124	3	8

В итоге, у властей малых поселений, не имевших достаточного опыта и традиций самоуправления, возникали различные трудности в организации выборов: от неправильного составления списков избирателей до нарушений в сроках и самой технологии (порядке) их проведения. Повсеместно наблюдались ошибки и недочеты, отступления от требований закона и разные мелкие нарушения. Например, в Мариинске в течение 1895 г. выборы проводились

трижды, все они были признаны недействительными [7]. Только четвертые выборы, проведенные в январе-феврале 1896 г., губернатор признал правильными и утвердил первых лиц [8].

В собрания городских уполномоченных подчас избирались неграмотные люди. В частности, из доклада исполняющего обязанности березовского головы 28 сентября 1889 г. № 815 следует, что большинство избирателей «малограмотные, а некоторые и вовсе неграмотные люди» [9]. В социальном разрезе в местном самоуправлении преобладали представители мещанства. В частности, Колыванское городское собрание в 1914 г. состояло из 15 уполномоченных, из них 12 мещане [10]. Сургутское управление полностью было «мещанским», причем из родственников по мужской линии: отцы, сыновья, зятья, братья. К примеру, из 12 уполномоченных (1904 г.), пятеро – Кайдаловы, трое – Кушниковы, двое – Кондаковы [11].

После первичных выборов собрание избирало городского старосту, с одним или, в случае «признанной губернатором необходимости», двумя помощниками. Порядок избрания «отцов города» производился путем тайного голосования из горожан, имевших право голоса на выборах, то есть на эти посты полностью распространялись нормы избирательного права.

Нагрузка на первых лиц самоуправления была внушительной. Староста (с помощниками) выполнял функции членов управы (администрации города), заведовал текущими хозяйственными делами поселения; составлял проекты постановлений, смет и денежных отчетов; вел списки домовладельцев-избирателей; собирал справочные цены на различные товары, строительные материалы и рабочую силу в городе; выполнял предписанные уставами, положениями, регламентами обязанности и пр.; в пределах своей компетенции издавал распоряжения. Помимо этого, на старосту возлагалось ведение всех дел по мещанскому управлению и составление особых списков евреев в тех поселениях, где им позволялось постоянно проживать. Несложно представить, что «людей опытных и свободных, которые согласились бы взять на себя обязанности городского старосты, найти здесь трудно» [12].

Таким образом, при выборах городского старосты и его помощников возникала проблема отсутствия квалифицированных и опытных управленцев, знающих проблемы местного хозяйства. В то же время, ряд известных в городе лиц решительно отказывался от участия в городском управлении. Следует заметить, что опытные люди, имевшие свое торговое дело, не хотели обременять себя общественным делом и, как правило, селились в крупных и средних городах Сибири. Такие обстоятельства вызывали текучку кадров в руководстве городов, скажем, в Ялуторовске, Сургуте и Туринске, должности первых лиц периодически оставались вакантными [13].

Нестабильность состава органов местного самоуправления – характерная черта сибирских городов. Городские депутаты выбывали по различным причинам, что подчас приводило к безвыходным ситуациям. Например, томский губернатор 15 ноября 1913 г. докладывал в МВД, что в Кузнецке на четырехлетие 1911-1914 гг. было избрано 12 уполномоченных и 4 кандидата. С течением времени из состава выбыло 5 уполномоченных и все кандидаты. В

результате численный состав городского собрания не соответствует требованию закона. МВД распорядилось провести новые выборы, не дожидаясь окончания текущего срока [14].

Другая проблема упрощенных управлений – множественные ограничения в полномочиях и жесткий надзор за их действиями со стороны губернской администрации. Власти малых городов были «урезаны» в правах, а именно, они не могли: издавать обязательные для местных жителей постановления (разработка и утверждение таких постановлений входила в компетенцию губернатора); составлять и изменять планы своих территорий; вести надзор за производством питейной и другой торговли; устанавливать таксы на работы, выполнявшиеся лигерами, якорщиками, весовщиками; таксы на продукты и др. К тому же низкие показатели развития малых поселений определяли характер деятельности городских управлений и их возможности. Для большинства малых городов региона был характерен бюджетный дефицит, причем хронический. Зачастую средств не хватало на самые неотложные мероприятия.

В начале XX в. в Тобольской губернии новых городов не появилось. Более того, долгие годы между березовскими старостами, губернской администрацией и МВД шла переписка о преобразовании города в село, а, следовательно, ликвидации местной администрации и ряда государственных учреждений. Тобольский губернатор 21 января 1911 г. отмечал, что, не смотря на финансовую помощь от казны, улучшений в г. Березове не замечается: «таковы бытовые условия городского поселения, где нет ни фабрик, ни заводов, ни других каких-либо торгово-промышленных заведений, даже самых малозначительных ярмарок.... В то время как торговые операции по рыбной и звериной торговле производятся в с. Обдорском». 18 апреля 1916 г. МВД постановило нецелесообразным перевод города в сельское поселение. Тем более, что в Госдуму уже был внесен законопроект о поселковом управлении [15]. Березов все-таки утратил статус города при советской власти, в 1926 г.

Среди малых городов Тобольской губернии относительно стабильно развивались Тюкалинск и Ялуторовск. Проведение Транссиба содействовало увеличению численности их жителей, чем в свою очередь был активизирован рост других показателей (доходность местных бюджетов, торгово-посредническая кооперация, ярмарки, торжки, транспорт, дороги, мосты, развитие частной застройки и пр.). Из малых поселений губернии только Тюкалинск имел городской общественный банк. Одновременно с этим резко замедлились темпы развития городов, оказавшихся в стороне от железной дороги и экономической жизни: Березов, Колывань, Сургут, Тара, Туринск. Интересно, что жители села Обдорского (современный – г. Салехард), в связи с развитием торговых операций и значительной по оборотам ярмаркой, в 1904 г. ходатайствовали о преобразовании села в безуездный город с введением в нем упрощенного городского устройства, однако, им было отказано [16].

В это же время в Томской губернии сразу четырем населенным пунктам, возникшим при строительстве Транссибирской магистрали (рабочим поселкам при железнодорожных станциях и узлах), был присвоен городской статус. Например, 28 декабря 1903 г. император издал высочайшее повеление, по

которому «поселение Новониколаевск, при станции Левая Обь», возвести в степень безуездного города с введением в нем общественного управления в упрощенном виде [17]. Причем в таком статусе город просуществовал всего 4 года. Уже следующие выборы в январе 1909 г. проводились в полном объеме, т.е. с образованием городской думы и управы. При этом для избирателей увеличивался имущественный ценз до 300 руб.

Совет министров особым журналом от 4 января 1911 г. преобразовал поселки при станциях в безуездные города – Боготол Мариинского уезда, Тайга Томского уезда и Татарск Каинского уезда [18]. Пристанционные поселки быстро развивались за счет постоянного притока переселенцев. С ростом их населения и «срастанием» с близлежащими деревнями все острее становились вопросы организации местной жизни, водоснабжения, народного образования и медицинского обслуживания, а также введения полицейского управления. Еще два поселения (Славгород и Камень) получили статус городов до проведения в них железной дороги, по экономическим показателям [19] (см.: табл. 2).

Таблица 2

Новые безуездные города Томской губернии начала XX в. [20]

Первоначальное название	Современное название	Год основания	Год присвоения статуса города	Жителей на 1916 г. (тыс. чел.)
дер. Старый Боготол	Боготол	1893	1911	7920
дер. Камень	Камень-на-Оби	1751	1915	21135
пос. Новониколаевск	Новосибирск	1893	1903	86419
пос. Славгород	Славгород	1910	1914	11565
ст. Томск-Таежный	Тайга	1896	1911	7886
дер. Татарка + станция	Татарск	1894	1911	3606

Формирование органов местной власти в новых городах Томской губернии растянулось на долгие месяцы, т.к. этому процессу предшествовала оценка недвижимости и составление на ее основе списков лиц, имеющих право участия в выборах (см.: табл. 3). Кроме того, с основанием новых городов возникла проблема с определением границ их селитебной площади и прилегающих свободных земель на случай разрастания города. Скажем, Камень был наделен статусом города по журналу Совета министров от 15 апреля 1915 г., а первые местные выборы состоялись лишь 3 апреля 1916 г. [21].

Причем новые города испытывали те же проблемы, что и другие малые поселения. Даже в самом благополучном в торгово-финансовом отношении и быстрорастущем Новониколаевске отмечались недочеты при подготовке и проведении первых выборов 12 сентября 1904 г. [22], а также текучка кадров в составе городского руководства. В июне 1905 г. помощник старосты И. Карелин, согласно прошению, уволился от должности; через два месяца барнаульский купец И.Т. Суриков ушел с поста городского старосты [23]. К тому же сообщалось о бездействии местной полиции. Согласно газетной заметке, «жизнь в Новониколаевске в последнее время стала далеко не безопасной. Убийства и грабежи сделались обычным явлением. Воровство со взломом замков и конокрадство здесь развиты в страшных размерах. К

сожалению, деятельность местной полиции по раскрытию преступлений проявляется далеко не в достаточной мере» [24].

Таблица 3

Местные выборы в новых городах Томской губернии. Начало XX в. [25]

Город	четырёхлетие с 1912-1916 гг.			четырёхлетие с 1916-1920 гг.		
	всего избирателей	избрано		всего избирателей	избрано	
		уполномоченных	кандидатов		уполномоченных	кандидатов
Боготол	550	15	6	531	15	10
Камень	-	-	-	ок. 1700	15	5
Славгород	-	-	-	351	15	5
Тайга	318	15	5	538	15	5
Татарск	283	15	6	269	15	4
Новониколаевск	четырёхлетие с 1904-1908 гг.			четырёхлетие с 1913-1917 гг.		
	ок. 800	15	7	795	40	20
	четырёхлетие с 1909-1913 гг.					
	791	40	2			

Таким образом, в процессе становления местного самоуправления малые города Сибири сталкивались с массой однотипных проблем. На практике упрощенные управления были лишены самостоятельности, полновесного бюджетного права, принудительных и контрольных функций, реализуя только исполнительские функции, что значительно сужало их действия и возможности. В целом, упрощенные управления показали слабую эффективность в деле развития городского хозяйства.

Примечание

1. Например: История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. / Анкушева К.А., Бочанова Г.А., Дегальцева Е.А., Кириллов А.К., Ноздрин Г.А., Шиловский М.В., Ус Л.Б. – Новосибирск, 2006; Китаев А.Я., Храмцов А.Б., Тюменское городское самоуправление и полиция: проблемы взаимоотношений (1867-1917) // Теория и практика государственного и муниципального управления: Сб. науч. тр. – Тюмень, 2009. – Вып. 2. – С. 99-110; Коновалов И.А., Шиманис Б.Б. Структура муниципальных органов Западной Сибири по городскому положению 1870 г. // Вестник Омского университета. – 2009. – № 2. – С. 23-28; Король Ж.В. Градоначальники Западной Сибири в системе местного самоуправления в пореформенный период // Наука и инновации XXI в.: Мат. VI окр. конф. молодых ученых. – Сургут, 2006. – С. 15-17; Литягина А.В. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. – Бийск, 2001; Ноздрин Г.А. Местное самоуправление Каинска и Кольвани во второй половине XX – начале XX в. // Местное самоуправление в истории Сибири XIX-XX в. Мат. науч. конф. – Новосибирск, 2004. – С. 99-107; Толочко А.П., Коновалов И.А., Меренкова Е.Ю. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. – Омск, 2003; Шишкина С.Ю. Между молотом и наковальней: роль городского самоуправления Тюмени в регулировании питейной торговли во второй половине XIX в. // Сибирский исторический журнал. – Тюмень, 2008. – С. 112-118.

2. Тяпкина О.А. Северные города Западной Сибири во второй половине XIX в. // Города Сибири XVIII – начала XX вв. – Барнаул, 2001. – С. 80; Список населенных мест Тобольской губернии. – Тобольск, 1912. – С. 32.

3. Экономическое состояние городских поселений Сибири. – СПб., 1882. – С. 69.

4. Лен К.В. Особенности западносибирского городского самоуправления // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул, 2000. – С. 147-150.
5. Свод законов Российской империи. Т. 2. – СПб., 1892. – С. 42.
6. Составлено по: ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 546. Л. 205-247; Д. 608. Л. 8, 13, 20, 22, 27, 28.
7. РГИА. Ф. 1288. Оп. 28. Д. 137. Л. 182-188.
8. Там же. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3307. Л. 106-107.
9. ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 419. Л. 15-16 об.
10. Томские губернские ведомости (далее – ТГВ). – 1915. – № 4. – С. 2.
11. Календарь Тобольской губернии на 1904 г. – Тобольск, 1904. – С. 9.
12. Организация самоуправления в Тобольской губернии (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сб. док. и мат. – Тюмень, 1995. – С. 223.
13. См.: Тобольский календарь (адресный) на 1900 г. – Тюмень, 1900. – С. 121; Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 г. – Тобольск, 1909. – С. 217; Памятная книжка Тобольской губернии на 1911 г. – Тобольск, 1911. – С. 191; Памятная книжка Тобольской губернии на 1913 г. – Тобольск, 1913. – С. 7-8.
14. РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 224. Л. 4-4 об.
15. Там же. Д. 135. Л. 6-7, 21-22 об.
16. ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 633. Л. 45-51; 128-128 об.
17. ТГВ. – 1904. – № 5. – С. 1.
18. РГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 148. Л. 119.
19. Там же. Д. 320. Л. 114 об.; Д. 333. Л. 218.
20. Составлено по: Томская губерния. Статистический очерк. – Томск, 1917. – С. 23.
21. РГИА. Ф. 1288. Оп. 5. Д. 79. Л. 9.
22. Ус Л.Б. Об особенностях начального этапа самоуправления в Новониколаевске // Местное самоуправление в истории Сибири XIX-XX в.: Мат. науч. конф. – Новосибирск, 2004. – С. 122-130.
23. ТГВ. – 1905. – № 22. – С. 1; – № 35. – С. 1.
24. Там же. – 1906. – № 11. – С. 4.
25. Составлено по: ТГВ. – 1904. – №16. – С. 3-5; – 1908. – №83. прил.; – 1909. – № 22. – С. 4; – 1911. – №76. – С. 6-7; – 1912. – №1. – С. 5-6; – №2. – С. 3-5; – №18. – С. 4; – №22. – С. 4; – 1913. – №3. – С. 4-7; – 1915. – № 29. – С. 3; – № 72. – С. 2-3; – № 73. – С. 2-3; – № 78. – С. 2-3; – № 93. – С. 4; – № 97. – С. 4-8; – 1916. – № 42. – С. 6; – № 44. – С. 6; – № 61. – С. 7.

РЕПУТАЦИЯ ВУЗА В РАМКАХ РЕЛЕВАНТНЫХ СТРУКТУР

Черепанова В.Н., к.п.н., доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ

Получение высшего образования для большинства россиян становится, как говорят феноменологии, «само собой разумеющимся» действием. Исследование, проведенное нами среди абитуриентов трех университетов (Тюменский государственный университет, Тюменский государственный архитектурно-строительный университет и Тюменский государственный нефтегазовый университет) и их родителей, позволило нам убедиться, что респонденты считают получение высшего образования безальтернативным. Для 28% абитуриентов совершенно не важно, в каком из вузов учиться, важна лишь гарантия получения диплома о высшем образовании. Для остальных актуальным в данный момент становится не ошибиться в выборе вуза, в котором будущему студенту предстоит учиться.

Следует предположить, что выбор вуза для них предопределяется тем наличным запасом знания, которым обладают абитуриент и его родители в данный конкретный момент времени, в данной конкретной ситуации.

Главенствующую роль в осознании и трансформации социальной реальности феноменологи отводят обыденному (повседневному) знанию. Постараемся разобраться с таким феноменом как «запас повседневного знания» (далее будем писать в сокращении ЗПЗ) и тем, каким образом он влияет на выбор индивидами образовательного учреждения для получения высшего образования.

Содержательно ЗПЗ (как в целом, так и конкретно о каждом из вузов) наполняется опытом как собственным, так и переданным от других людей (прежде всего от значимых: родителей, педагогов, друзей и т.д.). Наше исследование показало, что к опыту родителей при выборе вуза прибегло 25% абитуриентов, опыт друзей учли 29%. Опыт знакомых сыграл также немаловажную роль в выборе вуза. Как показало наше исследование родители абитуриентов, в отличие от самих абитуриентов, в большей степени прислушивались именно к мнению знакомых, чем обращались за информацией к интернет или в СМИ. Понятно, что актуальность данной информации детерминирована ситуацией, в которой по сути определяется жизненная стратегия абитуриента.

Как отмечает Е.Д. Руткевич: «Запас повседневного знания во многом зависит от конкретной ситуации, в которой находится воспринимающий субъект, и является результатом накопленного им опыта. С другой стороны, каждое восприятие относится к потоку живого опыта и биографии субъекта. И кроме того, каждая ситуация определяется и изменяется в зависимости от запаса знания воспринимающего субъекта. Так что запас знания находится в генетической, структурной и функциональной взаимосвязи с ситуацией».

Для более полного понимания связей ЗПЗ, ситуации, в которой находится воспринимающий субъект, накопленного им опыта и его собственной биографии обратимся к *схеме 1*.

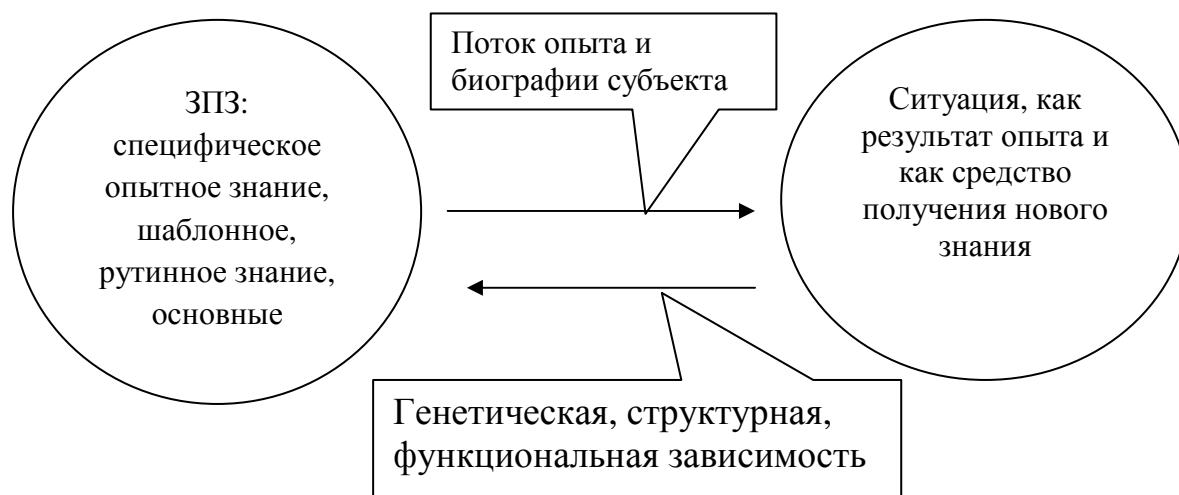


Схема 1. Связи запаса повседневного знания, ситуации и опыта

Содержательно ЗПЗ состоит из:

1. Специфических опытных данных (специфическое содержание).

2. Шаблонного (или рутинного) знания, к нему относятся, во-первых, ставшие привычными функциональные телесные движения; во-вторых, полезное знание, представляющее собой совокупность навыков и действий, совершаемых стандартно и с какой-то целью. К шаблонному знанию относится и привычное знание, или знание рецептов, когда, столкнувшись с конкретной проблемой, человек выбирает наиболее подходящий из известных ему способов ее разрешения, причем способ этот автоматически возникает в его сознании. Это знание биографически предопределено.

3. Основных элементов запаса знания. Основными элементами запаса знаний являются ограниченность ситуации и как ее следствие пространственно-временное и социальное размещение воспринимающего субъекта.

Причем авторами концепции отмечается, что запас знания в большей мере зависит от ограниченности ситуации и от пространственно-временного и социального размещения субъекта, нежели от специфических опытных данных.

Любая ситуация в определенном смысле открыта, т.е. имеет внутренний и внешний горизонты, в пределах которых человек может изменять ее. Ситуацию можно классифицировать по типу действия в ней субъекта (см.: схема 2).

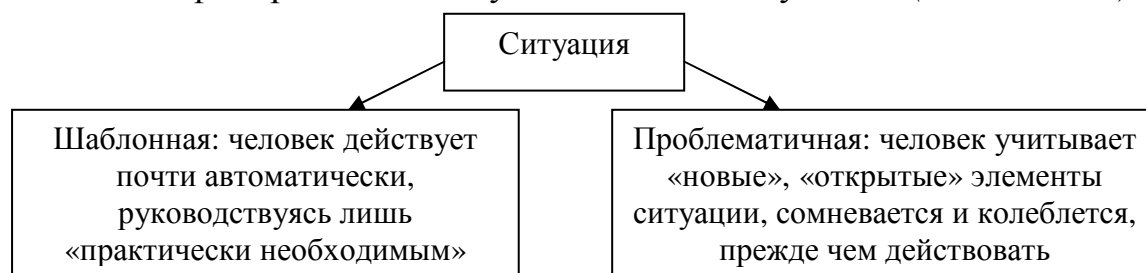


Схема 2. Классификация ситуации по типу действия в ней субъекта

Таким образом, ситуация выбора вуза для части абитуриентов может восприниматься как шаблонная, для других – как проблематичная. Семьи, где сложились профессиональные династии, или где с детства ребенок проявляет интерес к какому-либо виду деятельности, либо имеет талант в определенной области и т.п. ситуация выбора образовательного учреждения является шаблонной. Проблематичная ситуация возникает в случае необходимости принимать решение в случае дефицита информации, неопределенности выбора, неясности целей и т.п..

В такой ситуации субъект стремится, как можно жестче структурировать собственный запас знания, привлечь партнеров по взаимодействию, «приземлить» жизненные ориентиры, связанные с образованием. Следует помнить при этом, что изначально ситуация социально детерминирована, так как большая часть знания о вузах, подобно общему знанию о жизненном мире, имеют по преимуществу социальное происхождение. Они в значительной степени социально объективированы, прежде всего в языке, являющемся исключительно анонимной системой значения. Как только запас знания приобретает такие характеристики как привычность, определенность,

непротиворечивость, правдоподобность, ясность (не самостоятельная характеристика, а является аспектом определенности и непротиворечивости), ситуация выбора вуза становится неproblemатичной.

Наиболее важная из этих характеристик, согласно Лукману, – правдоподобность элементов, так как она более непосредственно связана с деятельностью субъекта в жизненном мире и планированием им определенных действий, в том числе и связанными с выбором вуза.

Обращаясь к проблеме релевантности, одной из наиболее важных и сложных при описании структур жизненного мира, Лукман напоминает о различии Гуссерлем восприятия релевантности в «живом настоящем», еще не «схваченной» сознанием и ставшей предметом рефлексии. Даже в естественной установке мы часто спрашиваем себя, видим ли мы вещи в правильном свете, является ли нечто «действительно важным». При этом мы обращаемся к нашим релевантным структурам, которыми руководствуемся в приобретении знания, так как они определяют структуру нашего запаса знания и выступают в качестве компонента последнего.

Лукман выделяет три типа релевантных структур, помогающих индивиду классифицировать явления и объекты по степени значимости.

Типы релевантных структур:

1. Тематическая релевантность, которая служит ориентиром в повседневных делах, в той или иной социальной ситуации.

2. Интерпретационная релевантность, в соответствии с которой происходит типизация «тематизированных» объектов.

3. Мотивационная релевантность, в соответствии с которой придается значение тем или иным событиям, объектам, индивидам.

Взаимосвязанностью и взаимообусловленностью этих релевантных структур объясняется тем, что ни одна из них не является “первой” в каком-либо смысле. Бессмысленно говорить о том, что в потоке опыта какая-то из них может быть действительно “первой”. Лишь в рефлексии можно выделить ту или иную в качестве “первой”, а две другие считать производными от нее. По мнению Лукмана, недостатком прагматизма, операционализма, этического идеализма было именно то, что они слишком охотно наделяли “первенством” ту или иную релевантность. Таким образом, наличный запас знания структурируется на зоны релевантности (различной практической значимости), структурообразующую роль в этом процессе выполняют человеческие интересы, среди которых доминируют прагматические мотивы. «Селективная функция интереса, — подчеркивает А. Шюц, — организует для меня мир в области большей или меньшей релевантности»

Ситуация выбора образовательного учреждения, таким образом, определяет что именно и с какой степенью точности следует знать, чтобы решить данную практическую проблему. Следует учесть, что выбор образовательного учреждения не является единичным интересом, он входит в систему интересов, которая не является ни гомогенной ни устойчивой. Ситуация выбора заставляет человек решить какой из интересов превалирует, выдвигается на первый план, какие уходят в маргинальную область.

Дальнейшее обучение в уже выбранном образовательном учреждении изменят «карту интересов». Такого рода динамика интересов определяют отсутствие замкнутых областей зон релевантности.

Поправко относительно типов релевантных структур пишет: «Тематизирующий уровень, если можно так выразиться, касается вопроса «почему» жизненных стратегий. Он отвечает за ценностно-мировоззренческий фундамент, представленный символическим универсумом, ценностями предельного уровня значений и устойчивыми стереотипами, которые действуют, даже если не осознаются.

Интерпретационный уровень соотносится с вопросом «зачем» жизненных стратегий. Он отвечает за средне- и долгосрочные цели человека, предполагая при этом планирование и целеполагание.

Тогда мотивационный уровень – это все, что связано с вопросом «как» жизненных стратегий; т. е., ситуативных адекватных технологий и средств целедостижения. Жизненный мир здесь выступает полем релятивности и случайности. Поведение индивидов и общностей носит дискретный, изменчивый и атомизированный характер. Поведением людей, как правило, движет наличная расстановка интересов и сил, подкрепленная ситуативным фоном. Главная отличительная особенность поведения на мотивационном уровне – отсутствие целеполагания и подмена его адаптацией».

Попытка структурировать запас знания о вузах на зоны релевантности позволила нам выявить, что:

1. Выбор профессии абитуриентов, как правило, не связан с мечтой детства (2,8% опрошенных мечтали о выбранной профессии с детства).

2. Выбор не связан со знанием профессии (5,6% абитуриентов заявили, что они много знают о выбираемой профессии).

3. Большинство абитуриентов не надеются на то, что профессиональная деятельность даст им материальный достаток (лишь 21,5% респондентов связывают свою будущую профессию с возможностью иметь материальный достаток).

4. На достижение высокого социального статуса рассчитывают в связи с выбранной профессией 18,7% опрошенных.

5. На возможность карьерного роста надеются 26,2% респондентов.

6. Считают выбранную профессию престижной 29%.

7. Уверены в том, что смогут найти работу по специальности – 12,1% респондентов.

Анализ результатов исследования позволяет нам сделать вывод о том, что, несмотря на то, что поступление в вуз, как для абитуриентов, так и для их родителей является осознанной ценностью. Причем в аксиологической шкале респондентов образование занимает одно из первых мест. В то же время следует заметить, что выбор профессии не детерминирован жизненной стратегией абитуриента. Можно заключить, что решение о поступлении в вуз, прежде всего, принимается по причине «быть не хуже других», так принято в нашем обществе, 100% опрошенных заявили о том, что в их окружении большинство людей имеют высшее образование. То есть мы можем с большой

вероятностью утверждать, что большинство абитуриентов и их родителей транслируют адаптивные паттерны, позволяющие достигать краткосрочные цели.

«Утешительным призом» могло бы служить заявление 61,7 абитуриентов из числа опрошенных о важности для них качественного образования. В то же время шанс получить именно качественное образование как реальный оценивают далеко не все респонденты. Условия для получения качественного образования в ТюмГАСУ оценивают как достаточные – 34,6%, в ТюмГНГУ – 42,1%, в ТюмГУ – 30,8% абитуриентов из числа опрошенных. Уверенность в том, что вуз готовит специалистов высокого уровня выразили: относительно ТюмГАСУ – 41,1%, ТюмГНГУ – 43,9%, ТюмГУ – 37,4% опрошенных абитуриентов. В том, что вузах работают высококвалифицированные преподаватели также уверены не все респонденты. 31,1% абитуриентов считают, что в ТюмГАСУ работают преподаватели с высокой квалификацией, в ТюмГНГУ, по мнению абитуриентов, таких преподавателей 48,6%, в ТюмГУ – 38,3%.

Мало того, большинство респондентов считают, что оплата за образования слишком высока и не соответствует качеству образования. Так, например соответствие оплаты за образование и его качества отметили в ТюмГАСУ – 11,2%, ТюмГНГУ – 22,4%, ТюмГУ – 15,0% опрошенных абитуриентов.

Итак, заявленная потребность в качественном образовании, по мнению абитуриентов, в тюменских университетах не может быть полностью удовлетворена.

Нашим респондентам мы задали вопрос о том, какой из вузов они выбрали бы при условии, что у них есть для этого возможность. Ответы распределились следующим образом: ТюмГАСУ выбрали бы – 24,3%, ТюмГНГУ – 51,5%, ТюмГУ – 5,6% опрошенных абитуриентов, ни один из этих вузов не выбрали бы 2,8% респондентов.

А. Шюц выделяет четыре домены релевантности, содержащие знание различной степени ясности и отчетливости:

1) зона первичной релевантности, содержит небольшое ядро ясного, отчетливого и согласованного знания, охватывает ту часть мира повседневной жизни, который находится в пределах досягаемости, наблюдаем и может быть изменен;

2) область вторичной релевантности, содержит знание различной степени неопределенности, неясности и неотчетливости, не доступна прямому воздействию индивида (содержит представления о возможностях, шансах и рисках), опосредованно связана с зоной первичной релевантности, создает предпосылки для реализации проектов и целей в зоне непосредственной досягаемости;

3) область относительной иррелевантности, содержит запас персонального знания, в определенный момент времени не связанного с интересам индивида;

4) область слепых верований, догадок, предположений и, наконец, полного незнания – абсолютной иррелевантности, никакие изменения в которой не могут воздействовать на цели и планы человека в повседневной

жизни. Весь этот наличный запас знания функционирует в качестве схемы интерпретации.

То есть становление репутации образовательного учреждения зависит от содержания областей релевантности, которая далее становится элементом наличной ситуации. Порядок доменов релевантности может быть различным для определенных социальных групп, являясь элементом естественной концепции мира, принимаемого группой как непроблематизируемый способ жизни. Как отмечает Н.М. Смирнова, «это элемент социально одобренного, а часто и институционализированного знания», принимаемого группой как непроблематизируемый способ жизни. Таким образом, выбор образовательного учреждения членом определенной группы зависит от содержательного контекста репутации в зависимости от типов событий. А. Шюц замечает, что в повседневных делах, достаточно знания *типов* событий, с которыми мы сталкиваемся в нашем жизненном мире, чтобы управлять и контролировать его. Рецепты заменяют тяжелую истину комфортабельными трюизмами Репутация как анонимная установка, и предшествующая ей типизация может быть не понята индивидом, тем не менее, он следует предписанным в социальной группе рецептам.

Базовые идеализации повседневного мышления, как уже было отмечено, «И так далее, и тому подобное» и «Я могу сделать это снова» основаны на подобного рода типизациях рутинных действий в структурах жизненного мира.

Иначе говоря, если репутация образовательного учреждения культурно зафиксирована как образец, то при выборе образовательного учреждения обращаются не к знаниям (knowledge of), но полагается на общественное мнение (knowledge by acquaintance). С позиций феноменологии репутацию можно определить как «новую непрозрачность», представление о том, что степень проясненности различных фрагментов персонального запаса знания прагматически детерминирована.

Социальные феноменологи отмечают, что расширение взаимной анонимности партнеров — неотъемлемая черта современной цивилизации. В отличие от свойственных традиционному обществу персонифицированных отношений личной зависимости, человек модернистского социума во все большей мере имеет дело с анонимными коммуникативными партнерами. Это высоко анонимные *идеальные типы*, не имеющие фиксированного места в социальном космосе. Репутация образовательного учреждения и есть один из анонимных партнеров.

А. Шюц показывает, что степень ясности и отчетливости знания *социально распределена*, в связи с чем он фиксирует три идеальных типа – носителя различных систем релевантности и, соответственно, различной степени ясности и отчетливости знания: эксперт, обыватель и информированный гражданин <http://www.philosophy.ru/iphras/library/phenom.html> - edn147. Человек, не будучи теоретическим конструктом, к которым относятся идеальные типы, в повседневной жизни является и экспертом, и обывателем, и информированным гражданином, но в разной степени и в отношении различных областей знания. Идеальный тип, называемый информированным гражданином, А.Шюц

помещает в промежуточное положение между идеальными типами эксперта и обывателя. На наш взгляд, именно информированный гражданин является основным пользователем информации заложенной в репутации образовательного учреждения.

Примечание

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – 323 с.
2. Поправко Николай Васильевич. Социология образования: Учебное пособие. – Томск, 2003. – 141 с.
3. Руткевич Е.Д. Феноменологическая социология знания. – М., 1993. – 272 с.
4. Смирнова Н.М. От социальной метафизики к феноменологии естественной установки: феноменологические мотивы в современном социальном познании. – М., 1997.
5. Schutz A. On Phenomenology and Social Relations. – P. 100.

НЕКОТОРЫЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СИБИРИ И АРКТИКИ В XXI ВЕКЕ

Щербаков Г.А., к.с.н., заведующий кафедрой ГМУиП ТюмГАСУ

В XXI веке значительно изменяются основания и условия, в которых приходится действовать субъектам государственного и муниципального управления, чтобы гармонизировать отношения между населением, бизнесом и окружающей средой.

Первое, это ускоренная динамика всех процессов развития, в силу чего всем необходимо учиться приспосабливаться к таким изменениям. Крупные реформы государственного устройства и управления обычно проводятся раз в 25-40 лет, а не в таком количестве и не так часто, как у нас. Сегодня, сложившаяся в стране практика реформирования не может удовлетворить ни тех, кем управляют, ни тех, кто управляет. Нужен планомерный, стратегический, концептуальный подход к государственному управлению социально – экономическим развитием страны и ее регионов.

Второе, это тенденции глобализации, которые проявляются и в управлении, например, появление межправительственных органов управления, которые занимаются решением глобальных проблем современности. К последним относятся Евразийский Союз, СНГ, ШОС, БРИК и др.

Третье, рост культурного многообразия, который влечет за собой необходимость изменения принципов и методов работы с населением. Так, уже не является эффективным подход в управлении с позиции удовлетворения интересов большинства. Такого монолитного большинства как раньше, нет, что усиливает роль координационных механизмов.

И четвертое – это изменение условий соперничества, конкуренции стран на мировой арене. Конкурентные преимущества сегодня дают не столько сами природные ресурсы, которыми располагает та или иная страна или регион, а прежде всего стратегические проекты их разумного и рационального

применения. Это касается в первую очередь Сибири и Арктики, борьба за которые еще впереди. Отсюда государственная политика, государственная стратегия, организация государственного управления становятся факторами, формирующими успех страны и ее регионов на мировом рынке. Вот почему к государственным чиновникам в центре и на местах сегодня необходимо предъявлять самые высокие профессиональные и нравственные требования.

Характеризуя основные сценарии социально-экономического развития России, которые нашли отражение во многих стратегических нормативно-правовых актах, автор статьи предлагает следующие этапы:

1. Этап сложных в техническом отношении и весьма болезненных для населения реформ, проектно-исследовательских и «пилотных, национальных» программ – 2004-2010 гг. – завершился;

2. Этап инновационного развития, модернизации и системных преобразований – 2010-2020 гг. – в начале своего пути;

3. Этап постиндустриального, конвергентного и концептуального развития, основанного на креативном человеке и экономике знаний только зарождается. Его влияние станет ощутимым примерно с 2020 года.

Согласно данному сценарию Россия уже приступила к этапу инновационного развития. Региональное развитие всей индустриальной модели предполагает масштабные государственные инвестиции в новое постиндустриальное и социальное строительство, а также развертывание стратегических инфраструктурных и миграционных проектов. Дальнейшая индустриализация российских территорий бессмысленна с культурно-исторической точки зрения и в силу отсутствия у государства достаточных средств и человеческих ресурсов.

Альтернативы инновационному развитию у России нет, только кардинальное увеличение добавленной стоимости за счет производительности труда, создаваемой в инновационном секторе с помощью науки и инноваций в традиционных отраслях, должно стать одним из важнейших государственных приоритетов. Государственная региональная политика России, в свою очередь, обязана стимулировать переход регионов к инновационной модели развития и придать новый концептуальный, культурный и геоэкономический смысл региональным проектам и инициативам. Опыт России и других стран показывает, что основная задача устойчивого социально-экономического развития состоит в обеспечении концентрации всех ресурсов на приоритетных направлениях. Важно создать условия для межрегиональной кооперации и стратегического партнерства власти, бизнеса и общественных институтов в рамках концептуальной модели развития, работающих на повышение конкурентоспособности российских регионов и страны в целом.

Практика последних десятилетий подтвердила, что так называемая «экономика знаний» опирается не на природные ресурсы, а на человеческий капитал, потому ставит целью региональной политики - формирование устойчивой среды для гармоничного восстановления и развития человеческих и природных ресурсов. Существенно возрастает роль гуманитарного фактора в обеспечении социально-экономического роста региона и государства.

Представляется значимым для 2012 г. поддержать инициативу губернатора Тюменской области В.В. Якушева и приступить к созданию Западно-Сибирского федерального университета в г. Тюмени. Данная инициатива поддержана Президентом России, окончательное решение будет приниматься правительством РФ. Общеизвестно, что проблемы российской высшей школы подталкивают федеральные и региональные уровни власти к более решительному реформированию вузовской системы. Давно назрела необходимость перестроить работу вузовского менеджмента, что особо касается крупных университетов, у которых на балансе колоссальные ресурсы, госимущество, большой штат сотрудников. По сути, это крупные корпорации, которыми необходимо управлять в двух плоскостях, разделив системы административного и академического управления. Эффективному решению данной задачи будет способствовать и автономность федерального университета. Согласно Федеральному закону № 18-ФЗ, федеральному университету предоставляется право вести образовательную деятельность по собственным стандартам, а это большая ответственность и большие возможности для региона. Федеральный университет – это интегрированный инновационный научно-образовательный комплекс, своеобразие которого определяется совокупностью структурных подразделений, осуществляющих подготовку кадров и проведение исследований для важнейших отраслей в рамках программ социально-экономического развития Тюменского региона и Уральского федерального округа.

Следует заметить, что современную модель регионального социально-экономического развития в основном определяет Концепция совершенствования региональной политики в РФ, которая формулирует актуализированные применительно к текущему этапу страны цели и задачи, инструменты и механизмы реализации региональной политики государства. При сохраняющихся объективных предпосылках для межрегиональной дифференциации, определяется базовая цель региональной политики, которая, по мнению автора, состоит в обеспечении сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, муниципальных образований и страны в целом.

Согласно Концепции, ее базовая задача, состоявшая в сокращении различий социально-экономического развития субъектов РФ, не достигнута. Напротив, по объему валового регионального продукта на душу населения минимальное и максимальное значение в субъектах Федерации сегодня различается в разы. То же можно сказать и о степени дифференциации инвестиций в основной капитал на душу населения в субъектах РФ.

Сохранение данных тенденций может привести к дифференциации социальных и экономических прав граждан в зависимости от места жительства. В современных условиях причинами отставания в социально-экономическом развитии территорий являются: малое число высокооплачиваемых рабочих мест; низкий уровень материального благополучия большей части граждан; объем и качество предоставляемых услуг и, как следствие, массовая миграция из депрессивных регионов, возникновение межнациональных конфликтов.

Чрезмерная же концентрация экономического, прежде всего, промышленного потенциала зачастую приводит к ухудшению среды обитания жителей соответствующих территорий. Для достижения стратегических целей региональной политики в России в долгосрочном периоде крайне необходимо:

- рациональное размещение в территориях федеральной производственной, социальной, транспортной и таможенно-логистической инфраструктуры с учетом конкурентных преимуществ регионов;

- перейти к новым принципам применения финансово-бюджетных инструментов, определяющих устойчивое развитие регионов;

- реализовать внедрение механизмов, обеспечивающих дополнительные стимулы к повышению эффективности деятельности всех органов государственной власти РФ и органов местного самоуправления по устойчивому развитию своих территорий;

- завершить разграничение и организовать эффективное исполнение полномочий между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления путем передачи субъектам полномочий, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие субъектов РФ, и совершенствование механизмов исполнения полномочий;

- реализацию в полном объеме общих принципов организации местного самоуправления в РФ;

- гибкое использование мер государственного регулирования экономики, в том числе во внешнеэкономической деятельности с целью обеспечения сбалансированного развития регионов и страны в целом.

Поскольку руководители государства рассматривают региональную политику в разрезе, прежде всего федеральных округов, необходимо охарактеризовать социально-экономическое развитие на примере Уральского федерального округа, в состав которого входит и Тюменская область.

Преимуществами Уральского федерального округа являются: уникальный природно-ресурсный потенциал, развитый промышленный комплекс, характеризующийся преобладанием базовых, стратегических отраслей с высокой долей экспортной продукции, опирающиеся на собственные уникальные по объемам ресурсы углеводородного сырья. Удачное экономико-географическое положение, а также наличие высокотехнологичной нефтяной и газовой промышленности Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, нескольких крупных полифункциональных агломераций – городов Екатеринбурга, Челябинска, Тюмени – с высокой концентрацией квалифицированных трудовых ресурсов, крупнейшего металлургического челябинско-магнитогорского кластера.

Экономическое развитие федерального округа сдерживают: относительная удаленность от рынков сбыта, играющая особую роль для транспортировки сырья; ограниченность пропускной способности транспортных систем, по прокачке газа, газового конденсата и нефти; истощение минерально-сырьевой базы субъектов Федерации на юге округа, зависимость базовых отраслей

промышленности (топливно-энергетический комплекс, металлургия) от конъюнктуры мировых цен; неразвитость транспортной и энергетической инфраструктуры в северной части федерального округа; накопленный экологический ущерб природной среде многих промышленно развитых субъектов России.

Статистический анализ показывает, что перспективы развития Уральского федерального округа во многом связаны с дальнейшим развитием и повышением конкурентоспособности металлургии (на Среднем и Южном Урале), тяжелого, химического, сельскохозяйственного, энергетического машиностроения (в городах Екатеринбурге и Челябинске). Требуется дальнейшее опережающее развитие нефтехимии в округе. А также их обновление, путем реконструкции и модернизации действующих производств и строительство новых предприятий, обеспечивающих глубокую переработку минерально-сырьевых ресурсов и внедрение ресурсосберегающих технологий, освоение производства высокотехнологичной наукоемкой продукции. Это касается таких отраслей, как энергетика, авиа- и ракетостроение, материаловедение и электротехника, космос, системы управления и связи, приборостроение, нефтедобывающая, транспортное машиностроение, строительная индустрия, пищевая и перерабатывающая промышленность. При этом развитие округа связано и с агропромышленной специализацией этой зоны, производством продукции овощеводства, животноводства, зерна, которое ориентировано на внутреннее потребление в округе и за его пределами.

Специалисты отмечают, что Уральский федеральный округ призван стать крупным промежуточным центром в трансевроазиатском коридоре мировой торговли (Западная Европа – Юго-Восточная Азия – Америка), что требует развития международных транспортных узлов, прежде всего, авиахаба в г. Екатеринбурге.

Для решения вышеперечисленных проектов только Уральскому федеральному округу потребуется от пяти до десяти кубокилометров пресной воды ежегодно. А где ее взять? Сегодня возникает настоятельная потребность государства вернуться к отложенному в 1986 году геополитическому проекту – каналу Ханты-Мансийск – Аральское море, с научно-обоснованным отбором части стока талых вод рек Иртыш и Обь с учетом новых условий рыночной экономики, опираясь на экологические, научно-практические исследования и изыскания, проработанные в прежних вариантах проекта. Только один такой стратегический инфраструктурный проект может дать более 200 тысяч новых рабочих мест, придать новый импульс социально-экономическому развитию УрФО, соседним среднеазиатским странам, улучшить условия и качество жизни всего населения региона.

России необходима долгосрочная Программа развития водных ресурсов страны, предусматривающая перспективы их использования до 2030 года. Представляется насущным вновь и всесторонне рассмотреть ранее незаслуженно отвергнутые проекты: по нефтехимии, энергетике, мелиорации и комплексному сельскохозяйственному производству и прежде всего в Сибири и

Арктике. Пора разработать стратегию жизни страны и регионов без экспорта нефти.

Следует заметить, что общество, живущее преимущественно воспоминаниями и испугом перед совершенными ошибками, не имеет шансов на продуктивное и быстрое развитие. Именно в такой ситуации оказалась сегодня Россия, устами ангажированных глашатаев, проклинающих и отвергающих свое прошлое, но, увы, не способных выбрать позитивную концепцию своего будущего. Конечно, в реальности все намного сложнее, становление российской государственности, процесс образования нации россиян, постепенное, хотя и далекое от идеала, настройка экономического механизма не только формируют предпосылки будущего подъема и могущества государства, но и равно ставят вопрос о его существовании. Поэтому, на первый план выходит способность социального федеративного государства сосредоточить власть в руках ответственных, открытых перед обществом руководителей, способных эффективно и профессионально пользоваться этой властью во благо народа и державы.

ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

Яковлева К.С., студент ТюмГАСУ

Храмцов А.Б., к.и.н., доцент кафедры ГМУиП ТюмГАСУ

Среди социальных проблем современности достаточно острой является проблема пьянства. История борьбы с данным явлением показывает, как в досоветское время власть и общество пытались побороть распространение алкоголизма в широких народных массах. В Сибири потребление алкоголя традиционно считалось чуть ли не обязательным в силу тяжелых климатических условий и отсутствия цивилизованных форм досуга, а также более прохладного отношения сибиряков к церкви, чем жителей европейской России. Но именно церковь первой включилась в «борьбу с зеленым змием».

В 1890-е гг. антиалкогольная деятельность духовенства активизировалась благодаря указу Синода от 5-11 июля 1889 г., в котором служители церкви призывались «содействовать правительству» в борьбе с пьянством путем создания обществ трезвости, приходских попечительств, церковных братств и других подобных организаций, способствовать словом и проповедью «отвлечению народа от питейных заведений». По всей видимости, именно с этим синодальным указом, связано зарождение трезвенного движения в Сибири, в том числе в Тобольской губернии.

20 декабря 1894 г. был утвержден Устав попечительств о народной трезвости. Согласно данному уставу, попечительства о народной трезвости создавались для «ограждения населения от злоупотребления крепкими напитками», а также для распространения «среди населения здравых понятий о вреде неумеренного употребления крепких напитков» и «составление и распространение с этой целью изданий, разъясняющих вред злоупотребления

такowymi». Для достижения вышеуказанной первостепенной цели – ограждения населения от злоупотребления крепкими напитками, – попечительства народной трезвости должны «изыскивать средства предоставления населению возможности проводить свободное время вне питейных заведений». Для решения этой задачи рекомендуется устройство попечительствами о народной трезвости народных чтений и беседований, открытие чайных, народных читален, народных столовых, народных библиотек, книжных складов, народных театров и др. [1].

Несмотря на внушительные ассигнования государства на нужды попечительств о народной трезвости, их деятельность оказалась малоуспешной. Поэтому в 1907 году в Государственном совете поднимался вопрос об их упразднении, а в 1909 году было принято решение о разработке нового законопроекта о реорганизации попечительств, предусматривавшего их передачу из ведения Министерства финансов в ведение Министерства внутренних дел.

Наряду с правительственными попечительствами о народной трезвости по всей стране активно учреждались общественные. Юридические права обществ на рубеже XIX-XX вв. закреплялись в уставах (впервые устав общества трезвости в России был утвержден в 1874 г.). Помимо уставных церковноприходских обществ, также действовали учрежденные на основе устного или письменного договора. Так, в Томской епархии в 1912 г. 12 из 53 церковноприходских обществ трезвости не имели устава и действовали на основе устного соглашения [2]. Общества трезвости основывались на следующих правилах:

1. Общества трезвости составляют лица обоего пола и всех сословий, изъявившие желание на определенный срок не употреблять ничего опьяняющего.

2. Люди собираются в общества для того, чтобы совместными усилиями успешнее и самим «утвердиться в трезвости», и других удержаться от пьянства.

3. Прием в число членов общества трезвости производится в храме, в присутствии священника и нескольких членов. Принимаемый, «обратясь лицом к алтарю» и приложив к себе крестное знамение, произносит речь, а затем «собственноручно вписывает свое имя в список членов общества трезвости». По истечении срока подписка возобновляется.

4. Употребление вина по совету врача и в размере, указанном врачом, не препятствует оставаться в обществе трезвости.

5. Члены, оказавшиеся нетрезвыми, подвергаются увещанию, а во второй раз замеченные исключаются из общества и вновь могут быть приняты только под ручательством двух членов.

6. Общество трезвости пользуется следующими средствами для утверждения трезвости среди своих членов и для распространения ее среди других:

– О здравии и спасении каждого члена общества трезвости совершается поминовение в приходской церкви;

– В праздничные дни члены собираются за вечернее богослужение для общей молитвы о распространении трезвости и для выслушивания церковного поучения;

– При вступлении в общество трезвости его члены снабжаются книжками о вреде пьянства, вычитанные сведения из которых члены должны распространить среди своих знакомых;

– Общество проводит общие собрания, на которых обсуждаются меры «к упрочению и распространению трезвости».

7. Заведывание делами общества поручается совету в составе не менее трех лиц, избираемых общим собранием общества на срок, определяемым самим обществом. Приходской священник состоит непременно членом совета [3].

В России первые общества трезвости стали появляться еще в конце 1850-х гг. Они представляли собой объединения обетчиков – людей, давших обет воздержания от винопития на определенный срок. Это стихийное крестьянское движение, не имевшее ярких лидеров и четкой программы действий, постепенно сошло на нет. Однако, оно стало возрождаться снова в 1880-е гг. [4]. Что касается Сибири, то в конце XIX века, по инициативе местного духовенства, общества трезвости были открыты практически во всех приходах, например; в 1890 г. – Гилевское и Мальковское общества в Тюменском уезде Тобольской губернии и в 1894 г. – Иглаковское в Томском уезде Томской губернии [5].

Отечественная акцизная система не обеспечила народную трезвость и была отменена еще в 1864 г., после чего предпринимался ряд капитальных обновлений акцизного устава. Но сила кабатчиков оставалась непоколебимой. Положение ухудшилось в неурожайные 1891 и 1892 гг., и тогда, законом от 8 июня 1893 г., была введена казенная монополия продажа крепких напитков и положено начало создания обществ трезвости [6]. В Сибири казенная винная монополия была введена в два этапа: сначала – с 1 июля 1902 г. – на большей части территории Тобольской и Томской губерний, в Акмолинской и Семипалатинской областях, затем – с 1 июля 1904 г. – в Березовском и Сургутском уездах Тобольской губернии, Нарымском крае и прилегающих к ним частях уездов Тобольской и Томской губерний.

Наиболее активное участие священников в трезвенническом движении началось с 1909 г. после издания Синодом указа от 12 июня, призывавшего епархиальное и приходское духовенство к усиленной борьбе с народным пьянством. До этого, по свидетельству одного из организаторов движения за трезвый образ жизни в Томской епархии священника П. Комарова, духовенство «в борьбе с алкоголизмом играло роль больше отрицательную, чем положительную, ибо, не духовенство ли в деревнях (и протодиаконовство) в городах так пьет, что стало притчей в языцах» [7].

Большая часть обществ трезвости в Сибири была создана церковными приходами. Число светских обществ было невелико. Первое гражданское общество трезвости было открыто 13 апреля 1893 г. в Тобольске. На 1910 г. оно оставалось единственной светской трезвенной организацией, в то время как число церковных обществ выросло до 51. В отличие от европейской России

трезвенное движение в регионе изначально основывалось на инициативе епархиальных властей и активности приходского духовенства [8].

Период деятельности обществ трезвости в Сибири приходится на начало 1890-х гг. и вплоть до 1917 г. Но наибольшую активность они проявили в 1910-1914 гг. Причем сибирские губернии не уступали друг другу по количеству обществ трезвости. Так, на январь 1911 г. в Томской губернии насчитывалось 27 обществ трезвости (см.: табл. 1). Подавляющая их часть – 26 (96,3%) – были церковными, т.е. действовали при храмах и руководствовались уставами, утвержденными епархиальным начальством. Одно (3,7%) было «гражданским» или светским, т.е. действовало по уставу, утвержденному Губернским по делам об обществах присутствием.

Таблица 1

Численность населения и обществ трезвости Томской губернии на 1911 г. [9]

Уезд/губерния	Население, тыс. чел.	Плотность населения, чел./1 кв. версту	Число обществ трезвости				Всего	Число членов обществ	Число обществ на 100 тыс. жителей
			городских		сельских				
			гражданских	церковных	гражданских	церковных			
Томский*	617,9	2,5	-	4	-	-	4	324	0,64
Барнаульский	1300	11,5	-	-	-	9	9	725	0,69
Бийский	443,8	4,0	-	1	1	6	8	1596	1,81
Змеиногорский	423,3	7,0	-	-	-	4	4	123	0,94
Каинский	369,3	4,9	-	-	-	-	-	-	0
Кузнецкий	253,5	3,1	-	-	-	1	1	50	0,4
Мариинский	266,2	3,9	-	-	-	1	1	12	0,38
Всего по губернии	3673,7	4,8	-	5	1	21	27	2830	0,74

*Данные об обществах трезвости в Томском уезде включают г. Томск и безуездный г. Новониколаевск.

По данным таблицы 1, большая часть трезвенных объединений Томской губернии находилась в сельской местности – 22 (81,5 %), пять (18,5%) – в городах. Больше всего обществ (21) было в 3-х южных густонаселенных земледельческих уездах на Алтае – в Барнаульском, Бийском и Змеиногорском.

В Акмолинской области и Тобольской губернии на декабрь 1910 – январь 1911 гг. насчитывалось 28 обществ трезвости с 1323 членами (см.: табл. 2). Подавляющая часть трезвенных объединений Тобольской губернии и Акмолинской области – 26 (92,8%) – находились в сельской местности и 2 (7,2%) – в городах (в губернском и областном центрах – Тобольске и Омске).

Сопоставляя таблицу с подробными и точными картами, видно, что почти все сельские общества – 24 из 26 – находились в лесостепной зоне вдоль линии Сибирской железной дороги, в 7-ми наиболее густонаселенных земледельческих уездах юга Сибири, где большинство населения составляли православные русские – это уезды Ишимский, Курганский, Тюкалинский, Тюменский, Ялуторовский, Омский и Петропавловский. Два оставшихся сельских общества находились несколько севернее – в Тарском и Тобольском

уездах, расположенных в зоне западносибирской тайги. Трезвенных объединений не было только в 3-х северных малонаселенных уездах Тобольской губернии (Березовском, Сургутском и Туринском) и в 3-х южных уездах Акмолинской области (Акмолинском, Атбасарском и Кокчетавском), расположенных в зоне степей и пустынь, где большинство населения составляли казахи-мусульмане, которые употребляли слабоалкогольный кумыс.

Таблица 2

*Общества трезвости Акмолинской области и Тобольской губернии.
1910-1911 гг. [10]*

Уезд/ область (губерния)	Население, тыс. чел.	Плотность населения, чел./1 кв. версту	Число церковных обществ трезвости			Число членов обществ в	Число обществ на 100 тыс. жителей
			городских	сельских	всего		
Омский	364,6	9,8	1	1	2	120	0,55
Акмолинский	311,9	1,5					
Атбасарский	154,9	1,3					
Кокчетавский	315,3	4,9					
Петропавловский	297,0	4,7		1	1		0,34
<i>Акмолинская область</i>	<i>1443,7</i>	<i>2,9</i>	<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>120</i>	<i>0,21</i>
Тобольский	153,0	1,3	1	1	2	68	1,31
Березовский	26,9	0,05					
Ишимский	381,0	10,4		14	14	712	3,67
Курганский	359,3	15,8		3	3	250	0,83
Сургутский	9,9	0,05					
Тарский	252,8	3,4		1	1	80	0,40
Туринский	96,8	1,4					
Тюкалинский	325,2	5,5		1	1		0,31
Тюменский	140,2	8,4		3	3	77	2,14
Ялуторовский	230,1	11,7		1	1	16	0,43
<i>Тобольская губерния</i>	<i>1975,2</i>	<i>1,7</i>	<i>1</i>	<i>24</i>	<i>25</i>	<i>1203</i>	<i>1,27</i>
Всего	3418,9	2,1	2	26	28	1323	0,82

Все выявленные общества были церковными, т.е. действовали при православных храмах; некоторые имели уставы, утвержденные епархиальным начальством (гражданские кружок и общество трезвости, действовавшие в Омске и Тобольске в 1890-е гг., к началу XX в. прекратили существование). Все 5 известных руководителей обществ были священниками. Из 28 поселений, где были общества, в 26 (92,8%) среди прихожан преобладали крестьяне. «О светских обществах, которые имели бы своей задачей борьбу с народным пьянством, не приходится говорить: их нет совсем в Сибири», – писал известный томский деятель трезвости священник П.Н. Комаров [11].

Значимый вклад в управлении действиями приходского духовенства по борьбе с пьянством внесли епископы Томской епархии – Макарий (Невский), Мефодий (Герасимов), Анатолий (Каменский), председатель Иннокентиевского епархиального братства трезвости протоиерей П. Комаров, член братства

священник М. Солнцев и др. Проповедуя с амвона, на внебогослужебных чтениях, миссионерских съездах, педкурсах, они учили словом, были не только умелыми организаторами и вдохновителями трезвого образа жизни, но и являли личный пример самоотверженной работы в этом направлении [12].

Сведения о деятельности обществ трезвости неполны, но по ним можно представить общую картину. 22 общества (78,6%) принимали обеты трезвости, т.е. обещания не пить ничего опьяняющего на избранный срок, от месяца до года-двух, редко – пожизненно. В 21 обществе (75%) проводились проповеди и беседы о вреде пьянства и пользе трезвости. Принятие обетов, проповеди и беседы и были наиболее распространенными видами работы. Это отмечалось в упомянутом рапорте секретаря Тобольской духовной консистории: «Главнейшим средством здесь [в деятельности обществ] являются обеты воздержания от употребления спиртных напитков, которые в той или иной форме дают вступающие в общество». Наряду с этими формами работы общества в Омске и с. Байдарском Курганского уезда раздавали противоалкогольную литературу и проводили публичные чтения на религиозные, антиалкогольные, литературные темы, нередко в сопровождении туманных картин (слайдов). Байдарское общество трезвости имело библиотеку и, кроме того, читальню в местной школе, проводило ежегодные праздники с концертами, на которых выступали ученики школы и взрослые [13].

Таким образом, обществами проводилось отрезвление, религиозно-нравственное просвещение и подъем культурного уровня народа. Их работа вела также к уменьшению бедности и повышению благосостояния людей. Автор очерка истории Байдарского общества писал об этом: «Всякий обыватель, состоявший в обществе трезвости, будет свидетельствовать... что когда он был член [ом] общества – был трезв, а когда был трезв – легко и охотно работал, был сыт, лучше одет, исправнее и легче нес свое тягло» [14].

В 1910-1914 гг. трезвенное движение поднялось на новую ступень, когда наряду с работой на местах стали проводиться общероссийские мероприятия, получавшие широкий отклик на местах. В частности, 28 декабря 1909 – 6 января 1910 гг. в Петербурге проходил Первый всероссийский съезд по борьбе с пьянством, деятельным участником которого был священник Н.В. Булдыгин из Курганского уезда [15]. 6-12 августа 1912 г. в Москве состоялся Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, где участвовали священники Н. Гвоздинский из Омска и В. Покровский из Акмолинской области [16]. В апреле–июне 1913 г. состоялся I Всероссийский праздник трезвости, проведенный при участии духовенства и обществ трезвости Омской и Тобольской епархий; 8 апреля 1914 г. в рамках II Всероссийского праздника трезвости праздник проводился в Омской епархии.

Следует отметить, что приходские общества трезвости продолжали открываться вплоть до революционных событий 1917 г., хотя члены епархиального братства высказывали мнение о «нее котором ослаблении деятельности трезвенных организаций в 1916 г.». [17]. Вероятнее всего, ослабление было связано с занятостью духовенства, церковноприходских

попечительств и прочих организаций решением насущных вопросов военного времени – сбором пожертвований, устройством лазаретов, приютов и пр.

Благодаря трезвенному движению общественное мнение стало меняться в сторону отрицательного отношения к пьянству и благожелательного – к трезвости. Значение обществ трезвости в целом заключалось в том, что они были естественным средством самозащиты общества от разрушительной, близорукой алкогольной политики и питейных обычаев, вели к оздоровлению обстановки в Сибири и в стране в целом. Очевидно, что этот опыт необходимо использовать трезвенным объединениям, гражданам, органам власти для преодоления алкогольной катастрофы в современной России [18].

Примечание

1. Иванов Н.М. Сборник узаконений о попечительствах о народной трезвости. – Изюм, 1901. – С. 5, 101, 103, 110, 115, 118, 119, 122.
2. Комаров П. Трезвенное дело в Томской епархии и Московский Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом. – Томск, 1912. – С. 7.
3. Календарь друзей трезвости (приложение к журналу «Приходская жизнь»). – Ярославль, 1909. – С. 30-31.
4. <http://trezvenie.org/obschest/>
5. Ушакова О. Народный недуг // Родина. – 2001. – № 3. – С. 40; Томские епархиальные ведомости (ТЕВ). – 1912. – № 19. Часть неофиц. – С. 1072-1077.
6. Новомбергский Н. По Сибири: сборник статей по крестьянскому праву, народному образованию, экономике и сельскому хозяйству. – СПб., 1903. – С. 261.
7. Комаров П. Доклад о трезвости // ТЕВ. – 1909. – 21, Ч. неофиц. – С. 539.
8. Собриология / Н.А. Гринченко, В.И. Гринченко, А.М. Карпов, А.Н. Маюров. – Н. Новгород, 2009. – С. 25-26.
9. Афанасьев А. Л. Общества трезвости Томской губернии в 1900-1911 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 341 (декабрь). – С. 91-94.
10. Составлено по: Азиатская Россия. – СПб., 1914. Т. 1: Люди и порядки за Уралом. VIII; – С. 88, 91; Под сенью Байдарского общества трезвости: (с 1902 по 1909 гг.). – Курган, 1909. – 31 с.; Мордвинов И. Общество трезвости, жизнь и работа в нем. – СПб., 1911. – С. 43-49, 85, 139, 196, 213]; Вестник трезвости. – 1914. – № 229. – С. 6; – № 230. – С. 25-26.
11. Трезвенное дело в Томской епархии // Томские епархиальные ведомости. – 1912. 1 окт. – № 19. Отд. общецерковный. – С. 1064.
12. Караваева Е.В. Из истории трезвеннического движения в Томской епархии (конец XIX – начало XX вв.) // Сибирский медицинский журнал: научно-практический рецензируемый журнал. – 2010. – Т. 25, № 4 (вып.1). – С. 152.
13. Афанасьев А.Л. Общества трезвости в Тобольской губернии и Акмолинской области России (1890-е – начало 1910-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 1 (13). – С. 31-37.
14. Под сенью Байдарского общества трезвости: (1902-1909 гг.). – Курган, 1909. – 31 с.
15. Труды / Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством. – СПб., 1910. Т. 1. – С. 18, 34, 78, 123, 131, 190-191; Т. 3. – С. 1458-1459.
16. Труды / Всероссийский съезд практических деятелей по борьбе с алкоголизмом, состоявшийся в Москве 6–12 августа 1912 г. – Пг., 1914. Т. 1. – С. 11, 13.
17. Краткий отчет о деятельности Иннокентьевского епархиального братства трезвости за 1916 г. // ТЕВ. – 1917. – № 10, Ч. неофиц. – С. 249.
18. Алкогольная катастрофа и возможности государственной политики в преодолении алкогольной сверхсмертности в России / Отв. ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. – М., 2008. – 376 с.

ПРОИСШЕСТВИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ГОРОДАХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1900-1919 ГОДАХ

Яковлева К.С., студент ТюмГАСУ

При изучении социальных процессов, происходящих в любом обществе, важным их составляющим элементом является состояние преступности, т.е. количество зафиксированных в тот или иной момент времени правонарушений, динамика и причины их вызывающие. Применительно к российскому обществу как на региональном, так и на общегосударственном уровнях в досоветское время проблематика долгое время оставалась неостребованной. В советской историографии можно назвать, пожалуй, только монографию С.С. Остроумова, посвященную преступности досоветской России [7]. Изучение велось весьма специфически – историческая наука долгое время оставалась в стороне и на первом плане оказалась юриспруденция. Некоторые аспекты и сюжеты этой темы можно найти в работах юристов, сотрудников МВД и Министерства Юстиции, преподавателей учебных заведений правоохранительной системы.

Томская губерния – крупное административно-территориальное образование Западной Сибири, состоящее из окружных городов (Томск, Барнаул, Бийск, Каинск, Кузнецк и Мариинск) и безуездных городов (Новониколаевск, Нарым, Колывань) (*см.: рис. 1.*).



Рис. 1. Карта Томской губернии начала XX в.

Особое положение занимал губернский город, как сосредоточение местной торгово-промышленной и общественной жизни региона. Если обобщить статистические данные, полученные путем анализа различных печатных материалов за период 1900-1919 гг. по конкретным видам преступлений и происшествий в г. Томске, то их рейтинг в начальном и конечном пунктах обзора выглядит следующим образом (*см.: табл. 1*):

Таблица 1

Преступления и происшествия в г. Томске в 1900 и 1919 гг.

Вид преступления/происшествия	1900 г.	1919 г.
Кража, в т.ч. конокрадство	634	553
Грабеж и разбой	22	25
Убийство, умышленное нанесение ран, увечий	21	34
Самоубийство	2	21
Взрыв, в т.ч. бомбы	1	3
Побег арестантов	1	1
Железнодорожные происшествия (крушения поездов, несчастные случаи)	11	-
Пожар	44	28

Как видно из таблицы 1, в конце периода, по сравнению с начальным, количество правонарушений заметно увеличилось. Так, число убийств возросло почти на 62%, число грабежей – на 13 %. Заметим, что в середине периода (1909 г.) число преступлений и происшествий еще сохранялось примерно на уровне 1900 года: число убийств за год – 18, грабежей – 23.

Томск по числу убийств в 1909 г. занимает третье место после Барнаула (71 убийство) и Мариинска (24 убийства), а четвертое место – Каинск с 17 убийствами [12]. Для сравнения – еще в 1902 и 1905 гг. Томск занимал первое место по числу убийств в год среди городов губернии, наименьшее же число убийств в эти годы фиксировалось в гг. Каинск и Кузнецк (см.: табл. 2) [5, 6].

Таблица 2

Убийства и пожары в городах Томской губернии в 1902 и 1905 гг.

Происшествие/ преступление	1902 г.							1905 г.						
	Томск	Каинск	Мариинск	Барнаул	Бийск	Кузнецк	Колывань	Томск	Каинск	Мариинск	Барнаул	Бийск	Кузнецк	Колывань
Убийство	17	0	2	8	1	1	0	21	1	5	5	6	1	3
Пожар	56	4	12	5	7	0	8	79	2	5	22	0	2	8

Отдельно следует отметить случаи изнасилования в Томской губернии, данные о которых в начале периода не освещались в прессе, либо такие сообщения были редки. Так или иначе, случаи изнасилования к середине периода (1909 г.) явно участились, их стали освещать газеты. Так, согласно данным «Сибирской жизни» в 1909 году в губернии было совершено 41 изнасилование, из них 9 случаев приходится на детей в возрасте от 6 до 11 лет. Зарегистрирован случай изнасилования мальчика в возрасте 6 лет. Наибольшее количество случаев отмечалось в Барнаульской и Томском уездах [14].

Число самоубийств в г. Томске к концу периода резко возросло (см.: табл. 1). Истинные причины самоубийств были известны редко. Так, 13 июля 1900 г. в доме умалишенных при томской больнице повесился находящийся там на излечении душевно больной крестьянин в возрасте 41 года. Согласно полицейскому протоколу, причиной самоубийства послужило умственное расстройство. Но в доме умалишенных умственное расстройство – не редкость,

однако, за 1900 год этот случай был единственным в своем роде, не беря во внимание и последующие несколько лет [23].

Были нередки случаи самоубийств среди студентов, причиной которых являлось безвыходное положение большинства местного студенчества. Об этом свидетельствует, в частности, такой случай: Некий студент томского университета, живя впроголодь в сырых и холодных углах и будучи уроженцем юга, бегал в холодном пальто на уроки по сибирским морозам, в результате чего заболел тяжелой формой чахотки. В конце концов, он дошел до того, что ускорил свою смерть выстрелом из револьвера [24].

За первое полугодие 1909 г. в Томской губернии уже было совершено 51 самоубийство, 30 из них приходится на мужчин, 19 – на женщин и 2 – на детей. Наибольшее число самоубийств зафиксировано в г. Томске и его уезде [22].

Побеги же арестантов были не очень частыми явлениями, примерно по одному случаю в год (*см.: табл. 1*), не считая тех случаев, когда арестанты были задержаны во время побега и отправлены обратно в тюрьму, либо убиты при задержании. К концу периода участились также случаи подкидывания и взрыва бомб, летальных исходов зарегистрировано не было.

Прокладка железнодорожной ветки до Томска в 1896 г., привела к появлению еще одного вида происшествий – железнодорожных происшествий. Статистика происшествий за 1900 г. гласит, что в общем в этом году было 142 несчастных случая на Сибирской железной дороге [25]. Большинство таких случаев происходило по крайней неосторожности, невнимательности и небрежного отношения людей. Так, 17 мая 1900 г. под один из рабочих поездов попала полутороговая девочка, дочь линейного сторожа. По словам очевидцев, этот ребенок играл без присмотра на откосе полотна дороги и в момент прохода поезда неожиданно вышел на линию и так близко подошел к рельсам, что ударом поезда был сброшен под откос. Удар пришелся в голову и был настолько силен, что пострадавшая, не приходя в сознание, скончалась к вечеру того же дня [26]. В июле 1900 г. проходящим поездом в 12 часов ночи был зарезан стрелочник разъезда вследствие его сна на рельсах [27].

Казалось бы, с годами люди должны были стать осторожнее на железной дороге, но статистика показывает обратное (*см.: табл. 3*). В 1908 г. на Сибирской железной дороге было зарегистрировано уже 1418 несчастных случаев [28]. При этом данные о железнодорожных происшествиях на конец периода (1919 г.) обнаружены не были.

Пик количества пожаров приходится на 1909 г., когда уже за первое полугодие в Томской губернии было зарегистрировано 119 случаев пожаров. Среди них было несколько массовых случаев, как, например, «грандиозный» пожар в Ново-Николаевске, случившийся 11 мая 1909 года в 2 часа ночи. В газете «Томские губернские ведомости» это событие описывалось следующим образом: «...В 2 часа на Каинской улице, во дворе Гнусина, от плохой топки загорелась маленькая избушка. Пожар быстро перебросился на стоящий рядом сеновал, набитый сеном и оно вспыхнуло. Потом пламя перебросилось на соседний склад сельскохозяйственных орудий Кислякова и Трифонова. Начали загораться одно за другим деревянные здания. Ветер разносил головни. Горело

сразу в двадцати местах. ... В огне метались люди и домашний скот, деревянные дома загорались один за другим, люди перестали спасать свое имущество – пришло время спасать свои жизни. Жители бежали поближе к воде, но пробиться сквозь бушующий огонь удавалось не всем...» [20].

Таблица 3

Статистика на Сибирской железной дороге за 1908 г.

	Пассажиры	Посторонние лица	Профессиональные увечья
Со смертельным исходом	51	89	64
Несмертельные случаи	116	87	1011

Этот пожар принес убытков примерно на 1 млн. руб. Наибольшее количество пожаров в первом полугодии 1909 г. приходится на долю Томска и его уезда – 41 случай пожаров с заявленными убытками в 136 150 руб. Затем следуют Барнаульский уезд – 13 случаев пожаров с заявленными убытками в 40 173 руб., Бийский уезд – 13 пожаров с убытками в 34 347 руб., Змеиногорский уезд – 25 пожаров с убытками в 24 530 руб., Мариинский уезд – 11 пожаров с убытками в 4 360 руб., Каинский уезд – 9 пожаров с убытками в 9 075 руб. Наименьшее число пожаров отмечалось в Кузнецком уезде – всего 4 случая с заявленными убытками в 460 руб. 60% случаев пожаров возникали вследствие неисправного содержания печей и дымовых труб; 17% – от неосторожного обращения с огнем; 13% – от поджогов и 10% от невыясненных причин [11]. Число пожаров к концу периода существенно сократилось (на 63%) ввиду принятия различного рода противопожарных мер, особо активно пропагандируемых после 1910 г.

Что касается такого вида правонарушения как кражи, то они являлись неотъемлемой частью крестьянской повседневности в Сибири. Ситуация усугублялась за счет уголовной ссылки, прекращенной в 1900 г. и массовыми крестьянскими миграциями в конце XIX в. В деревнях бытовала пословица: «поселенец, что младенец, на что взглянет, то и стянет» [2]. Поэтому кражи составляли большую долю случаев среди всех видов правонарушений, совершенных в 1900-1919 гг. Но если проследить динамику краж в г. Томске в период с 1900 г. по 1919 г., то будет видно, что количество краж к концу периода заметно сократилось – почти на 13%, в то время как количество грабежей, наоборот, увеличилось. Отметим, что накануне войны произошли изменения в высшем кадровом составе полиции, способные оказать хотя и временное, но позитивное влияние на деятельность по обеспечению правопорядка, безопасности и спокойствия на улицах двух крупнейших городов губернии – Томска и Ново-Николаевска. Положительный итог произошедших изменений был отмечен даже газетами демократической направленности. В очередном номере газеты «Утро Сибири» за 17 апреля 1914 г. замечено, что волна преступности, захлестнувшая в недавнем прошлом многие сибирские города и навсегда оставившая свой след в народной памяти, уже несколько лет как окончательно отступила [3].

С началом войны криминальная и криминогенная ситуации в городах Томской губернии претерпели первые серьезные изменения. Наряду с мобилизацией, в результате которой часть лиц, имевших склонность к совершению противоправных действий, отправились на фронт, благоприятный эффект поначалу оказывал и «сухой закон», введенный на территории губернии в первых числах августа. В сентябре 1914 г. газета отмечала, что по полицейским данным в связи с закрытием винных лавок число преступлений в сибирских городах значительно сократилось – в Томске их количество уменьшилось на 27%, а максимального понижения, по словам газеты, удалось добиться по таким видам преступлений, как хулиганство, нанесение побоев, поранение [1].

Во второй половине 1916 г. наблюдался рост в сибирских городах краж и некоторых других видов имущественных преступлений. При этом значительная их часть выделялась своей специфичностью, нехарактерной для предвоенного времени. Наиболее значительным был рост числа мелких краж. Так, например, весной в Томске распространились кражи и взломы кружек для пожертвований, расположенных в общественных местах, приемных или же просто закрепленных на фасадах зданий, с дверей стали исчезать медные вывески и номерки, которые похитители сбывали кустарям [15]. Летом 1916 г. на Преображенском кладбище «подозрительные лица по ночам вырубает на кладбище лес, разбирают оградки могил и похищают кресты для отопления» [16]. Все большее распространение получали кражи уже далеко не новой одежды, обуви, продуктов питания. На рыночных площадях и улицах города женщины и дети расхватывали дрова с проезжающих мимо телег. В прессе то и дело появлялись сообщения об участившихся случаях карманного воровства в очередях. С осени 1916 г. сообщения о кражах становились все более частыми и тревожными. «За последнее время, если обратить внимание на хронику городских происшествий, – писала в ноябре 1916 г. газета, – в Томске участились имущественные преступления. Очевидно, все возрастающая дороговизна играет в этом явлении не последнюю роль...» [17].

Следует отметить, что общая направленность газетных публикаций противоречит полицейским документам и подготовленным на их основе ведомостям о происшествиях. Согласно им, в Томске количество краж в 1916 г. не увеличилось или увеличилось крайне незначительно по сравнению с 1914 г. В таком крупном городе, как Бийск, во второй половине 1916 г. краж вообще было зарегистрировано значительно меньшее, чем за аналогичный период 1914 г., а в Новониколаевске, например, отмечалось более чем двукратное уменьшение их числа. За обозначенный период только в Барнауле полицейскими фиксировался значительный, почти трехкратный рост воровства.

Данное несоответствие можно объяснить двояко: во-первых, в полицейских рапортах и отчетах сведения о количестве преступлений далеко не всегда были точны – при сопоставлении полицейских данных за предыдущие годы с данными, полученными губернским управлением от судебных инстанций практически всегда наблюдаются значительные расхождения в цифрах; во-вторых, информация о совершенной краже появлялась в

полицейском отчете лишь в том случае, если было возбуждено уголовное дело или начато полицейское расследование.

Неразрешенность же проблемы воровства в условиях падения уровня жизни широких слоев населения и ощущение безнаказанности за мелкие хищения чужого имущества стали провоцировать дальнейший рост имущественных преступлений, среди которых стали преобладать мелкие кражи. В газетах с тревогой сообщалось о чрезвычайном разгуле воровства в городе, принимавшего характер «воровских облав» [19]. «Крадут все, что попадет под руку: масло, мясо, муку, дрова, тележки, колеса, – сообщала газета в феврале 1916 г., – очищение квартир от всякого платья, хранящихся денег, вещей – производится с особенной настойчивостью!» [18].

С 1916 г. криминогенная ситуация в городах еще более осложнялась ввиду постоянного увеличения численности гарнизонов и падения в них воинской дисциплины. Деморализованные солдаты, находившиеся в увольнении или в отлучке, дезертиры и уклонисты быстро втягивались в криминальную среду. Во время полицейских облав на притоны и другие злочные места города только в период с апреля по сентябрь 1916 г. в Томске было задержано 43 дезертира, среди которых многие были в розыске по обвинению в многочисленных преступлениях. К их числу относились не только кражи, но и более тяжкие проступки. В Томске и Новониколаевске в 1916 г. неоднократно имели место случаи вооружеными нападениями солдат на прохожих, сопровождавшихся грабежом и избиениями. В Томске солдаты участвовали в вооруженном грабеже квартиры, а в Барнауле в декабре 1916 г. с участием военнослужащих произошло разбойное нападение на торговую лавку потребительского общества «Сотрудник».

Солдаты настолько уверенно и безнаказанно чувствовали себя на улицах городов, что вступали в стычки с полицейскими по самым малозначительным поводам. В Новониколаевске в марте 1916 г. имел место случай, когда в ответ на требование городского вести себя прилично группа подвыпивших солдат ответила бранью, после чего учинила драку с подоспевшими на помощь городскому приставом и старшим городским, нанесли одному из полицейских серьезную ножевую рану и отобрали револьвер. Падение дисциплины не обошло и офицеров гарнизонов. Так, например, 1 января 1917 г. группа пьяных прапорщиков, разъезжая на извозчике по Томску, в разных частях города избила без всякого повода трех солдат.

Из-за острой проблемы нехватки квалифицированных кадров в полиции, прежде всего городских и стражников, в ее штат на данные должности стали набирать случайных людей, не проявлявших должного усердия в борьбе с правонарушениями, а порой и представлявших угрозу для граждан. Так, в марте 1916 г. томский городской М. Колокольников, самовольно отлучившийся из команды городских, после употребления изрядного количества спиртного в квартире своей сожительницы попытался выстрелить из табельного револьвера в явившихся за ним коллег, отправленных приставом для его разоружения. Другой случай имел место и в Новониколаевске, где 29 мая 1916 г. городской

Ф. Прохоров выстрелом из револьвера во время вспыхнувшей за распитием спиртных напитков ссоры убил ударившего его крестьянина [9, с. 267].

Несколько иной была ситуация в других крупных сибирских городах. В Новониколаевске число убийств за вторую половину 1916 г. не изменилось по сравнению с 1914 г., и было зарегистрировано всего на один случай грабежа больше. В Бийске число убийств сократилось – одно во второй половине 1916 г. против трех за такой же период 1914 г., а количество грабежей и разбойных нападений осталось прежним. Только в Барнауле помимо роста числа краж полицейские фиксировали и рост количества убийств, однако грабежи в городе полиция не отмечала. До последних дней существования монархии эта ситуация почти не менялась. Так, в Томске в январе–феврале 1917 г. произошло довольно много убийств в сравнении с аналогичным периодом 1914 или 1916 г. – 4 вместо одного. Однако за тот же период не было зарегистрировано ни одного грабежа или разбойного нападения [9, с. 267-268].

После революционных событий февраля 1917 г. и последовавшей за ними ликвидации в стране полиции, криминальная ситуация в западносибирских городах существенно изменилась. Освобождение уголовных преступников из тюрем, произведенное по объявленной Временным правительством масштабной амнистии, привело к взрыву уличной преступности в регионе. По данным газеты «Новая жизнь», только в Томске число заключенных сократилось к апрелю-маю 1917 г. с 1000-1200 до 204 чел. [4]. Именно после этого в городах резко возросло число краж, грабежей и убийств.

В начале лета 1917 г. в попытке обуздать нахлынувшую волну преступности власти в губернском центре прибегли даже к таким беспрецедентным мерам, как введение в городе военного положения. Если операция и привела к некоторому снижению преступности в городе, то снижению весьма кратковременному, и значительного успеха в борьбе с преступностью в революционное время новым властям достичь так и не удалось. Это показывает статистика. По сведениям газеты «Путь народа», в декабре 1917 г. в Томске было совершено 136 краж, в то время как в декабре 1916 г. их согласно полицейским данным было всего 37. За этот же период в 1917 г. произошло 11 грабежей и разбойных нападений и 5 убийств, в то время как за аналогичный период 1916 г. полиция не зарегистрировала ни одного [8].

Таким образом, накануне войны в городах Томской губернии уровень уличной преступности был сравнительно высок, также наблюдалась устойчивая тенденция к ее росту. Тем не менее, для горожан степень актуальности этой проблемы перед самой войной несколько снизилась, а изменения в высшем кадровом составе полиции Новониколаевска и Томска, очищение ее рядов от недобросовестных сотрудников в будущем вполне могли привести к некоторому снижению уровня преступности. С началом Первой мировой войны такое понижение все же произошло. До конца 1915 г. признаки роста уличной преступности в городах Западной Сибири отсутствовали, но в 1916 г. в связи с углублением экономического кризиса начался быстрый рост имущественных преступлений с преобладанием мелких краж.

Дальнейшее ухудшение криминогенной ситуации привело к тому, что к концу 1916 – началу 1917 гг. кражи в городах Томской губернии получили намного более широкое распространение, чем накануне войны, но в то же время число грабежей, разбоев и убийств не увеличилось в сравнении с предвоенным временем. Резкий рост их числа наблюдался только после свержения монархии, последовавшего за ней роспуска полиции и освобождения уголовных элементов из тюрем. Попытки новой власти обуздать нахлынувшую на города губернии волну преступности не привели к удовлетворительному результату, и в революционную эпоху уровень уличной преступности в несколько раз превосходил довоенный.

Примечание

1. Война и преступность сибирских городов // Сибирская жизнь. – 1914. – 18 сент.
2. Глазунов Д. А. Правовое измерение революции: проблема преступности в 1905-1907 гг. (по материалам Томской губернии) // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Мат. Всерос. науч. конф. – Томск, 2007. – С. 132.
3. К делу о Ново-Николаевской полиции // Утро Сибири. – 1914. – 17 апр.
4. Новая жизнь. – 1917. – 4 мая.
5. Обзор Томской губернии за 1902 г. – Томск, 1904. Ведомость № 7.
6. Обзор Томской губернии за 1905 г. – Томск, 1906. Ведомость № 7.
7. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М., 1980.
8. Путь народа. – 1918. – 27 янв.
9. Цысь, С.Н. Уличная преступность и обеспечение правопорядка в городах Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914 – осень 1917 г.) // Известия АлтГУ. Серия: История. Политология. № 4/1 (68/1), 2010.– С. 265-269.
10. Сибирская жизнь: Ежеднев. – Томск, 1900-1919.
11. Сибирская жизнь. – 1910. – № 12. – С. 3.
12. Сибирская жизнь. – 1910. – № 13. – С. 4.
13. Сибирская жизнь. – 1910. – № 22. – С. 3.
14. Сибирская жизнь. – 1910. – № 25. – С. 4.
15. Сибирская жизнь. – 1915. – № 232. – С. 3.
16. Сибирская жизнь. – 1916. – 17 июля. – С. 3.
17. Сибирская жизнь. – 1916. – 4 ноября. – С. 3.
18. Сибирская жизнь. – 1917. – 17 февраля. – С. 3.
19. Сибирская жизнь. – 1917. – 20 января. – С. 3.
20. Томские губернские ведомости. – 1909. – № 34. – С. 4.
21. Томские губернские ведомости: Ежеднев. – Томск, 1900-1916.
22. Сибирская жизнь. – 1910. – № 18. – С. 3.
23. Сибирская жизнь. – 1900. – №152. - С. 3.
24. Сибирская жизнь. – 1909. – № 244. – С. 3.
25. Сибирская жизнь. – 1901. – № 67. – С. 2.
26. Сибирская жизнь. – 1900. – № 122. – С. 3.
27. Сибирская жизнь. – 1900. – № 171. – С. 3.
28. Сибирская жизнь. – 1909. – № 243. – С. 4.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Международной научно-практической конференции
«Стратегические проекты освоения водных ресурсов Сибири и Арктики в XXI
веке: концептуальное мышление и идентификация личности»

Участники научно-практической конференции отмечают, что глобальные изменения климата, рост народонаселения, увеличение потребности в энергоресурсах, удовлетворение нужд населения в продовольствии привели к неизбежному росту потребления воды на всех континентах. Тенденция мирового водodefицита остается актуальной и, даже, усугубляется. Проблема водообеспечения, водорегулирования и водопользования уже сегодня становится не только экологической, научной, технологической или организационно-хозяйственной, но и политической.

Некоторые страны мира (Китай, США, Индия) готовятся к водному кризису. Россия, располагая огромными водными ресурсами, должна ответить на вызов времени и всерьез заняться рациональным, эффективным использованием водного богатства, не допускать его деградации, обеспечить удовлетворение потребностей населения и промышленности. Российской Федерации необходимо иметь свою стратегию и стимулировать разработку и реализацию гидротехнических, мелиоративных проектов в регионах.

Однако последние два десятилетия проблемы воды оказались в нашей стране без должного внимания государства. По сравнению с концом 1980-х годов общий водозабор в Российской Федерации сократился в 1,6 раза, в то же время, сброс загрязненных стоков вырос в 1,5 раза. По официальным данным в настоящее время в водные объекты сбрасывается более 20 млрд. кубометров загрязненных сточных вод, что составляет половину всех стоков. Мелиорация земель и, прежде всего, орошение, без которого невозможно рассчитывать на гарантированную эффективность сельского хозяйства, предана забвению. Новые гидросистемы не строятся, старые разрушаются. Остро стоит проблема обеспечения как питьевой водой, так и пригодной для хозяйственных нужд, особенно в сельской местности.

Нельзя утверждать, что государство совсем не обращает внимания на эти проблемы. Так, распоряжением Правительства РФ от 27.08.2009 № 1235-р утверждены «Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года» и «План мероприятий по реализации Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года». Однако, данные документы приняты без объективной общественной экспертизы и их реализация неподконтрольна обществу.

России необходима долгосрочная Программа развития водных ресурсов страны, предусматривающая перспективы их использования до 2030 года. Представляется насущным вновь и всесторонне рассмотреть ранее незаслуженно отверженные проекты: по нефтехимии, энергетике, мелиорации и комплексному сельскохозяйственному производству и прежде всего в Сибири.

Возникает настоятельная потребность государства вернуться к отложенному в 1986 году геополитическому проекту – каналу Ханты–Мансийск – Аральское море, с научно-обоснованным отбором части стока

талых вод рек Иртыш и Обь с учетом новых условий рыночной экономики, опираясь на экологические, научно-практические исследования и изыскания, проработанные в прежних вариантах проекта. Один такой стратегический инфраструктурный проект может дать более 200 тысяч новых рабочих мест, придать новый импульс социально-экономическому развитию УРФО, соседним среднеазиатским странам, улучшить условия и качество жизни всего населения региона.

Заслушав и обсудив доклады и выступления по теоретическим и практическим вопросам, связанным со стратегическими проектами освоения водных ресурсов Сибири и Арктики в XXI веке, участники конференции считают целесообразным:

1. Отметить, что действующий Водный Кодекс РФ не отвечает потребностям времени. С учетом уже имеющейся практики его применения необходимо внести в этот документ серьезные изменения. Поручить оргкомитету конференции подготовить и направить в адрес Правительства РФ перечень дополнений и изменений в Водный Кодекс РФ, предложенных участниками конференции.

2. Рекомендовать Правительству РФ разработать Государственную долгосрочную Программу развития водных ресурсов России, предусматривающую перспективы их использования до 2030 года.

3. Учитывая то, что управление данной жизненно важной отраслью рассредоточено между различными ведомствами, проводится бессистемно и без комплексного подхода, предлагается создать в стране и регионах полноценные органы, со всеми необходимыми полномочиями и ответственностью за эффективное управление, обеспечение, использование, сохранность и возобновление водных ресурсов, и охрану их от загрязнения.

Для координации всех вопросов водохозяйственной проблематики предлагаем создать при Правительстве РФ Межведомственную комиссию по водным ресурсам и водному хозяйству. В субъектах РФ и муниципальных образованиях сформировать по вертикали региональные и местные советы по рациональному использованию водных ресурсов под председательством глав администраций соответствующих территорий.

4. Во всех регионах, муниципальных образованиях в 2012-2013 гг. разработать и реализовать конкретные по времени и показателям программы и мероприятия по обеспечению населения качественной питьевой водой и водой пригодной для хозяйственных нужд.

5. Составить экологические паспорта муниципальных территорий, предприятий, деятельность которых потенциально опасна для окружающей среды. Для проведения постоянного экологического мониторинга создать и обеспечить современным оборудованием лабораторию качества природных и сточных вод кафедры «Водоснабжения и водоотведения» ТюмГАСУ в 2012-2013 гг.

6. Рекомендовать Тюменской областной думе образовать в своем составе комиссию по водообеспечению и водоуправлению с привлечением в её состав ученых и специалистов соответствующих отраслей.

7. Поручить оргкомитету конференции довести ее решения до сведения широкой общественности и руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, ответственных за развитие регионов и городов Российской Федерации.

8. Поручить оргкомитету конференции сформировать постоянно действующую рабочую группу для освещения итогов работы конференции в средствах массовой информации, доведения положений настоящей резолюции до соответствующих органов и проведения организационной работы по подготовке очередной конференции в 2013 г.

Стратегические проекты освоения водных ресурсов Сибири и Арктики в XXI
веке: концептуальное мышление и идентификация личности

Сборник докладов
Международной научно-практической конференции

Том 2

Подписано в печать _____ г. Тираж 250 экз.
Объем _____ п.л. Формат 60x84/16. Заказ № _____.

Изд. лицензия № 02884 от 26.09.2000.
РИО ТюмГАСУ, 625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, 2